

ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАПАДНОГО ПРИЧУДЬЯ

Реформы патриарха Никона, как известно, вызвали неоднозначную оценку в русском обществе. Одна часть не усмотрела в этом ничего предосудительного и приняла церковные новшества, другая же – впоследствии названная староверами, старообрядцами, раскольниками – усомнилась в истинности и богоспасаемости реформ и вместо повиновения предпочла преследования, смерть на костре и бегство из России. Последователи старой веры оказались перед нелегкой проблемой выбора новых мест жизни во имя спасения и сохранения веры своих предков. Одним из таких мест оказалось «ближнее зарубежье» – современные Латвия, Литва, Эстония.

Исторические источники свидетельствуют о том, что староверы на территории современной Эстонии появились в конце XVII–начале XVIII вв. На протяжении XVIII в. русские религиозные диссиденты-эмигранты селились в основном и преимущественно вдоль Чудского озера. Судя по тому, что конфигурация эстонского старообрядческого анклава не меняется на протяжении 250–300 лет, в Эстонии не было вторичной миграции староверов вглубь страны, что не привело к рассеиванию старообрядческого сообщества по всей территории страны, а наоборот, способствовало консолидации, усилению и укреплению причудской старообрядческой традиции.

В Эстонии староверы часто были вынуждены селиться в обжитых местах, поэтому пахотной земли у них было очень мало (полгектара считалось нормой). Им приходилось приспосабливаться к этим условиям, осваивать и развивать нетрадиционные отрасли хозяйства¹. Взрослые мужчины здесь славились как умелые строители и печники, в основном *работали по камню*². Их руками возведены многие хозяйственные постройки в окрестных крестьянских усадьбах и *мызах*, общественные здания в Тарту, Таллинне и других городах; во времена царской России причудские строители ездили даже в Псков, Новгород, Петроград. Люди побогаче занимались торговлей. Женщины во все времена занимались домашним хозяйством, выращивали на продажу цикорий, а позднее – лук, огурцы и другие овощи. В годы первой Эстонской Республики с 7–8 лет многие мальчики и девочки начинали работать в соседних эстонских хуторах, проводили *в полях* все лето и начало осени, получая за труд мясо, зерно, картофель и другие сельскохозяйственные продукты.

Но главную роль в хозяйственном укладе старообрядцев с давних пор играло рыболовство. Их деревни тянутся вдоль Чудского озера на десятки километров, и в каждой было несколько рыболовецких артелей. В довоенные годы помыслом занималось почти все взрослое мужское население, а в бедных семьях *в озеро* ходили и женщины. Наиболее продуктивными всегда были зимние месяцы. Не одно поколение староверов совершенствовало приемы и орудия подледного лова, приспосабливалось к капризам погоды и своенравному озеру, которое здесь уважительно называют *морем*. Численный состав звеньев и артелей, маршруты их передвижения, набор снастей зависели от того, какая породы рыбы становилась главным объектом промысла. Обо всем этом участникам экспедиции 2006-го года подробно рассказали Иван Логинович Клявин, Дементий Григорьевич Алёксин, Савелий Федорович Поляков и другие профессиональные рыбаки. Местные жители проявили удивительную изобретательность и сноровку, покоряя ледовые просторы Чудского озера. От каждой деревни в сторону восточного побережья на несколько километров они торили зимние дороги, ставили вешки из еловых веток и

¹ Имеющиеся в нашем распоряжении фольклорные записи позволяют судить об особенностях хозяйственного уклада, жизни и быта, традиционной духовной культуры староверов Западного Причудья начиная с конца XIX в. Более ранняя реконструкция на основании этих материалов невозможна.

² Здесь и в дальнейшем курсивом выделены цитаты из публикуемых ниже фольклорных текстов, а также названия тех или иных произведений.

помечали километры. Для многодневных поездок использовали *лубы* – поставленные на полозья деревянные домики; осенью покупали лошадей, а весной, за ненадобностью, продавали их земледельцам. А в век моторов начали ставить мотоциклы и автомашины на шасси с огромными колесами от тракторов и самолетов. Их остроумно прозвали *каракатицами*. И сейчас в Западном Причудье проводятся забавные конкурсы на лучший дизайн и ходовые качества этих самодельных транспортных средств, которым не страшны снежные заносы, ледовые торосы и трещины.

Летом озеро не баловало уловами; рыбаки, как правило, переключались на отходнические работы. До революции многие бригады со своими лодками-*пятернями* и снастями отправлялись на далекую Ладогу. Рыбу реализовывали на месте, а на обратном пути в Петербурге закупали необходимые для дома и хозяйства «городские» товары.

Быт рыбаков в любое время года сопряжен с лишениями и риском для жизни, а «госпожа удача» капризна и непостоянна. Быть может, поэтому у них так много всевозможных примет и запретов. Самым опасным, *громовым и дождливым* считается день Казанской Богородицы, когда в озеро лучше не выходить. Это поверье подкрепляют рассказами о бедах и несчастьях, случившихся в недалеком прошлом. И сегодня стараются избежать так называемой *плохой встречи*, предпочитая обойти стороной человека с дурной репутацией или даже возвратиться домой – все равно удачи не будет. Уходить на рыбную ловлю надо тихо, без споров и ругани – *Рыбка скандала не любит*. На озере запрещается *помянуть зайца* – в сетях будет пусто. Нельзя свистеть (вызовешь сильный ветер), переворачивать хлеб вниз коркой (может перевернуться лодка). Оригинальны некоторые магические действия, сопровождающие выход артели в озеро, а также местные названия ветров – *мокрик, тепляк, возгливый, меженец* и др. Самым неблагоприятным считается *запад* – он *и из горшка унесёт рыбу*.

Как это ни странно, ни в архивных материалах, ни в записях 2006 года практически нет рассказов о водяном или каком-либо другом «хозяине озера». О водяном если и слышали, то относятся к нему как к вымышленному персонажу (*Сказки это всё...*); в лучшем случае матери пугали непослушных детей, чтобы они не начинали купаться слишком рано (*а то водяной унесёт*). Гораздо популярнее были былички о русалках. Они якобы обитают и в озере, и в речке Тихеда, и в норах, образовавшихся в *Красных Горах* (Калласте) от ударов приливных волн. Встречи с ними чрезвычайно опасны для людей. Зафиксировано также одно сказание о «фараонках» (*фараоново отродье*) – полурыбах-полулюдях. В фольклоре восточных славян эти мифологические существа, восходящие к апокрифическим сюжетам, упоминаются довольно редко. Их происхождение связывают с потонувшими в Черном море воинами фараона, которые преследовали евреев во время их исхода из Египта [СМ, 474].

Русский свадебный обряд и сопровождающие его песни, приговоры дружки, магические действия по всему эстонскому побережью Чудского озера имеют много общего. В этом нетрудно убедиться, сопоставив публикуемые в сборнике записи из разных старообрядческих селений. Многие элементы свадебного действа сходны с ними и в православной деревне Нина. В знак того, что невеста не нарушит сговор, она вручала жениху *залог* – нарядный платок, кольцо или другую ценную вещь; его возвращали только после венчания в моленной. Подруги невесты готовили для нее *красу* – букет из бумажных цветов или украшенную лентами и цветами маленькую елочку. Когда топили ритуальную баню для невесты, жених поливал *каменку* пивом, а девушки пели песню *Парна баенка растопляется...* Вскоре после свадьбы молодые ехали к родителям жены *на яичницу*; во время угощения зять должен был символическим способом намекнуть всем, *честную* девушку он взял в жены или *провинившуюся*. Структура свадебного обряда, целый ряд обрядовых действий, многие песни близки к записям с восточного побережья Чудского озера (север Псковской губернии), хотя и не дублируют их [см.: НТКП I, 175–180, 372].

Во всех причудских деревнях чрезвычайно популярны *опевальные* (величальные) песни; в репертуаре некоторых исполнительниц они по количеству не уступали всем остальным свадебным песням вместе взятым. Столь богатый набор сюжетов объясняется тем, что *опевали* по очереди всех участников свадебного пира, а тех, кто готов заплатить за особую честь, величали по два-три раза. (Достаточно было отрицательно ответить на вопрос: *Дома уже?*) «Корильных» же песен, в которых высмеивали жениха или свата, собиратели в этом регионе не обнаружили.

Характерная особенность местной свадьбы – обилие элементов, уподобляющих ее купле-продаже. Сват должен был приходиться с бутылкой водки и с самого начала заводил разговор о *товаре* (невесте) и *купце* (женихе). После венчания односельчане не пропускали свадебный поезд до тех пор, пока молодой не откупится от них. Форма выкупа необычна – на стол ставили пустую бутылку, которую надо было заменить полной (разумеется, не с минеральной водой). Жениху или свату (но *деньги жениховы*) приходилось раскошелиться буквально на каждом шагу – выкупать *красу*, место за столом и саму невесту; платить за расплетение косы, за величальные песни, за каждую ступеньку на лестнице, по которой жених поднимается в дом своего будущего тестя.

В довоенные годы парни иногда воровали невест (*свадьба крадьма*), если их родители по каким-то причинам противились браку. Однако этот обычай не получил такого широкого распространения, как в Литве. В 2006 году даже пожилые женщины нередко говорили, что никогда не слышали о свадьбе уводом.

Фольклорные материалы из эстонского Причудья лишней раз подтверждают справедливость народной мудрости: «Чего не поищешь, того и не сыщешь». В 1930 году в анкету, на которую отвечали учащиеся из Муствез, включили вопрос о том, что бывает, когда одновременно светит солнце и идет дождь. Получено почти полтора десятка разнообразных ответов. А коротенькие заклинания на выпавший молочный зуб (*Мышка, мышка, возьми зуб костяной, дай мне железный...* и т.п.) были в каждой анкете без исключения. Во время экспедиции 2006 года чуть ли не каждая собеседница подробно рассказывала о святочных гаданиях с петухом и зерном, припоминала запреты, которые необходимо соблюдать беременным женщинам. В других регионах, где собиратели не задавали подобных вопросов, практически ничего не найдено. В архивных материалах удалось обнаружить лишь один духовный стих, хотя произведения этого жанра хорошо помнят и поют до сих пор.

Видимо, нечто подобное в Причудье произошло со сказками – их просто вовремя не зафиксировали. Собиратели (а среди них почти не было профессиональных фольклористов) предпочитали записывать песни, частушки, описания обрядов, что намного проще. Между тем даже в начале третьего тысячелетия информаторы вспоминали своих бабушек, которые долгими зимними вечерами тешили их сказками. Определенную роль сыграл также высокий уровень грамотности староверов. Почти все они учились в местных школах и окончили по 6–9 классов, приобщились к книгам и городской культуре. А под ее влиянием в первую очередь «сдают свои позиции» именно сказки.

Из-за скудости имеющихся материалов об особенностях устной традиции трудно сказать что-либо определенное. Зафиксированные сюжеты не выходят за рамки репертуара, выявленного в северо-западных губерниях России. Лучше других сохранились бытовые сказки и народные анекдоты о ленивой жене, о попе-любовнике, о соревнующихся в изобретательности лгунах. Некоторые произведения занимают промежуточное положение между волшебными сказками и мифологическими сказаниями. Очевидных примет местного быта в текстах не обнаружено, лишь в языковом плане они имеют локальную окраску.

Преданий и легенд тоже записано гораздо меньше, чем можно было ожидать. Путаные и противоречивые рассказы о переселении старообрядцев из России, скорее всего, навеяны научными статьями историков и диалектологов. Определенный интерес

представляют лишь предание о местном разбойнике Васке Красном и шутовское объяснение того, почему староверы живут компактно, в многолюдных селениях, а эстонцы рассеялись по хуторам. (Бес летел по небу и *эстонцев раскидал по отдельности, а староверов так кучей кинул.*) Из христианских персонажей наибольшей популярностью пользуется *Никола-святой*. До сих пор бытуют рассказы о чудесном спасении рыбаков во время бури. Один эстонец до конца своих дней регулярно заходил в старообрядческую молельню и ставил свечи *русскому Миколу (русский святой с белой бородой)* в благодарность за свое спасение. Сюжеты некоторых легенд генетически восходят к библейским сказаниям, но их удельный вес в местном репертуаре невелик. В 2006 году удалось записать сказание о пророческом видении – в канун войны на небе появилось изображение креста.

В повседневном быту старообрядцев религиозное сознание по-прежнему играет ключевую роль. Женщины старшего поколения до сих пор помнят духовные стихи – народные песни религиозного содержания. Исполняют их и во время постов, когда нельзя петь светские по характеру (*бесовские*) песни, и в праздники, и в будни. В Западном Причудье сохранились некоторые ветхозаветные сюжеты (о всемирном потопе, *Плач Иосифа*), но преобладают произведения, связанные с евангельскими сказаниями, житиями святых, рассказывающие о подвижниках древлеправославия (*Самарянка, Гора Афон, Стих о смертном часе, Страшный суд, Стих о последнем времени, Боярыня Морозова* и др.). Самый популярный сюжет, как и у староверов-беспоповцев из России, – *Умоляла мать родная...* Большинство этих произведений создано сравнительно недавно в старообрядческой среде монахами и начетчиками, о чем свидетельствует обилие церковнославянизмов, наличие не свойственных устной народной поэзии рифмы и силлабо-тонического стиха:

*Сия гора, – рекла царица, –
Да будет жребием моим;
Отсель прострет моя десница
Всегда мой кров над местом сим... и т.п.*

Вместе с тем в некоторых текстах сохраняются древние мотивы и образы. Так, сюжет *Стиха о юном иноке Антонии* (см. № 23) строится на архаичном представлении о том, что в разных мирах время течет с разной скоростью. (Ср. волшебные сказки и мифологические сказания о путешествии человека на небеса, в подводное царство, в загробный мир и др.) В погоне за чудесной птичкой Антоний отлучается из монастыря и около часа проводит в раю, а за это время на земле проходит триста лет. (Рай в тексте не упомянут, но в большинстве регионов России это произведение называется *Райская птичка*.)

В отличие от Латвии и особенно Литвы, у старообрядцев Эстонии в бытовании этого жанра доминирует не устная, а рукописная традиция. Видимо, из книг позаимствован прижившийся здесь термин *духовные стихи* (обычно народные певцы называют их просто *стихами*). Во время экспедиции 2006-го года нам неоднократно показывали печатные сборники старообрядческих духовных стихов, в том числе изданные до революции. К этим источникам восходят машинописные и рукописные копии отдельных текстов, а также те, которыми несколько лет назад снабдил активистов местных молельных наставник из Даугавпилса Илья Алексеевич Жилко. Содержание произведений в разных копиях практически не меняется; варьирование проявляется в пропуске некоторых строф, в искажении ставших непонятными старинных слов и выражений. Поскольку в печатных и рукописных сборниках нет нотных приложений, для исполнения стихов используют литургические напевы, а иногда подбирают подходящие по ритму мелодии лирических песен (в одном случае – даже украинской). После визита И.А. Жилко в Калласте возродился интерес к народной религиозной поэзии. Женщины-долгожительницы вспомнили свою молодость и обучили земляков напевам духовных стихов, которые бытовали здесь в довоенные годы. В наш сборник включены также новообразования, в

которых используются характерные для религиозной поэзии старообрядцев мотивы и стилистические стереотипы (*Плач младенца*, № 29; *Стих о юном пустынноике*, № 30).

В религиозных семьях каждый день начинается с молитвы; с молитвой садятся за обеденный стол, приступают к серьезной работе, входят в лес или на болото. В ночь на Крещение запасаются святой водой в храме или в специально вырубленных в форме креста и освященных наставником прорубях (их иногда называют *иорданами*), а перед Пасхой моют и окуривают ладаном посуду. Люди старшего поколения, в первую очередь *крылошане*, неукоснительно соблюдают правила церковного этикета, которые особенно строги у старообрядцев-федосеевцев (их здесь называют *рабскими*). Деда одной из рассказчиц отлучили от моленной только за то, что он по неведению явился на службу в модном пальто с разрезом. Староверы помечали свою посуду, чтобы ею не пользовались *мирские*. В гостях у незнакомых людей муж пил воду *из ладони, а жена – из мужниной пясточки*.

Религиозным миропониманием пронизаны многие обычаи и поверья, способы магического воздействия на окружающий мир. Рыбаки закрепляли в носовой части больших лодок иконы; предпочтение отдавалось *Миколе-угоднику*, который пользуется репутацией «спасителя на водах». В начале прошлого века в Калласте существовала традиция привозить из поездок на Ладогу старообрядческие иконы и дарить их местному храму. Даже ежегодные фестивали пожарного общества здесь приурочивали к престольному празднику Успения Божьей Матери и начинали в моленной богослужениями от пожаров. Считалось, что от пожаров спасает также освященная в храме верба; ее использовали и при первом выгоне скота в поле – *чтобы коровушки не болели*. Как правило, с церковными праздниками народная молва связывает разнообразные сельскохозяйственные приметы и поверья (в какой день лучше всего впервые выгонять скот в поле, сажать огурцы; какая погода будет в ближайшие дни и др.).

Запрещается работать в праздничные и воскресные дни, мыться в бане после захода солнца (*моешься кровью Христа*). Вечером положено накрывать или осенять крестным знаменем (*или хоть прутик положить наверх*) оставшуюся в горшках и ведрах пищу и воду, иначе ночью в ней будут купаться *худые*. В дом не полагается пускать собаку, так как в евангельские времена она *подружилась с бесом*; а паука грех убивать – он замаскировал паутиной пещеру, в которой спрятали от преследователей младенца Христа. А вот за уничтожение змеи, которая у восточных славян традиционно слывет воплощением зла, – *сколько-то грехов долой*. Традиционные поведенческие стереотипы нередко закрепляются с помощью рассказов о Божьей каре за неблагоприятные поступки (отречение от своей веры, продажа икон, кража в моленной, присвоение денег, предназначенных для строительства нового храма, и т.п.). Особой популярностью пользуются рассказы о пьяницах, которые в нетрезвом состоянии оказываются во власти *нечистых* и порой подвергаются смертельной опасности.

В духовной культуре староверов Причудья христианские понятия, атрибуты и образы сосуществуют и переплетаются с языческими. В местных вариантах заговоров чаще обычного используются молитвенные формулы, а фольклорные заклинания порой вообще заменяются молитвами. (Возможно, этому способствовало рукописное бытование многих заговоров.) Домовой не только предупреждает своих «подопечных» о скорой смерти кого-то из родственников, но и будит тех, кто лег спать не помолившись, помогает колдуну выгнать леших из дома. Когда в первый раз в году входили в лес, молитву дополняли поэтическим обращением к деревьям, зверям и птицам – *С лесом разговаривать надо...*; даже змеям и клещам желали благополучия: *Мир вашему дому!... Печку-матку* упрашивали сделать так, чтобы пасхальные куличи и хлебы получились гладкими и красивыми. До сих пор бытует поверье, что если кто-то выругается матом, то *даже озеро встрепенётся*. С архаичными представлениями связан негласный запрет называть опасные существа, болезни и т.п. (они тотчас «откликаются» на свои имена). В записях 2006-го года почти не встречается глагол «умирать»; местные жители

предпочитают говорить, что покойник *ушёл*. Чёрта или дьявола обычно именуют иносказательно: *он, тот, враг, нечистый, лукавый, луканька, чёрный, еретик, худой*.

Это взаимодействие разных пластов народной духовной культуры наиболее ярко проявляется в семейных обрядах. Необычайно богат цикл поверий и запретов, связанных с периодом беременности (будущей матери ни в чем нельзя отказывать, она должна избегать стрессовых ситуаций, в испуге не хвататься руками за лицо и пр.). В большинстве семей стараются ни в чем не отступать от *закона* при имянаречении, ибо убеждены, что ангел-хранитель всю жизнь покровительствует своему подопечному; *подставляет крылышки*, когда тот падает; порой принимает на себя ответственность за его проступки. Известное по волшебным сказкам представление о «живой» и «мертвой» воде в рудиментарной форме сохранилось в обряде крещения ребенка: воду, в которую его трижды окунают, нельзя подогревать, чтобы она не стала *мертвой*. На свадьбе родители благословляют молодых иконой, обсыпают зерном. Некоторые ритуальные действия носят бережный характер или базируются на вере в «магию первого дня». Например, в канун Нового года конфликтующие соседи мирятся друг с другом, чтобы идти на молебен *с чистой душой*. До сих пор бытует поверье, что если мать держит на руках младенца, ей не страшны козни чертей – их нейтрализует безгрешное дитя.

В эстонском Причудье, как и в других странах Балтии и северо-западных районах Беларуси, самыми устойчивыми оказались похоронно-поминальные обряды и обычаи и связанные с ними мифологические сказания. Здесь тоже заранее готовят *смертную одежду*; перед кончиной кладут человека на пол так, чтобы он видел иконы; гробы опускают в могилы на полотенцах. Люди старшего поколения помнят, как раньше могильные кресты были только деревянные (на том свете каждому придется нести свой крест), заранее сколачивали гробы и наполняли их зерном. По общему убеждению, душа покойника сорок дней незримо витает над родной деревней, ревниво следит, чтобы все сделали согласно многовековым традициям. Малейшее отклонение от них приводит к тому, что усопший во сне или *наяви* тревожит близких и требует исправления допущенной ошибки. Необходимо выполнять предсмертные пожелания умерших, даже если они расходятся с общепринятыми нравственными канонами (положить в гроб бутылку водки, сигареты и т.п.). Популярны также рассказы о том, как покойники стремятся увлечь за собой кого-нибудь из близких. С кладбища ничего нельзя уносить, даже огарок свечи [ср.: Заветы, 63–112]. По покойникам не советуют долго плакать, поскольку родственники заливают слезами их гробы. Похоронно-поминальная обрядность староверов Эстонии гораздо богаче и архаичнее традиции, зафиксированной собирателями в Псковском Причудье.

Некоторые редкие поверья и обычаи дополняют записи, сделанные от староверов Латвии и Литвы. Местным жителям хорошо известен народный термин *кутейник* (рождественский сочельник). Но *кутью* (кашу из пшеничных зерен с медом) здесь подают на стол только на похоронах и поминках. От укуса змеи можно обезопасить себя, если быстро сунешь ужаленную ногу или руку в землю. По мнению наших информаторов, души умерших членов семьи интересуются земной жизнью своих родственников, охраняют их от несчастий, но в то же время неохотно рассказывают о загробном мире (...*придешь, увидишь*). Воду, которой обмывали покойника, сливали в подвал. Особая магическая сила приписывается мылу, используемому во время подготовки умершего к погребению. Во время войны одна из женщин заставила сына умыться с таким мылом, уверенная в том, что теперь его *ни одна пуля не возьмёт*. Самоубийц принято хоронить в северном углу кладбища; гробы с их телами не рекомендуется пронести через ворота (*под крестной вход*), их обычно передают с рук на руки через забор; раньше на их могилах не ставили кресты. Нельзя ходить *на могилки* после захода солнца, так как кто-нибудь из покойников пойдет провожать родственника, а кладбищенские ворота закроют, и ему придется до утра стоять у входа.

В мифологических сказаниях потусторонний мир обычно изображается по аналогии с миром живых – там покойники занимаются теми же делами, которыми они занимались при жизни, ходят друг к другу в гости и т.п. Эта тенденция просматривается и в причудских материалах. Однако иногда положение человека после смерти заметно меняется. Показателен в этом плане рассказ о том, как сестра во сне видит себя в загробном мире и ищет там своего брата Арсения. Но оказывается, что здесь он стал *князем Александром*, где-то работает, живет в роскошной квартире с телевизором и коврами, а *стены обложены кафелем, и с каждой кафелины голубенький цветочек*. Младенцы, умершие некрещеными, на том свете остаются слепыми и видят только в тот момент, когда на земле одновременно светит солнце и идет дождь.

В цикле быличек о «ходячих покойниках», как и в других регионах, доминируют сюжеты о самоубийцах или чертях, принимающих облик кого-либо из умерших родственников. С происками нечистой силы связывают также большинство сюжетов о привидениях и *страхах*: по ночам черти работают в заброшенной мельнице; человека преследует свинья с красными глазами; ему мерещится козлообразное существо в лодке, мужик с хвостом и сверкающими глазами, едущий *на одном тележном колесе*, и пр. Другие тематические группы мифологических сказаний в местном фольклоре представлены бедно. Леших вскользь упомянули два-три информатора; почти нет развернутых повествований о поисках заклятых кладов, о змеях, о *порче* домашних животных, о чернокнижниках, о страшной смерти колдуна, использовавшего свои «бесовские» знания во вред людям. Исключение составляют рассказы о *сглазе* и лечении заговариванием. Их довольно много, но сами тексты конспективны, не выходят за рамки типовых общерусских представлений. Репертуар местных знахарей и целителей тоже не богат, в нем преобладают медицинские заговоры.

Немало любопытных этнографических подробностей обнаруживается в описаниях календарных праздников. На святки девушки гадали о своем будущем – *пололи снег* на перекрестке дорог, клали под подушки гребни, *колодцы* из лучинок или спичек; выбегали на улицу и вручали свежеиспеченную *кокору* первому встречному мужчине; пытались рассмотреть в обручальном кольце, опущенном в стакан с водой, лицо своего будущего спутника жизни; использовали другие магические способы, чтобы узнать, кто из них первой выйдет замуж, кто будет их *суженым-ряженым*. Комплекс гаданий с травами и колосьями ржи приурочивали к Иванову дню. В южных деревнях на *Егория вешнего* женщины *замачивали подойники в вине* [водке] и сами выпивали по рюмочке-другой. Считалось, что это благоприятно скажется на здоровье коров и удоях. В Ильин день (а иногда на Ивана Купалу или на Маккавея) дети старались неожиданно столкнуть друг друга с мостков в воду прямо в одежде. Родители никогда не ругали промокших ребятишек, что косвенно свидетельствует о ритуальных корнях этого обычая. Возможно, что купание в одежде символизировало «закрытие летнего сезона»: согласно широко распространенному поверью, после Ильина дня нельзя купаться в открытых водоемах, так как Бог (Илья-пророк) бросает в воду холодный камень.

Праздники, особенно *годовье*, в Причудье отмечали шумно и весело. В престольные праздники было принято зазывать в гости и незнакомых людей, приехавших из соседних деревень; во многих домах для этого заранее накрывали столы. Особым хлебосольством отличались отрезанные от «материка» жители острова Пийрисаар; на *Петровки* к ним можно было приезжать без всякого приглашения. Любимыми праздниками молодежи была *Масленица-блиноедка* с ее карнавальным разгулом и, конечно же, *старый Новый год*. В этот день позволялось шутить и проказничать; взрослые относились к проделкам парней и девушек снисходительно – сами в молодости потешались над соседями. Утром хозяева с опаской обходили свои дворы, ожидая какого-нибудь подвоха. А набор новогодних «сюрпризов» был чрезвычайно разнообразным и постоянно пополнялся. Как и в ряде северных и северо-западных губерний России, подпирали колами входные двери; забирались на крыши и затыкали соломой или ветошью печные трубы; опрокидывали

изгороди и поленицы дров; утаскивали лодки, сани или ворота в другой конец деревни и т.п. Эти «ритуальные бесчинства» порой принимали самые неожиданные формы, требовавшие коллективных усилий. Парни уносили от домов приставные крылечки, выкатывали из подвалов бочки с соленьями, затаскивали на крыши бань небольшие лодки и накрывали ими трубы. А однажды они додумались завести в спальню мирно почивавших хозяев лошадь и привязали ее к кровати.

В Причудье сохранились воспоминания о праздничных играх соревновательного характера. Еще на памяти наших информаторов в Муствезе на Масленицу строили снежный городок и разыгрывали его осаду и разрушение. В праздничные дни на границе между деревнями парни сходились «стенка на стенку». Не исключено, что этот обычай связан с ритуальными кулачными боями – излюбленной забавой древних новгородцев.

Были у местных жителей и свои собственные праздники и развлечения, не имеющие близких аналогов в других регионах. Во время зимних святок устраивали деревенские посиделки, которые получили название *чайные вечера*. Выше уже говорилось о фестивалях пожарного общества в Калласте. Под звуки духового оркестра, со своим флагом, на котором красовались полученные за успешную борьбу с огнем медали, в сверкающих касках и спецодежде мужчины колонной проходили по всему городку, сопровождаемые восторженной гурьбой ребятишек. В гости к *красногорцам* приезжали их коллеги из Муствезе. Обязательно проводились соревнования пожарных дружин – кто быстрее протянет рукав и с помощью ручной помпы подаст воду из озера к макету «загоревшегося» объекта. А после молебна в местном храме начиналось праздничное гулянье на опушке леса, в котором участвовало практически все население Калласте. В довоенные годы в Муствезе отмечали *День русского просвещения* с демонстрацией национальных костюмов и исполнением народных песен. В последние годы вошли в традицию конкурсы на лучшие пасхальные куличи и крашеные яички. Как уже отмечалось, свой конкурс самодельных вездеходов организуют владельцы *каракаттиц*. Наметилась тенденция к фольклоризации рассказов о забавных случаях из реальной жизни, их превращению в современные народные анекдоты. В 2006 году от трех исполнителей были записаны однотипные истории о том, что некогда чистые берега Чудского озера заросли из-за необдуманных действий конкретного человека, который привез и посадил один-два куста камыша или *тросты*. Но имена виновников всякий раз называли разные, по-разному объясняли и причины проступка. (Один мужчина сделал это просто *для красоты*, а другой, страстный охотник, надеялся, что в зарослях будут гнездиться утки.) Подобное варьирование деталей – главный признак фольклорного сюжета. Таким образом, традиционная культура в русских деревнях и городках Причудья еще не сказала своего последнего слова.

Старообрядцы, как правило, не учились в эстонских школах, но с культурой и языком титульной нации они были хорошо знакомы. В их обиходной речи немало лексических заимствований с эстонского, особенно в названиях орудий труда и бытовой утвари, в фонетическом оформлении некоторых слов (*пантисты* вместо «баптистов», *Абель* вместо «Авель» и др.). А вот влияние фольклора соседнего народа здесь не столь ощутимо. За все годы собирания записан один текст предания о богатыре Калевипоэге, который бросил огромный камень, отогнав таким способом волка от своего коня. Видимо, к эстонской традиции восходит предание о камне с надписью на двенадцати языках – тот, кто ее прочтет, станет владельцем несметных сокровищ. От эстонцев усвоены два варианта поверья, связанного с *первым кукованием*. Возможно, именно поэтому информаторы по-разному интерпретировали одни и те же факты. Одна исполнительница убеждена, что *вечёрошнее кукованье к счастью; в обед когда кукует – это, значит, убыточное; утрешнее кукованье не идёт никуда*. Ее землячка считает, что доброе предзнаменование – услышать кукушку, *когда рано утром встанешь. А вечерняя кукушка не приносит пользы*. Второе объяснение представляется более убедительным, поскольку

подтверждается чешскими параллелями, ср.: «Кукование кукушки на заходе солнца предвещает смерть, несчастье или дороговизну» [СД, III, 39].

В причудских деревнях собиратели неоднократно фиксировали ритуальное посещение рожениц замужними женщинами с обязательным поднесением пирогов и других подарков новорожденному и его матери. Информаторы считают этот обычай эстонским, о чем косвенно свидетельствует его устойчивое название – *варуши*. Но не исключено, что аналогичный обычай существовал у русских первопоселенцев, а его наличие у эстонцев способствовало сохранению древней традиции. В Витебской области сходный ритуал бытует и в белорусских, и в русских селениях; местные староверы, как и в Эстонии, позаимствовали у автохтонов его народное название – *ходить в ответки* (бел. *адведзіны*). Эстонка, жившая в старообрядческом селе, прославилась искусным врачеванием рожки; за помощью к ней охотно обращались и русские. Однако гораздо чаще рассказывают о том, что к знахарям-старообрядцам приезжали лечиться эстонцы, причем не только из окрестных деревень, но и из больших городов. В деревне Варнья рукопись заговора о вещих снах (на русском языке) получена ее владелицей *из эстонского дома*, то есть от соседней-эстонцев. Таким образом, диалог культур не исчерпывается прямыми заимствованиями фольклорных произведений, важную роль играет также их контекстуальное взаимодействие.

* * * * *

Можно отметить, что введению фольклора старообрядцев Эстонии в широкий научный оборот препятствует явный дефицит его изданий. Отдельные тексты лишь в качестве иллюстративного материала иногда попадали на страницы лингвистических или исторических исследований. Важнейшая и пока единственная серьезная публикация принадлежит Александру Федоровичу Белоусову, который подготовил эстонский раздел для сборника *Фольклор русского населения Прибалтики* [ФРНП, 184–241]. В состав этой подборки вошли около 50 песен и 1 сказка, записанные от староверов Западного Причудья; публикация произведений других жанров в книге не предусматривалась. В содержательной вступительной статье А.Ф. Белоусов попытался хотя бы частично восполнить этот пробел. Он охарактеризовал оставшиеся «за кадром» жанры, по ряду параметров сравнил фольклор православных и старообрядцев, выявил ряд интересных закономерностей. В частности, исследователь отметил почти полное отсутствие преданий, христианских легенд и духовных стихов, преобладание в народной лирике хороводных песен, прикрепление ряда необрядовых песен к календарным обрядам [ФРНП, 183, 191, 196].

Следует отдать должное собирателям прошлого. Часто не владея профессиональными навыками, они сумели довольно точно зафиксировать несколько хронологических пластов народной культуры. Ф. Коняев, О. Громов, В. Егоров, О. Йогенер, О. Брандт тщательно обследовали все звенья причудского «ожерелья» старообрядческих поселений, отыскивали здесь десятки носителей фольклорной традиции, осветили многие ее стороны. Особого внимания заслуживают записи Ольги Гильдебранд, которой посчастливилось в 1949 году встретиться в Калласте с Анной Пахуриной – прекрасным знатоком старинной свадьбы, народных примет, поверий, гаданий, лирических песен и частушек. Эти тексты являются украшением данного сборника. В 1930 году учителя Черновского русского начального училища (Муствез) провели анкетирование своих воспитанников; его результаты тоже представляют определенный научный интерес и отражены в нашем издании. В 60-х годах минувшего века свой вклад в изучение старообрядческой фольклорной традиции Западного Причудья внесли студенты Тартуского университета, проходившие здесь фольклорную практику. Среди собранных ими материалов выделяются записи И. Венчиковой и М. Феклистова, судя по фамилиям,

они проходили практику в своих родных местах. К сожалению, в последние десятилетия собирательская работа в этом регионе заглохла.

Лишь в 2006 году по инициативе председателя Союза старообрядческих общин Эстонии Павла Григорьевича Варунина была организована очередная экспедиция, участниками которой были составители этого сборника. За три недели нам удалось записать сотни фольклорных текстов (более 60 часов качественных магнитофонных записей, которые будут переданы в Литературный музей им. Ф.-Р. Крейцвальда в Тарту). Предпочтение отдавалось тем жанрам, которые по разным причинам ранее не попадали в поле зрения собирателей или записывались случайно (духовные стихи, христианские легенды, правила религиозного и семейного этикета, бытовая магия). С сожалением приходится констатировать, что некоторые произведения народного творчества, прежде всего сказки и лирические песни, безвозвратно ушли из живого бытования или хранятся в пассивной памяти информаторов старшего поколения. Но в целом результаты нашей поездки свидетельствуют о том, что русская традиционная культура в этом регионе остается одной из важнейших составляющих жизни и быта местного населения и заслуживает дальнейшего изучения. На наш взгляд, Западное Причудье еще долго будет оставаться благодатным «полигоном» для фольклористов и этнологов.

ЛИТЕРАТУРА

Заветы = Новиков Ю.А. (сост.), *По заветам старины: Мифологические сказания, заговоры, поверья, бытовая магия старообрядцев Литвы*. Санкт-Петербург, 2005.

НТКП I = *Народная традиционная культура Псковской области*, т. I. Санкт-Петербург, 2002.

СД III = Толстая С.М. (отв. ред.), *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, т. III. Москва, 2004.

СМ = Толстая С.М. (отв. ред.), *Славянская мифология: Энциклопедический словарь*. Москва, 2002.

ФРНП = Белоусов А.Ф., Макашина Т.С., Митропольская Н.К. (сост.), *Фольклор русского населения Прибалтики*. Москва, 1976.

Н.А. Морозова, Ю.А. Новиков

Семейно-бытовой этикет

70. [*Не запрещали за столом ногами шаркать?*]

«Не смейте! А то подзатыльник будет.»

[*А не говорили, что кто-нибудь на ноге покатается?*]

Этот шатается!.. [*Анастасия Артемьевна прислонила ко лбу согнутый крючком палец, изображая рожки.*]

«Что ты, говорит, ногам мигаешь!»

Аганичева А.А. Муствез, 2006.

71. [*Если за стол дети садились, можно было разговаривать, болтать ногами?*]

Нет, если только ногами, то бабушка сразу скажет, что это луканька сидит у вас на ногах. Его качаете.

[*«Луканька»? А кто это такой?*]

Да. Ну, лукавый наверно, я так понимаю...

Калбина Т.М. Варнья, 2006.

72. А.С.: Нас приучали, знаете как, с детства? «За столом сиди, ногам не мотай, а то ещё шишков там намотаешь себе под столом.» <...> Потом сидеть надо очень аккуратно за столом, говорить нельзя; и ложку нельзя класть так [*показывает – вниз доньшком*]. А ложку надо класть так [*вверх доньшком*], что [*иначе*] на ей шишки будут кататься. И нельзя птичку никогда убить, гнездо нельзя разорить. Если птичку убьёшь – мама умрёт, а если гнездо – то дом сгорит. <...> Мы ходили... Тут такие горы были, и ласточек <...>, они так и летали гурьбам. И вот в этих дырочках находились ласточки. И мы пойдём... А нам хочется посмотреть, ласточка туда уйдёт в эту дырку, а как туда её посмотреть? Рукой засунем, а там уже дети маленькие, они, смотрю, за руку-то хватают, а мы плачем. А потом, когда кто-то взрослый увидит: «Нельзя трогать, это может очень плохо кончиться». Лягуху нельзя убить, тоже что-то такое...

Надежда [*дочь рассказчицы*]: Мама умрёт...

А.С.: Мама умрёт, что-то такое... <...> А хлеб уронить – нельзя никак. Поднять хлеба кусочек, поцеловать его. И понимаете, до чего это вошло в мою жизнь! Вот я сейчас уроню хлеб, я подниму и поцелую; я уже не могу иначе.

Жулина-Тарелкина А.С. Муствез, 2006.

73. [*Не говорили, что хлеб нельзя переворачивать «вверх ногами»?*]

Р.А.: Ну, это конечно. Хлеб должен лежать, как он есть, вверх ногами не положено, это великий грех. Или, не дай Бог, если кусочек хлеба на пол упадёт. <...> Его никогда не бросали, или птичкам отдать. <...> И за столом сидишь, ты должен его, хлеб, до конца съесть. Хоть уже ты поел, а кусочек хлеба остался, должен его до конца съесть, чтобы здоровье у тебя не ушло.

М.И.: Мама говорила: «Кусочек хлеба всегда доешь, это, говорит, сила твоя, доченька». <...> Хлеб – это всему голова, хлеб как бы считается Божье тело. Вот и нож нельзя в хлеб, ни в коем случае. <...> Так нельзя прокалывать хлеб, а нужно его аккуратно резать центром ножа, не концом. Что это ты ранишь Иисуса, самого Бога, Отца и Сына.

[*А не объясняли, почему хлеб нельзя переворачивать?*]

Я вот как сама считаю, что возьмите, вот мы ходим на двух ногах, да, и возьмите нас на руки поставьте, и чтоб мы на руках шли. Так, я думаю, хлеб. Он если так лежит, то его так и класть надо. А так всё равно: вот божья коровка там или жучок какой-то –

опрокинь его: он уже не может убежать... Так и хлеб, вставляется в печь да ложится, его надо на ноги поставить.

Варунина Р.А., Кивнорг М.И. Калласте, 2006.

74. За собой корочку хлеба, если осталась, доедай; а то оставляешь свою силу. Это тоже вот говорили. Бывало ведь, маленьким-то и не хочется уже, а это, бывало, бабушка или бабушка: «Доедайте! Это ваша сила, вы с этого растёте. Не оставляйте». <...>

[А если за столом кто-то недоел, а я схватил...]

Нет... По руке получишь. <...>

[А ногой качать за столом разрешали?]

Это грех, это не разрешали. <...> Уже сели если за стол, то кушай и выпаживайся вон.

[А хлеб кто режет за столом?]

Ну, обычно всегда хозяин. Ведь ещё раньше и за стол не садились, пока нет хозяина. Вначале садился бы хозяин за стол...

Кузнецова А.А. Варнья, 2006.

75. Наступает Новый год, ты должен, ну, с кем ты в ссоре, чтобы помириться и идти в церковь. И ещё была примета на Новый год такое. Что вот если войдёт мужчина на Новый год, значит, обязательно телится бычок у коровки. А если женщина придёт, то будет тёлочка. Кто первый зайдёт в Новый год. <...> Раньше были... Вот эта Фокина бабушка [Фока – покойный муж рассказчицы] и рядом соседка, бывало, они за целую неделю <...> переругаются. <...> Вечером <...> идёт, подрушник под мышкой, и вот, она к меже: «Ларионовна! Прости меня, Бога ради, за всё, что я тебе наговорила! Я иду к вечерне...». Вот такое в стариках, что со злом ты не ходи – Господь, може[m], не примет твою молитву или что.

Кузнецова А.А. Варнья, 2006.

76. ...В комнатах мы не танцевали; на улице. Нет, нет, не танцевали; этого не было. Песни пели, а не танцевали. <...> <...> Меня держали строго... Огонь зажгётся... Раньше лампы были не такие, а горел это... керосин жгли. Огонь где зажгут – чтоб дома быть. И вот караулишь, где огонь показался: «Ой, Афанасий! Огонь зажгли уже, надо идти домой...» <...> Вот так и гуляли. Я говорю истинную правду: караулили огонь...

Опикова У.П. Калласте, 2006.

77. В старину как-то люди были богобоязнее. Сейчас они и чёрта не боятся, не только Бога. <...> Какая молодёжь пошла! Страм на них смотреть. Идут по дороге и в магазин заходят в таком виде – полунагие! <...> Идёт молодая девушка, идёт; такая сигарета во рту завернутая, и знай дует... <...> «С фасоном, говорит, покурю с фасоном». Разве это красиво? Ну, родители-то тож видят. <...> Ну, родителям-то уж делать нечего, они с рук вышли. <...> Может быть, в Литве у вас понормальнее? А, може[m], ещё бесее. <...> Господи! Сисёнки чуть-чуть прикрыты, и этот, грех, усики закрытые – и ходят по дороге, и им не стыдно ни стариков, ни мужчин. <...> Это совсем чертовский век настал. Это он лежит на берегу, в сети закрутивши: «Ай, они, говорит, сами ко мне идут! Не надо, говорит, сетью их затягивать.» <...>

[А кто лежит на берегу?]

Сатана! Раньше, в старину, он на берегу ходил с тенетиной, по берегу, чтобы людей заманить к себе в сеть. Люди были богобоязные и очень молящие. А теперь никто Богу не молится; не знают, как и перекрестить лицо. Так теперь сатаны не надо и

с сеткой ходить, он лежит, сам запутавши в сеть. Отдыхает. «Они, говорит, сами идут...»

Улексина Г.Г. Кикита, 2006.

78. [*А пасхальные яички к иконе клали?*]

Да, да... И говорят, долго лежат тогда они. <...> Вербя у меня целый год. А вот нынче что-то у меня верба была плохая, и она упала от иконы, и я её выбросила. А говорят, надо год держать. <...> Нельзя, говорят, сжечь её. От пожара она спасает; правда или нет? Это мне говорила Тася, с нами ходит. В моленну ходила на крылос.

Ушакова Г.И. Кикита, 2006.

79. [*В баню в праздник нельзя было ходить?*]

Да, нельзя. И особенно вот в годовой праздник. <...> А если в праздник иду и звоню, то надо до заката солнца вымыться. А то если пойдёшь уже, то моешься кровью Христа. Вот так мне говорили. Поздно нельзя было в баню ходить. Но в праздник вообще мы никогда не топили.

Ушакова Г.И. Кикита, 2006.

80. ...А мне сказали, что до двенадцати мойтесь в бане, а с двенадцати там уже этот орудует: моет там свои эти все причандалы. И всё, что он нагрешил, полетал, тут людей совратил, и пришёл в баню и моет. И моет свои эти грязные члены, и всё... <...> Раньше баня – это святое место было, и там нужно было все тазы, это всё вымыть, опрокинуть вниз, воду нигде не оставлять. И если вода оставалась где, то обязательно покрыть её или крыжечкой или какой-то... На худой конец хотя бы крестным знаменем перекрестить эту воду, чтоб он бы не мог туда залезти вымыть свою эту грязь. Потом человек будет болеть, помоеся в такой бане. Вот... Вот это тоже мне мать рассказывала. И дома <...> она никогда ведра открытые не держала. Всё говорит: «Дети, и вы вот это запомните!» Раньше вот рукомойники тоже были. Крышка открыта, рукомойник, да... «Ой, там это он за ночь уже искупался. Обязательно крышку закрывайте! Чтобы вы потом грязной водой себя не помыли и не выпили бы этой нечистой воды».

[*А колодец?..*]

Колодец с крышками тоже. <...>

[*А вот вы так и не назвали по имени...*]

Нечистый...

[*Называть его лишний раз нельзя?*]

Лучше да. Он здесь же у тебя будет.

[*А других названий не было у него?*]

Есть всякие; я могу написать. [*М.И. написала: «Антихрист, дьявол, бес, нечистый, лукавый».*]

Кивиорг М.И. Калласте, 2006.

81. Обязательно ведро [*с водой*] закрытое должно быть, потому что там худые купаются. Говорила бабушка всегда, что там худые купаются. Закрывать надо было воду, да...

Зыбина З.К. Муствез, 2006.

82. Воду не оставляли неприкрытой <...> И посуду на ночь всегда мыли и переворачивали. Придут, поедят ночью... Накройте, если не доели.

[*А если крышка по размеру не подходит, достаточно перекрестить?*]

Вот, самое основное, самое верное дело. Крест везде спасает.

Аганичева А.А. Муствез, 2006.

83. Бабушка, ну вот, моя свекрова; она никогда не ляжет спать, чтобы она не покрыла ведро с водой. Она говорила, что лешие будут в этой воды купаться, а мы утром будем чай пить <...>.

Кузнецова А.А. Варнья, 2006.

84. М.В.: А у моей сестры свекровь, она никогда не говорила ни «бес», ни «чёрт»; она если ругала вот мужа – «еретик!» Вот, всегда еретиком его называла.

[А «антихристом» не звали?]

Звали...

А.Н.: А бабка моя говорила: «Вот чёрные-то вас носят!» Она так называла.

Богданова А.Н., Повилайтис М.В. Калласте, 2006.

85. Ругаться тоже нельзя плохими словами, особенно мать вспоминать, матом ругаться. «Материна молитва со дна моря коренит.» Если ты матом заругался, так даже озеро встрепенётся...

Тихомирова Х.И. Калласте, 2006.

86. Если молния и гром сильный, то лампаду надо зажечь сразу в комнате. <...> Уже не ложиться спать, а ходить по комнате. <...> Молния, стрела войдёт, может и дом загорется, это уже не спасёшь.

Тихомирова Х.И. Калласте, 2006.

87. [Когда гости уезжают, надо подметать быстро или подождать?]

Говорят, что нельзя. Когда уехали, в этот день убирать нельзя, надо убирать на следующий день или когда. <...> Говорят, что им дороги не будет или что-то такое нехорошее.

Печенкина А.И. Калласте, 2006.

88. Раньше говорили: «Не бей лягушку – мать умрёт!» А теперь и лягушек нет. Куда потерялись? <...> Воробьи – никудышные птицы; воробей – он вор. Красногрудка – красивая птица; трясогузка, которая хвостом трясёт; кукушка. Я так и не слышала кукушки нонче...

[А кукушка когда закукует – были какие-то приметы?]

Были. В меня были приметы... Я работала в эстонца работницей, <...> и прилетела кукушка на ворота. Два раз кукнула. А хозяйка и говорит мне: «Два убытка будет нам». Две коровы гинуло. Таки коровы были хорошие! <...> Вот, предметы были... <...> [А.Д. произнесла длинную фразу по-эстонски, потом перевела ее на русский язык:] Как тебе сказать-то?.. Вечёрошнее кукованье к счастью; в обед когда кукует – это, значит, убыточное; утрешнее кукованье не идёт никуда.

[Это эстонская примета?]

Да.

Аганичева А.Д. Муствез, 2006.

89. Е.Я.: Говорили, что если паука убьешь, сорок грехов долой. Другое дело, вот птичек гнезды нельзя трогать... Грех большой. Воробьи, говорят, тоже грешные, яны худые птички... Говоря[т], гвозди носили, Христа распинали.

[А змею можно убить?]

Д.Я.: Змею надо бить, как же...

Е.Я. Змея-то кусит. Застебать надо. <...>

Д.Я.: <...> Вот в меня было однажды так, опять скажу. Я ходила в поле, за Красным Горам там где-то. <...> И я вот таперь пришедчи туда в поле, хожу с коровам – клок такой. И на этаким-то клоку <...> огромная змея лежит, так вот свернувши. Я поглядела-поглядела, думаю, всё говоря[m], что надо застебать змею. <...> Я стала стебать, яна как соскочила с клона-то и сзаду меня. Я побежала, и яна сзаду меня. А знаете, как яна бросается? Не так, чтоб яна так плыла бы, а така змея, что как с пипкой, с красной пипкой такой, и яна от так голову-то сдынет так это... вот плывет, вот так плывет яна. И яна меня... я не знаю, сколько яна меня гнала. Я так наполохалась, я убежала. Убежала, яна так и осталася. <...> А с коровам-то на другой день опять в поле пригонишься, и надо все пасться тама. И прошло, може[m], я и не знаю, може[m], и неделя прошла время-то, аль столько там прошло время, и однажи опять вижу. И яна меня заглядела, и яна опять сзаду меня. <...> Вы представляете себе, как яна узнала это... <...> А мне тогда сказали, что змеи же рождаются на дереви. К дереву не становися в лесу, так с дерева тебе и полетят на маковку туда. Вот я не знала, что змеи на дереву рождаются. <...> Это говоря[m], даже в Здвиженье нельзя входить в лес, там собираются змеи вси в кучу, здвигаются.

[А это правда, что на Усекновение главы Иоанна Предтечи нельзя...]

Д.Я.: Резать нельзя. Даже кочан капусты нельзя резать. Вы знаете, вот в этот день в меня племянница, умерши яна уже... И ведь раньше-то мы держали скотину, боронов держали. Ну и знаете, такая машина-то, что листья... хряпу-то рубют всё скотины: колесо-то огромное и два ножика таких... два ножика больших. Ну и вот яна, знаешь ли, при... мы лук резали, яна принесла хря... листьев от свёклы да свеклинки маленькие яна принесла и стала прогонять вот скрозь эту машину-то. Прогоняла, а свеклинка-то осталась там между ножииков и не шла. Яна, знаешь ли, поставила да пошла выколупывать ту свеклинку-то. Яна выколупывала, а ножики-то, наверно, были поставлены. Вверху ножик, наверно, был, а колесо-то повернулося и, подумай, ей вот... Яна как отколупывала, палец этот так по сустав, так отрезало.

Фокины Д.Я. и Е.Я. Варнья, 2006.

90. [А змей можно убивать?]

Надо было убить. Если убьёшь змею, то сколько-то грехов долой. <...> Это говорили взрослые. Я никогда не убивала змею, хотя много видела. <...> Двадцать седьмого сентября Сдвиженье; и в этот день – я не знаю, я никогда не видела – но, вот, говорят, в этот день нельзя было идти в лес. Змеи уходят на зиму, на спячку, да... И говорят, что столько змей, <...> что ходили за грибами, даже некуда ступить. Попадалось такое место. Они все лежат и, наверно, приготавливались уходить. <...> И с этого дня <...> всегда говорили: «Сегодня уходят змеи». А прежде чем уходили, они там кучами скоплялись, прощались, что ли...

Жулина-Тарелкина А.С. Муствез, 2006.

91. Я часто сны вижу. Ну вот ещё, я вам расскажу случай, когда у меня умерла мама... Нельзя своим начинать копать яму, землю. Ну и вот, Фока, мой муж, пошёл показывать, где будет место копать, и якобы он первую лопату... ну, показал, что как, где, и первую лопату... И вы можете представить: вот сегодня маму похоронили, на другую ночь она пришла ко мне. Вот так нагнулась и говорит: «Доченька, ведь Фока-то мне могилу начал копать». <...> Я и потом спрашиваю у него: «Фок, ты копал могилу?» Говорит: «Нет, могилы я не копал, но я начал лопатой». <...> Своим не подобает могилу копать, чужие должны это дело делать...

Кузнецова А.А. Варнья, 2006. Муж исполнительницы вскоре умер; видимо, она связывала это с нарушением запрета.

92. Нельзя сдавать с дому ничего, когда кто-нибудь из своих в дорогу собирается.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 38, № 69.

93. Сор нельзя выбрасывать вон – счастье свое выметаешь вон.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 39, № 78.

94. Сор выбрасывать – люди узнают, что в доме е[сть].

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 40, № 79.

95. *Супрядки*. Когда закончим – тогда пойдём. Приходили мальчики и девочки с разных сторон и на разные места. Девочки вязали сетки, кружева, иногда пряли, но мало; больше всего вышивали и вязали кружева. Мальчики топоры точили – свою работу делали. Сидели так до первого или второго часа и шли домой. В неделю раз так собирались и называли «супрядки».

Долгова М. Зап. О. Йогенер в Калласте в 1952 г. RKM Vene 4, с. 103, № 12.

96. Здесь у нас каждый месяц была ярмарка, по главной-то улице. <...> Главное дело – привозили сюда цирк. Приводили три негра. И эти негры... Зимой их как-то не привозили, а летом они всегда привозили. Пока этот балаган строится, где выступать надо, вот эти негры стояли на улице. Руки у них были свободны; здесь [вокруг пояса] было у них белой тряпкой так замотано, были голые. Всё было голое – ноги, всё. А на ногах были цепи, чтоб они не убежали. Значит, эти негры были куплены. И мы часто там по той улице бегали, пока там строят этот балаган, что на следующий день будут выступать, и эти негры выступали. До сих пор вот думаю: «Ну, как я так могла? Они ж стояли целым дням на жары на этой; в йих не было на головы ничего; они чёрные были». Мы как-то приходили, смотрели на них и жалели. Думаю: «Ну, как я могла; от мамы хоть кусок булки принести, дать вот йим поесть, может, они не евши были...» И не могу до сих пор... Сколько прошло лет, и я всё время думаю про этих негров: «Почему я не угостила ничем йих?» Потому что хлеб-то всегда был. Булки были редко, а хлеб был всегда, и можно было бы хоть кусочек хлеба принести. Может, они не евши стояли целыми днями?

Жулина-Тарелкина А.С. Муствез, 2006.

Особенности хозяйственного уклада

97. Один рядом с другим все эти домики строили. <...> Сказали, как бес летел, то эстонцев раскидал по отдельности, а староверов так кучей и кинул с неба. Потому и живут вместе. <...> Так говорили старые люди.

Тихомирова Х.И. Калласте, 2006.

98. Жили не очень-то и в эстонско-то время, небогато жили.

[Кормились больше с огорода?]

С огорода... Тогда тоже лук-то не очень-то ишёл; это в советское время только в Ленинград ездили, так... А тогда тоже не очень. Эстонцы-то не растили ни лук, ни морковь, ничего; только поля были у них. Так вот приедет эстонец да заберёт воз луку. Да тут один был, лошадь была, так он разводил по эстонцам. Луку воз нагрузит и привезёт воз зерна или там хлеба какого.

[Земли мало было здесь?]

Земли мало было. Ну, у нас-то была земля, у нас было пятьдесят соток... А [у] некоторых и не было. А коровы – там было пастбище отведено, так ходили.

[Но надо ведь и на зиму запастись...]

Вот, на зиму запасались. У нас были сенокосы свои тоже. А сенокосы были в реки. Так ездили в лодках, и косили, и убирали, и стоги там делали. А потом зимой приводили на лошади. Или на себе: как по первому льду, так и на себе таскали, вот. И вот как только лук обрежем... До Успенья лук обрезали, чтобы после Успения нам надо в мох туда, за клюквой. Здесь же большое болото. И вот за клюквой ходили.

[А клюкву тоже продавали?]

Продавали, клюкву продавали. Наливали в погреб еще бочки, наливали к весны.

[Водой заливали?]

Водой, да; водой заливают. И весной ходили за ягодам. Как только кочерыжка оттаёт, покажется уже – так идём за ягодам. Там такая на кочках оттаявши от солнышка. Ну, ягод было много, о-о-ой! Было столько ягод! Мы два раз в день даже ходили за ягодам. Вот мешок наберём, сорок килограмм, и прём. Рукам всё брали, не машинкам. Наберём вот мешки и несём. Принесём, мешок с плеч – да на танцы. Молодёжь-то. Теперь молодёжь не хотят такой работы, не-е-е! Теперь не будут ничего делать. И всё вот успевали: и сено, и сенокос, и коровы держали, и по две ещё держали коровы – так надо сена тоже запастись. А подстилки тоже надо... Зимой как оттепель, под весну-то, тогда на дровянках водим в огород этот... навоз с этого... Кучи наделаем, еще помнут ногам, чтоб он перепрел бы немного до весны. Зато всё и урожалось; всё было на навозе.

[А «дровянки» – это что?]

Да вот санки такие самодельные, дровянки. У нас и сейчас они где-то на чердаке. <...> И в озеро также на санках ездили, были тоже свои. Теперь-то на «финках»; теперь не поедут, теперь все на технике ездят. <...>

Мы так рады, как токо с утрени придём, мы сразу студню напоремся. А теперь не знают, что в задницу пихать...

Вавилова И.А. Варнья, 2006.

99. Денег не было, не ковали горазд много денег-то. Самы зарабатывали, так и берегли.

Вавилова И.А. Варнья, 2006.

100. Он [*дед рассказчицы*] был строитель, и ездили строить: во Псков ездили, в Новгород ездили и вот етот... Петроград строили. Так как ездили – не на автобусах, не на поездах, а наймут вот этого... извозчика. А были станции тоже, станции были частые. Вот, до одной станции ведёт. <...> Едут они своей бригадой и ведут себе и кухарку. <...> И тогда вот до одной станции доедут, тогда пересаживаются на другого извозчика, а этот извозчик едет обратно, там других уже людей ведёт <...>. Вот так и добирался. Вот только я теперь забыла, сколько яны дней до Ленинграда...

Ремец У.М. Варнья, 2006.

101. [*А не было примет, когда лучше лук сажать, огурцы сеять?*]

Огурцы у нас сеяли... Обычно говорили: «Вот “никольские огурцы”», <...> на Николу, значит, надо сеять огурцы. <...> И потом ещё говорят, что огурцы надо сажать, когда на небе облака (Не то что небо заволокло полностью, а вот такие отдельные облака), тогда будет урожайный год.

Печенкина А.И. Калласте, 2006.

102. Говорили как-то, что в субботу обязательно надо первую луковину ткнуть [*посадить*]. В субботу, в счастливый день...

Вавилова И.А. Варнья, 2006.

103. ...До Николы надо лук посадить уже. <...> У меня не было стрелок [*на зеленом луке*]. А я, когда ездила в Кольки, к тётке Марины, я говорю: «Тётя Марина! А почему у тебя половина стрелки, половина не стрелки?» А она говорит: «Петровская роса. Бойтесь петровской росы». <...> Петровская роса очень холодная...

[*А огурцы когда лучше сажать?*]

Последний сад огурцов – «Акулина, кривые огурцы», – когда вот Акулина бывает. <...> А после уже этого огурцы не сажают.

Кривоногова С.Ф. Рая, 2006.

104. [*А не было примет, когда лучше овощи сеять?*]

Ой, теперь эти приметы все не действуют... <...> Вот «Елена, кривые огурцы», вот это я слышала. Это двадцать первое или двадцать третье мая – последний посад огурцов. Так вот говорили, что «Елена – кривые огурцы». Хоть какие да вырастут, если в это число посадишь. А если уже позже, тогда ни кривых, ни прямых не будет.

Ушакова Г.И. Кикита, 2006.

105. Наша мама, когда что-нибудь сажала, говорила: «Пошли, Господи, и на господскую, и на сиротскую долю!»

Варунина Р.А. Калласте, 2006.

106. [*Ничего не приговаривали, когда лук сажали или огурцы?*]

Нет, вот это нет. Не знаю... Говорили, что: «Сажаю и на воровскую, и на блядовскую – красивое! – долю». Так что всем, когда сажаю, чтобы всем хватило: и ворам, и блядам. А крали, с огородов крали...

Жулина-Тарелкина А.С. Муствез, 2006.

107. [*Когда скот в первый раз в поле выгоняли?*]

Надо в Егорья; скотинный врач Егорий.

Вавилова И.А. Варнья, 2006.

108. ...Обычно уже скот выгоняли, наверно, в мае. В апреле не выгоняли ещё, в мае. И обязательно ещё скот выгоняли (когда идут вербницу) с вербой; носили веточки вербы и вот этим прутьшком... Чтобы коровку гнать и прутьшком подгонять, чтобы благополучно бы, ничего не случилось бы с коровушкой.

Кузнецова А.А. Варнья, 2006.

109. На поле паслись [*коровы из всей деревни*]; два пастуха [*пасли*] по очереди, им не платили. В Егорий-день выпускали в первый раз стадо. Яйцо клали на порог (не знаю, почему так делали). Пастуха кормили, по очереди у тех, чьи коровы паслись.

Долгова М. Зап. О. Йогенер в Калласте в 1952 г. RKM Vene 4, с. 104, № 14.

110. Всё говорили: «Три врага в деревне: пастуху не угодить на каждого, батьке и милиционеру».

Коров-то стадо было... У нас ведь двести пятьдесят домов, двести пятьдесят коров. Но потом разделились: там эстонский край, <...> у нас – русский. У нас свой пастух, а там свой пастух был.

[*А почему пастуху трудно угодить?*]

Може[т], там корову ударил. Ведь когда пастух-то идёт, так кнут-то у них уже скручен. Большое стадо, так они тоже же лезут-то в чужие... [*огороды, посева*]. Коровушку-то стегнут, так сразу же получается... распухнет это... Так вот: «Почему ты мою корову бил? Что она тебе сделала?» <...> В меня муж тоже ходил в деревенское стадо; он так красиво на трубы трубил. Труба была с берёсты, знаешь, такая длинная. Очень красиво он играл! Это утром, в пять часов идут в тот край и уже всех будят, что дойте коров, что пойдут в поле. С берёсты труба была...

Кузнецова А.А. Варнья, 2006.

111. ...Варю всё время сахар сама. <...> Беру два килограмма, например, песку; тогда берёшь такую чашку молока [*показывает посудину емкостью 200–250 граммов*]; если естя – сливки лучше. И поставите на плиту, и варится.

[*Так пригорать же будет!*]

Надо мешать всё время, всё время мешать, оборачивать всё время. <...> Тогда можно прибавить сюда яичко или полтора; сливок можно прибавить, чтоб вкуснее было. Немножко у меня тут шоколадных конфет прибавлено. <...> Надо на среднем огне, чтоб подоле б он сваривался, и вам тогда хорошо его караулить. А когда на быстром огне, так он быстро сварится и будет такой ноздристый.

[*А как определить, что он уже готов?*]

Вот я и говорю, что он сгущается. <...> Сахар растает в молоке, и будет, как вода такая, жиденькая-жиденькая. <...> Сливки или молоко – это уж что-то одно надо.

Опикова У.П. Калласте, 2006.

Рыболовный промысел в Причудье

112. Святитель Никола – рыбацкий помощник. Кто надеется на него, тому поможет. Такой случай со мною был. Новая лодка в нас была, только в корме жуковина – рак, значит, – была, и она (*корма*) сгнила за полгода вся. Мы выехали, была большая волна неизвестно отчего. Мы стали просить святителя Миколу. Волна прошла, мы приехали к берегу. И только стали лодку тянуть, корма и отпала.

Сахаров В. Зап. О. Гильдебранд в Муствеэ в 1949 г. RKM Vene 3, с. 178, № 16.

113. Никола-Святитель – он помощник на воде. <...> Он ехал даже на пароходу, и стал корабль тонуть. Стали молиться. И он пришёл и говорит: «Не бойтесь! Крепитесь, молитесь». И тогда корабль выбило совсем не туда, куда они ехали, а в другое место.

Аганичева А.А. Муствеэ, 2006.

114. Никола помогает в море. Вот если рыбак пошел, значит, ты твори: «Святителю Христов Никола, спаси и сохрани от всяких бед и напастей!»

[*А русалками детей не пугали?*]

Да, пугали. «Смотрите, далеко купаться не ходите, русалка скоро подберёт!»

Курилова-Быстрова З.В. Большие Колькья, 2006.

115. [*Кого из святых рыбаки больше всех почитали?*]

Миколу. <...> Всегда предпочитают Миколу. Иконку брали, и свечку всегда ставили Миколы, большинство.

[*А где её держали? Ведь в лодке сыро.*]

Медная... В кармане или в уголку где.

Клявин И.Л. Калласте, 2006.

116. [*А Николу рыбаки как-то особо не почитали?*]

У.М.: Ну, наше звено ездили три брата, они ловили вместе, своя моторка. Так в них была маленькая иконка с собой, была Микола и Богородица, там створцы такие. Да, яны сейчас там в меня во.

Глафира: Они брали с собой.

У.М.: Не с собой, она в них там прибита была в этой... в лодки там уже приделано.

Редец У.М. и ее дочь Глафира. Варнья, 2006.

117. [*Кого из святых рыбаки считали своим покровителем?*]

А это Миколу. Микола – это спаситель.

[*А на больших лодках не брали с собой иконки?*]

Не... Не помню, не знаю. А вот тут был случай, что эстонец... Эстонцы, они как-то на Миколу были в озере, и зашла большая буря. Их было четверо в лодке, и трое утонули, а четвёртый остался жив, молодой парень. Так вон говорит: «Я просил только русскому Миколы». И потом всю жисть ходил в моленну, ставил русскому Миколы-праведнику свечки.

Вавилова И.А. Варнья, 2006.

118. [*Кому из святых рыбаки чаще всего молились?*]

Николай; Никола, Никола, Никола-святитель, да... <...> Мамин брат говорил. <...> Попали они в бурю, и уже их лодку перевернуло. <...> А их было всего трое – вот

дядя мой, Илинарх Архипыч; Максим Архипыч; <...> третий был не брат их, а просто знакомый, Иван Гунин. <...> И теперь вот этот дядя Илинарх держится уже там за верёвку за какую-то, за корму, и говорит; «Всё, силы нет; братцы, я, говорит, ну, отпускаю даже верёвку». А там кто-то Николе помолился. Они всегда Миколы молились. И смотрят – идёт помощь, кораблик маленький. Их спасли. Капитан этого кораблика маленького говорит: «У меня такая примета: если мачты завыли, так беда». У них крестики всегда были на груди, да... <...>

[*Не говорили рыбаки, что на озере зайца нельзя поминать?*]

Вот это я не слышала, не... Вот, слышала, такая примета у них была, что горбушку али хлеб нельзя поворачивать было; как он спечён верхом кверху, так и должен лежать. Так они могли друг друга за это бить даже, если ты перевернул вот этот хлеб по-другому. <...> А если перевернёшь, то, значит, корабль их может перевернуться...

Ушакова Г.И. Кикита, 2006.

119. В первый раз пойдёшь на озеро – кладёшь на порог двери сковороду с соломой или травой и сжигаешь, рядом с огнём поставишь топор. Через этот огонь пройдёт 14 рыбаков с неводом и припасами, впереди «жерник» – самый главный, его все слушаются. Примета – хороший лов. Это так делают постоянно...

Евдокимов М.М. Зап. О. Йогенер в Калласте в 1952 г. RKM Vene 4, с. 101, № 7.

120. Перед выездом на озеро рыбаки выпивают, остатки вина бросают на невод. Это проделывают рыбаки-старики.

Захаров И.К. Зап. О. Йогенер в Калласте в 1952 г. RKM Vene 4, с. 106, № 17.

121. Рыбак в первый раз идёт в озеро и никому ничего не даёт – оставляет своё счастье (удачу) себе.

Венгиров Т.В. Зап. М. Феклистов и И. Венчикова на о. Пийрисаар, 1969 г. TRÜ VKK 72, с. 18, № 1.

122. В озеро надо идти спокойно, нельзя перед отходом ругаться и нервничать. Рыбка скандала не любит.

Венгиров Т.В. Зап. М. Феклистов и И. Венчикова на о. Пийрисаар в 1969 г. TRÜ VKK 72, с. 19, № 5.

123. Я могу токо то сказать, как в то время ловили рыбаки. Они же на лето уезжали, ну вот, как сейчас, на стройки. Летом ловли не было. <...> Тогда приезжали, покупали лошадей. Не было, не заработали столько [*чтобы лошадь купить*], занимали. Собирались бригадой тоже. Вот и ездили на мутники; подлёдный лов был у них. <...> Ну, а так, рыбы... Что ж, я всегда папы говорила: «Почему это, когда у меня муж был рыбаком, то уже мы ели рыбу <...> любую». Тогда [*в послевоенные годы*] не было запретов, был план; продавать ей некуда было... А я всё папе говорила: «Пап, когда мы росли, почему рыбы-то у нас хорошей никогда не было?» А он говорил о том, что не давали. Приезжали купцы уже на озеро, кто закупал эту рыбу, и всё убирала. Токо по субботам... «Кошок» назывался; как такая вот круглая, там тенетина, и тут палка – «кошком» его называли. Вот по кошку дадут таких мутиков. Вот поэтому хорошей рыбы в то время и не было...

Кузнецова А.А. Варнья, 2006.

124. Отец мой ездил [*на Ладугу*]. Тут, знаешь, и поймает рыбу, да некуда её сбить.

[А по одному ездили или целой артелью?]

Нет, звено было, четыре-пять человек.

[Со своими лодками?]

Со своими. И как они переводили? Там местами сухо, надо перевезть; там надо и по суши, лодками ездили. [Имеются в виду пороги на реках, которые надо было обходить волоком.]

[А какой ветер самый нехороший у вас?]

Да вси страшные. Вси, как один! Как сильный зайдёт, так всё равно, откуда.

[А где сети ставили, как в озере места выбирали?]

Да ставили наобум святым, где попало. <...>

[А на Казанскую ходили в озеро?]

Не. Это считается годовой праздник; это нельзя. Бог накажет, в рай не пустит...

[А с собой икону не брали в озеро?]

Это в эстонско время в каждой лодке вот такой иконка была в носу прибита. Вот маленькая такая иконка. <...> Рыбак плохо жил. Поймаешь рыбу – деть некуда; не было такого, куды сдавал бы рыбу. Сдал сегодня, поехал опять. Самому куды-то надо ехать, продавать. А куды, на чём? Велисапед возьмет, и, може[m], километров десять-пятнадцать куды-нибудь уедешь туды, к крестьянам. Там, хто килограмм возьмет, хто, може[m], два. Вот, едешь по хуторам, продаёшь. Вот в русско время пришло, тогда хоть сдавай тоннам.

[А купцов не было здесь?]

Не, купцов не было. В эстонско время было, може[m], один-два; так что ж, много ль он возьмёт? Сто килограмм возьмёт там на тележку и поедет там; лошадь имел. Но ведь в Калласте все рыбаки были, не одна сотня. Сколько тут домов, а в каждом доме два-три человека; все рыбаки.

[А женщины тоже в озеро ходили?]

Ходили. <...> Это которы совсем уж бедные. Которые немного побогачее, оставлялись дома. <...> Много женщин ездили. Конечно, не зимой, а летом. <...>

[А сети, невода сами вязали?]

Самы вязали. Тут старушки были таки, всё вязали.

Алёксин Д.Г. Калласте, 2006.

125. [На каких лодках раньше рыбачили?]

Раньше ходили на парусных лодках. Это было в эстонское время, первое эстонское время. Были парусные лодки.

[А длиной примерно какие?]

Ну, метров семь, такие были они.

[А парус один?]

Было два паруса. Были двухпарусные. И были с одним парусом. <...> Средний был второй, посередине лодки. А первый, носовой, был в носу.

[А лодки не имели названий?]

Нет, лодки не имели.

[Лодки сами делали?]

Да, мастера были тут... Омеду, вот такая есть деревня, там всё делали лодки.

[Эстонцы?]

Эстонцы, да. <...> Рыбаки жили очень бедно. Ловили рыбу, а рыбу-то деть некуда было, токо в Эстонии. А Эстония – маленькое государство; на лошадях разводили эту рыбу по крестьянам. На лошадях, только на лошадях до сорокового года. <...> Купцы покупали от рыбаков рыбу. Рыбаки приезжают с озера, и уже купцы ожидают. <...> Ярмарки каждый месяц бывали, ездили на ярмарки с рыбой. Рыбаки сами не возили; рыбу разводили купцы, которые от рыбаков скупали.

[А купцы тоже местные?]

Местные, местные; староверы, да. <...>

[*В довоенное время на Ладогу уже не ездили?*]

На Ладогу ездили только до революции. Мать моя ездила на Ладогу, отец ездил... На своих лодках; здесь грузили всё, что нужно, в Калласте, и ехали до Наровы. Потом по реки, там был водопад, в Нарвы. Тогда грузили лодки на извозчика, <...> на лошади везли до моря. <...> Летом уезжали туда и ловили сига. <...> Тогда там было интересней ловить; дороже он был, много его было. Они там и жили, на Ладоге. <...> Тогда ездили из Петербурга обратно, и каждый привозил икону. Это было у них как установлено, что в церковь, как мы называем «молельня», они привозили иконы оттуда. <...> Рыбу от них скупали прямо на озере [*Ладожском*].

[*А здесь, кроме сига, какие ещё промысловые рыбы?*]

Ой, здесь была ряпушка; говорят, была царская рыба. И столько её было много! Вот, возьмём шестьдесят пятый год и по восемьдесят пятый примерно. Столько было этой ряпушки! Такая она вкусная. <...>

[*И там мелкие сети?*]

Ставные невода. Это как японцы называют «какуам». <...> Это изобретёно в Японии.

[*Сети покупали?*]

Не покупали, а здесь сами делали по ихним чертежам. Мы сами шили здесь эти ряпушные невода. <...> Май месяц, на конец апреля у нас идёт снеток; массовый лов был снетка. <...> И вот, снеток заканчивался где-то к середины мая, и тогда мы начинали шить, готовить ряпушные невода. Ряпушные невода были большие, они занимали много время. <...>

[*А каких рыб больше всего ловили?*]

Окунь, сиг, судак... Ряпушка.

[*Она по дну ходит?*]

Вот она весной, летом ходит в полводы. А когда приходит уже нерест, тогда она идёт ко дну. А нерестует она в заморозки, в ноябре, когда вот начинает озеро замерзать.

[*Налимы тоже есть?*]

Налимы есть, но налимов так... Прилов был... Ну, ловишь другую рыбу, а попадает и эта. Уха хорошая, особо печень у налима. Печень у его большая; если у налима нет печени, так это не налим. <...> Колотушками-то у нас не били; рогатка была, так ловили рогаткой. Прорубь сделают..., поддёргивают так. Там такие разные звонкие навешаны, что звенят немножечко они там... Налим идёт на это тогда.

[*А не было разговора, что если встретишь женщину, то лова не будет?*]

Не было... Но были такие... люди такие; не знаю, что у их есть? Плохая встреча. Некоторые были такие. Уже были примечены они. Тогда вернуться надо было. <...>

[*Это они сознательно или от природы такие?*]

От природы, наверное, так устроено, такой человек. Не хочет, может быть, он и не знает даже. А люди-то уже приметили.

Клявин И.Л. Калласте, 2006.

126. Зимой они [*рыбаки*] уезжали... Такой домик был, луб; такой сарайчик. Они увозили этот сарайчик туда и там жили неделю. Ловили рыбу и ночевали там. Вот и муж попробовал этой работы, <...> его взяли там в помощники. <...> И когда эту рыбу делили, кто имел лошадь и кряслы [*сани*], и сам – значит, тебе два пая. А если ты еще имел свой «запас», невод, – тягали рыбу-то неводом – когда он еще имел невод, значит, он тоже часть получал. А который мужчина один шёл в семьи на работу, ему один пай. <...>

Жулина-Тарелкина А.С. Муствез, 2006.

127. ...Да-да, я жил в этом лубу, мне пришлось жить. На озеро навеивало много снега, а ездить на лошадях было далеко. И каждый день надо было туда, на озеро, ехать; это примерно двадцать километров, там день отработать и обратно ехать на лошадях. Ну, это было невыгодно – лошади уставали. И поэтому выводили такой луб, назывался он «луб». Он с дерева был сделан, утеплённый, конечно; подобие вагончика, такой небольшой. Ну, помещалось туда двенадцать-четырнадцать мужчин. Одно звено, зимнее звено было такое. Было зимнее звено, которые сетками ловили, было четыре человека, три человека. А которые мутником ловили («мутник» назывался у нас – это, примерно, тягловый, как трал), то было двенадцать-четырнадцать человек. Ну и вот, и жили в этом лубу, ночевали в этом лубу. Лошади тоже были, стояли там с-под ветру; завешано таким... «Застава» у нас называлось. Она была такая... из материи. Вот этим заставам были завешаны эти лошади, они ночью там были.

[А корм брали для них?]

Корм брали, да; на неделю брали корм для лошадей, как же.

[И сколько лошадей везло этот луб?]

Ну, так луб небольшой: две лошади или одна лошадь свезёт, да.

[Он на санках?]

На дровни ставили. Там снимали с дровней, ставили на лёд, где такие торосы, где повыше место. И ставили туда печку, железную такую, металлическую. Дрова везли туда. Токо воду не надо было везть.

[Самовар не брали?]

Самовара не было. День отработаешь, и тогда только лечь. Так вот, в этом лубу было холодно спать. Заворачивались... Кто окол печки попадёт, тому жарко.

[А как выбирали, кому у печки?]

А вот кто успеет. Да кто такие поглавнее. Например, молодые – так уж не положат к печке.

[На полу прямо спали?]

На полу, да.

[Никаких лежанок не было?]

Нет... Были, были! Нары делали такие; в два ряда были. Одны на полу спали, а другие на этих...

[А у псковских рыбаков тоже были лубы?]

Нет. Мы так встречались на озере, а лубьев у них не видели. <...>

[А состав рыбаков постоянный был?]

Постоянный, постоянный. На сезон и даже на много лет; «артель» называлась.

[А кто там был главным?]

Руководитель был там; который толкал эту жерсть, вот этот был руководитель.

[А его как-нибудь называли?]

Ну нет, так само... «Жерник». Жерсть он толкает эту, значит, он – «жерник». А кто поддаёт сеть эту всю, это «поддавало». А кто лёд рубил, шесть человек, – это были «пеклецы». Это по-нашему называли; это только в Калласте. Если вы будете спрашивать в другом месте, там по-другому будут называть. А кто тянул эту сетку (там были двенадцать-четырнадцать человек, так каждому там...), – это были «подтягалы». <...>

[А еду готовить на такую артель, наверное, кого-нибудь оставляли по очереди?]

Нет, в каждого своё было; каждый с дома брал своё. А уху тогда варили, и чай грели... Жерник был самый главный, он выбирал, где тоня. Его все слушались. <...>

[А куда молодёжь ставили?]

Молодежь рубить лёд брали. Это самое тяжёлое. <...>

[И там работали без перерыва?]

Без перерыва; обеда не было. <...> Когда немножко там тоню стянут, прибираются; это снова ложут на дровни... Так вот, кусочек хлебахватишь и опять дальше работать.

[*А от ветра сильного какая-то одежда специальная была?*]

Ну, в тоё время не было; теперь разные одежды. Ну, «кожан» был – это от дождя. Это как мантиль такой. Его шили сами; вот, в эстонское время шили сами. Просто брали такой материал...

[*Брезент?..*]

Нет, он не был брезентом. И тогда сошьют его, и мазали его олифой несколько раз, и он становился водонепроницаемым. Вот, была такая одежда. <...> А на ногах сапоги, и зимой, и летом. Тогда не было валенок, тогда были кожаные сапоги. В валенках мокро, вода...

[*На озере ведь можно и заблудиться зимой?*]

Да не, не случалось. Вот как только озеро замёрзнет, сразу делали веховую дорогу и ставили, значит, вешки. «Вешили дорогу» – так говорили. Компасы были. И вот по этой дороге тогда ездили; она прямая была. Едут по дороге, и там были километры, до двадцати километров было. По дороге едут; ну, теперь надо свернуть с дороги, ведь на дороге не будут все ловить. Вот, знают, на каком километре свернули, вправо или влево.

[*А километры как обозначали?*]

Дощечку такую ставили, и там было написано: первый километр, второй, третий...

[*Ездили далеко?*]

Двадцать, двадцать пять километров. В советское время ловили большинство на той стороны; там больше рыбы было. У нас здесь мало рыбы. Мы всё ездили во Гдов; слышали город Гдов? <...> Работа тяжёлая была. Ну, а что – здесь больше нечего делать...

[*А лошадей рыбаки покупали?*]

Это было, как обычай. На зиму покупали лошадей, а весной продавали.

Клявин И.Л. Калласте, 2006.

128. На мутник ездили; у нас семь лошадей и четырнадцать человек мужчин. Зимой ловили, подо льдом. Называли «мутник». И вот вечером приедем, а купцы уже дожидают. Ну, звеньевой тогда назначает цену, сколько там. Молчат, что дорого. Ну, опять помаленьку сбавляет цену-то. Тогда: «Хай!» А кто вперёд? Ну, опять ругаются. «Я!» – «Нет, я!» А звеньевой тогда скажет, что: «Нет, вот всё-таки ён первый закричал. «Хай!» – да, согласен. И тогда на коня, на дровни, и в ночь в Тарту. Ну, там яны не торговали, но тоже сдавали. Там уже тоже были такие купчички да скупщики. И продадут, сдадут, и к вечеру опять назад.

[*А как делили улов?*]

Деньги шли. Было четыре хозяина... Два хозяина было, хто куплял эты снасти. А мы были, считали, пятикопеечники; что нам платили-то меньше за это. Хозяин получал своё, больше получал, а рабочему такому меньше платили. Вот, семь лошадей, так который с лошадьё был человек, рабочий, ему тоже платили за коня. Ну и там, рыбки брали себе жарить...

[*Мы попросили С.Ф. повторить рассказ о поездке на «Русский берег», который не удалось записать во дворе.*]

...Отсюль выезжаем, сетки поставим. Далёко ехать домой; поедем искать на тот берег квартиру, где ночь переночевать. Приехали в один дом, по реке. Река такая, я забыл, как её зовут уже... По реке едем, окол реки домик стоит. Ну, не такой что маленький, но дом всё-таки. Вошли в дом, нас не пускают, что: «В нас семья большая, едьте дальше». Ну, поехали дальше. Там, може[m], километра была; дома там очень

редко были. Приехали туды-ка, та хозяйка согласилась, пустила. И чай согрела. У нас всё с собой ведь было; всё с собой – и еда, всё-всё с собой. Но чай ведь тёпленький всё-таки. И спать уложит. «Где место?» – «А нам всё равно, как мы привыкли». Уложит; поставит [*лошадей*] под крыжу; и мы брезентом закрываем, чтоб теплее было. И утром встанем, опять чай согреть, не пускает. <...>

[*Платили деньгами или рыбой?*]

Деньги. Мы только поставили [*снасти*] и поехали. Оттуль едем, вытягиваем сетки вон – и домой.

[*А сетки разбирали уже дома?*]

Дома. На морозе где ты там – сразу всё смерзнет. И опять приедем, тут день-два поразбираем сетки, опять поедем. Тогда уже знаем, куда ехать. «Приезжайте, приезжайте!» У нас сало, мясо с собой отваренное, всё. Садимся и её угощаем: «Вот, берите наше угощение тоже».

[*Вы ещё про домики говорили, которые с собой возили.*]

Не, мы не возили. А домики кто называли, крюкам ловили. Такой крючок большой, туды вешают плотву и ставят под лёд. И нитка эта двенадцать метров, нитка. Она смётана так, и така рогулька, и в рогульку это вдевают, так завернут. Щука плотву хватает, чтоб яна не задержалась бы, а сразу нитка пошла бы. Эти крюковщики ставили – «лубы» назывались. Ну, с досок сделано, всё-таки чтоб тепло было. Конечно, там и ночью вставали, топили, и печка в середины сделана. Вот там они обитались. А крюки ставили... Вот тут луб стоит; отсюда начнут ставить. Ну, они так – метров пятьдесят крюк от крюка, что длинная – могут они завернуться. Метров пятьдесят крюк от крюка; двести крючков ставили. Вот отсюль начнут, такой круг делают и придут опять к лубу. Тогда не заблудишься, всё равно придёшь туды-ка. Когда рыбы много, тогда два дня и... А в их в некоторых лошадях не было, а на санках. Санки взял, и ведут, в деревню приведут рыбу домой, тут продадут и опять... <...> Иной раз там три-четыре луба с Вороньи. Ну, и везде: в Кольках, и Казапилье, везде были. Что день далёко ходить, так устаёшь ведь. И снега были. Мы на мутнике ездили, так тогда дорога намята уже, набита дорога, так по дороге-то хорошо. На дорогу выедут – и домой.

[*«Мутник» – это сетка большая?*]

Нет, там канат, и к канату сетка так привязана. Сделана не так плотно, а сделана так, как кольцо. Такой полукруг. Там матка сзад, которая рыбу берёт. <...> «Матка» называем, меретка такая. Иной раз хорошо ловили.

Поляков С.Ф. Варнья, 2006.

129. [*А Вы ещё рассказывали про грузила, про камешки.*]

А, камешки, да... Сперва камешки были, вот такие длинные матёрочки были. К сетке привязана, а камешек вот так, ниже, был. А нонь, не знаю, откуль пошла мода такая... Откуль-то мы узнали, что кольца стали делать. Камешек, ён на верёвочке, и ён там закрутится одна за одну, и опять тьяни вон. А на морозе вытянешь сетку вон, смётки смерзнутся. Даже морозы были таки, что и камень смерзнутся сразу. Пока там распутываешь, опять спустишь... А кольца цинковы надо было, железные не годились; цинковы кольца. И стали кольца делать, и тогда никогда не путались. Кольцо большое, а яча тоже большая, а кольцо-то не войдёт в ячу. А камешек – цирк! туды, и опять... И вот кольца стали делать, и с кольцам хорошо было. Не было возни такой, чтобы запутались. <...> И проволока дешёвая была. Тут делали скотник, <...> и там прямо рули были проволоки этой. Поедем за проволокой. Не денег – пиво брали с собой. Пива дадим там две-три бутылки: «Берите, сколько надо!» Она дешёвая была, везде валялася. А теперь нигде не валяется, теперь нету; теперь она дорогая. А раньше бухта лежит: «Бери, сколько надо вам!» И с ей хорошо было. Мы сами и крутили. Деревянный барабан такой, и на барабан надевали ещё железную трубу, что яна ровная. Дерево, оно маленько и неровное. А это надевали и крутили. Один крутит, другой пускает – и

кольца выходят хорошие. <...> Поплавки мы делали с трубок, с берёсты. Что пенопласт не знали, как делать, какую величину трубку делать. Сделаешь побольше – сдвинет всё под лёд, примёрзнет. Маленькая – опять... А с берёсты делали; хоть как берёстина, толстая аль кака, всё равно круг утопил её, топил. В ей не было такой силы – сдвинуть кольца. <...>

А один год тоже был такой, что ловили; месяц ловили сетками подо льдом. Дементий был тоже... Это сын [его] ездил со мной. А ён иной раз выезжал за сына; ён уже старый был. И пришёл ураган, и озеро разорвало. А сетки в озере все. А раньше ставили вехи; ну, я не помню – на пятьдесят метров, на сто метров. От ёлки эти сучья брали, яны хорошо видать. <...> И вехи ставили километров пятнадцать в озеро. И по вехам тогда хорошо ездить было; всё время по одной дороге, дорога набивалась. И озеро разорвало, а сетки в озере. И вот, как таперь их найдёшь? Так поставили опять это вехи, как были поставлены. Что ни туды и ни сюды, а как было. Две-три вехи осталось ниже, а верх оторвало. И по этим опять поставили точно так, как было. И по этим вехам тогда мы сетки нашли. И на кажинный километр ставили палку. И на палке написано: километр, два, три – и так и всё и шло. А ездили, так с какой палки сворачивали, чувствовали уже. И так находили. Ну, не все нашли, большую часть нашли всё-таки.

А теперь сделаны колёсные таки, «каракатицы». <...> Во всех рыбаках тута. Даже и в удцах естя сделано. Удить на секушку едут, и тоже сделано. <...> На йим удобно, он и снегу не боится; колёса большунные, широкие.

А один год ездили, лентовой [гусеничный] трактор был. Это не в Воронье, с Колек были. И утопили трактор: прорезался сквозь лёд. Рубец был, а лёд не такой толстый, ведь тяжёлый трактор, лентовой. И на рубцу и провалился. А хорошо, что выскочили вон, люди не утонули.

[А «рубец» – это что?]

«Рубец»? Озеро разорвало – рубец, вдарило рубец. Его морозы... щёлнет – и рубец образуется. И на этом рубцу яны сели. А всё-таки достали трактор, да. Это колецкие были. И луб был сзаду, и в лубу сидели рыбаки, сетки и всё. А всё-таки не утонули никто. И сетки достали, и всё. Дожидали, когда подмёрзнет лёд, тогда.

А лёд иной раз боле метра. Всё пешнёй. <...> На мутник ездили, дак три-четыре тони, и всё надо... Так и назывались «пехлецы». И всё это надо было ведь рубить тюшки. Ой, трудно было... <...> По три человека ишло, это рубили которы. А там сзаду: хто гужи поддавал, хто матку поддавал, хто жерсти гнал, – это всё особо. А три пехлеца на тым боку и на этим. Вот тут пускают матку и отсюль тогда прорубят двенадцать тюшек, тогда девять тюшек, а тут – сколько выйdet. С обеих сторон так. А тут два коня, и двое пускают, это, гужи. А тут жердники идут, которы пихают подо льдом. А тут тогда уже на глаз, иной раз кому побольше попадёт, кому не. И тут тогда опять рубят, отсюль вытягают вон.

[И там уже побольше тюшки?]

Ну да, там вот такая будет [показывает – большие метра в диаметре]; такая широкая. Что надо гужи-то тянуть скрозь, вон. И где пускают гужи, там тоже большая тюшка. <...>

[А вы говорили, когда под водой сети цепляются...]

А это называли «цепи»; ну, зацепило. Ну вот, тянешь – и зацепило, значит, это цепь тама. Ну, там или камень, или курага [коряга] какая-нибудь. И тоже попадали и зимой так, что... Тогда длинный кол; а метров шесть-семь вода. Тогда ведь надо как-то добыть оттуль, вытянуть ану, снять. Так длинный кол; метров семь-восемь этот кол, и тогда крюк такой сделан.

[У Вас там висит, да?]

Не, это жерсть гонят. А это тогда вот приходится опять тюшки рубить и здымать, пока дойдёшь до этой цепи и с цепи снимешь.

[А «гривы» – это что?]

«Грива» – это камень. Ну, называли «грива». Каменей много, вот и грива. А «кураги» называли... Раньше, говоря[т], лес был, ещё корни не сгнивши, так иной раз тоже зацепали. <...> А там еще, у меня там висит этот... «цапель» называли. Это тогда запустишь и достанешь эту жерсть, притянешь в тюшку.

Поляков С.Ф. Варнья, 2006.

130. [У рыбаков каких-то секретов не было, когда лов хороший будет?]

Ну, это вот так и есть. Приедешь на озеро, там рыбаки старые примечают, у них свои приметы есть. Приметы, что вот там, там, скажем, эта церква с этой встречается и что... или дерево с деревом встречается [ориентир на берегу], вот тут, тут должна быть <...> рыба. Ну, натянут, там нет; и тут задумаются, куда же теперь вдариться. В основном рыба держится своего прихода, как и деревня. У них свои объямки, значит; вот так глубже, и вот в этой глубине-то эта рыбка и держится больше.

[«Свои объямки» вы сказали?]

Свои места, где она плавает, и всё. Где такое местечко. <...> Это объямки и есть. Ямки, потому что всё озеро не одно, не как скатерть, а вот тут глубже, скажем, объямок такой. Вот это и есть объямки, мы считаем. Это так в рыбаках сказано...

Пушкин И.А. Тихеда, 2006.

131. [А каких-либо примет с ветром не было?]

Ну, ветер был, конечно. Сильный ветер зайдёт, тогда воду сбивало; вода делалась мутная, мутная вода, не видно. И тогда рыбы не было, тогда день-два были дома рыбаки.

[Это не важно, откуда он дует?]

Нет, когда с озера он дует, с востока. Тогда волна сильная.

[А не называли этот ветер никак?]

Ну, у нас было много ветров. Они и называются. Вот, я начну, например: «мокрик» – запад. Мокрик – это немножко левей, еще не юго-запад. Это пойдёт к северу. «Мокрик», значит; «запад»; «подсеверный». Северо-западный у нас называли «подсеверный». Потом «север», с Нарвы. Потом «меженец» – это был северо-восток. Потом был «восток». Потом был «теплик». Потом «полуденный». Полуденный; у нас называли «полуденный», тако ударение делали. Потом был «суглавень»; с угла дул. И вот, к «мокрику» пришли. ♦

[Какие самые хорошие ветра?]

Самый хороший – «мокрик».

[А нехорошие?]

«Север» и «подсеверный» – самые плохие ветра по нашему берегу.

Клявин И.Л. Калласте, 2006.

132. Когда запад у нас, отсюль ветер, так говоря[т] мужики, что из горшка унесёт рыбу.

Поляков С.Ф. Варнья, 2006.

133. [А ветры у вас как называли?]

М.М.: «Компасный» – это северный, потом «теплик» называли...

И.А.: «Тепличный» – южный, «компасный» – северный.

М.М.: А потом восточный; как они... «сопливый», во, говорит, «возгривый»...

И.А.: Это летом, а зимой восточный ветер тебе даст «сопливый»; там такой мороз подведет, что... «Сопливый» – значит, большая оттепель. Большая оттепель, а это для рыбаков плохое дело. Сырой весь будет, мокрый. Это же скряться-то некуда.

Пушкины М.М. и И.А. Тихеда, 2006.

134. Рыбак на озере не должен свистеть – будет ветер, если свистнешь.

Венгиров Т.В. Зап. М. Феклистов и И. Венчикова на о. Пийрисаар, 1969 г. TRÜ VKK 72, с. 19, № 4.

135. Смерчи все над озером собирались. Дед Куткин [*недавно умерший старый рыбак*] знал заговор, чтобы отошёл этот смерч.

Полякова Р.А. Варнья, 2006.

136. [*А что это за лодка – «пятерня»?*]

«Пятерня», что пять человек в середины. <...> В нас по одному парусу было, а с Калласте ездили, пятерник такой, два паруса больших. <...> А в нас двухпарусных не было, в нас всё один парус был. <...> Пятерня – она большая была. Что, ведь мутник, мутником надо ловить; гужи, и люди, и рыба – ведь тоже ведь там всё, да. Большие пятерни были. Вот, четверо в вёслах сидят, с одной стороны и со второй так, и вот две пары – тут и тут. А этот рулит, куды ехать. С одним веслом кажинный. Ладья широкая, одному там никак, а вот двое. Двое на одной скамейке, и на второй двое. Вот так ловили рыбу и жили. А летом тогда уезжали. Ну, не все, конечно, а большинство уезжали на работу к эстонцам. В городах наши не работали горазд, наверно. А всё в усадьбы: где справить, где новый сделать, где там ахлев аль что подправить, где скот стоит. И вот всё лето так болтались... <...> Сушилки делали, что зерно сушить. <...> Всяко, всяко жито...

Поляков С.Ф. Варнья, 2006.

137. Наш дедушка был рыбак, <...> и осенью ловил, и зимой; на невод ездили, коней покупали своих. <...> У моего дедушки девять сыновей было и только одна дочка, моя мама. <...> Целая бригада; «артель» – так называлось у них; артель так и ездили на озеро. <...>

[*Коней не всё время держали?*]

Да вот, наверно, не было возможности всё время держать коней; потом вот к зимы покупали лошадь. У них были свои пастбища, тогда накосят сена, и тогда вот к осени, к зиме покупали коней. <...> Они на день только уезжали, а к ночи тогда уже домой приезжали. Замёрзшие, холодные; только уху ели с хлебом. А вот тут у нас эстонцы жили, они-то не ездили в озеро. А моя мама говорит: «Я и не болела! Наши дети не болели». Она [*соседка-эстонка*] говорит: «Вот вы едите рыбу, поэтому и не болеете. А мы-то только мясо. <...> А рыба, говорит, полезней, чем мясо...» <...> И рыбы было много. <...> Вот, тогда на этих конях <...> они ездили туда, к эстонцам, <...> на хутора ездили, туда продавали рыбу. <...> Да и обменивали на товар, <...> на муку; всё получали оттуда, от эстонцев. Они-то больше на полях работали. А поэтому и ютились русские только вдоль берега, а эстонцы – только к лесу; они хотели на земле работать, да. <...> Они не хотели в озеро ездить, не любили. Это не их профессия была...

Были, наверно, какие-то приметы... Ну вот, дедушка говорил: «Надо собираться безропотно, не скандалить ни с кем». <...> А за стенкой жил другой брат. А дедушка, он был такой сильный, мощный, его звали «Елина» (ну, ёлка, а по-деревенски «елина»). «Вот Елина соберётся, говорит, в озеро, так никто не слышит, а у нас, говорит, только крик один. Зато мы, говорит, не ловим ничего. Собираемся, только кричим один на одного. А он, говорит, со своей семьёй уедет; он только толкнет: “Петенька! Ванюшка!”», <...> и они безропотно все подчинялись...».

Ушакова Г.И. Кикита, 2006.

138. ...Вот, эта артель [*рыбацкая*] собирается на озеро, ну, и шьют матки там да это всё справляют. Несколько их: по двенадцать, по четырнадцать человек были бригады. Так обязательно после того, когда заканчивалось, так они грели большой... Раньше-то самовары были большие такие, жёлтые. Вот, согреют хозяйки этот самовар, туда сделают заварку, в этот самовар вольют пол-литра спирта, – и это получался пунш. Это они и прыскали... вот это лежит куча, эти вот тенета. Вот попрыскают этим пуншем тенетов. Это нам, детям, было любопытно. И тогда сами «причастятся». Обязательно этим с самовара пуншем это, ну, чтобы ловля была бы. И были же приметы у них такие... Это было зимой, когда уезжали подлёдный лов, когда шили вот эти снасти: когда вот матки шили да... как их? – гужи, это вот такое всё. <...> Теперь-то «бураны» да всё; а ведь раньше ездили... Ну вот, как корыто, были сани такие. Вот туда всё складывали. И не дай Бог вот по деревне если кто-то вот такой, ну, глаз такой – рыбаки в этот день не поедут, вернутся назад: удачи не будет. Это вот были у них такие приметы.

[*А как они определяли, у кого плохой глаз?*]

Ну, уже когда живут, вот так из поколения в поколение передавалось, что не дай Бог, что попадёт. Всегда были рады, когда попадал человек, ну... Раньше ходили к колодцам, а теперь у каждого свой колодец. <...> Рады были всегда, когда хозяйка идёт и несёт два ведра воды – значит, будет удача, если она добрый человек. Тогда уже знали, что они не зацепят. Ведь бывает такое, что вот заведут это всё вот и вот зацепят за какую-то курагу или что – ведь в озере-то тоже всего, – ну, тогда и проклинают этого человека, что попал такой.

[*А с пустыми вёдрами нехорошо?*]

С пустыми – как не будет удачи как-то. Если он добрый человек, так ещё не возвращались. А у нас тут было две таких старушки... И бывало, приедут назад рыбаки, бабушка спрашивает: «Ну, что ж это вы вернулись?» – «А, Тупсиха попала навстречу!»

Кузнецова А.А. Варнья, 2006.

139. Вот у меня тут сосед, <...> бывало, ходил, в озеро ездил. И скажет мне: «Тётка Лелька, выйди ты! Мне тогда хорошо ловится, как ты выйдешь». – «На тебе рыбы! Я сегодня поймал хорошо, ты вышла». Другой раз, поди знай... А вот тут был тож сосед, там, через дом. Такой был, верил всяким таким делам. Как-то было, что ехал в лес. <...> А я – куда я шла утром рано – навстречу попала. <...> Что-то ён топором по ноги вдарил, ногу спортил. Так с леса бежал с топором, меня зарубить хотел, что я ему навстречу попала; встреча худая была. Так поди знай. А теперь как-то через время ездили тоже (своего шпеку [*свиного сала*] не хватало, так маленько прикупали) в Ленинград. К Новому году да вот к таким делам там хорошо это шло это сало, шпек. Посылали по тюрьмам, брали хорошо. Ну, и купили. <...> И как раз уезжал [*муж*], и этот самый мужик навстречу попал. И его обокрали, моего, там в Ленинграде, мужа...

Зарина Е.К. Кикита, 2006.

140. Поедешь на озеро, сети путаются, ругаешься, что попался перед отъездом плохой человек. Приходила хорошая, добрая женщина – счастливый лов. «Другой человек от души, а другой любимец только для себя». Рыбаки уходят на озеро, говорю им: «Счастливо, счастливо, валяйте на счастье!». Бросаю водой рыбакам. В понедельник не выезжают – несчастливый день. Помолимся Богу, зажжём огни, шапки скинем и тогда только едем на озеро.

В первый раз выходили на озеро, ворожили перед выходом из дома: кладём на порог двери топор или ножик, сковороду с огнем и проходим через огонь.

Евдокимова Е. Зап. О. Йогенер в Калласте в 1952 г. (Вместе со своим мужем Михаилом рассказчица ходила на озеро, всю свою жизнь рыбачили.) RKM Vene 4, с. 108, № 22.

141. [*А про водяного у вас не рассказывали?*]

Кивиорг: Нет, нет... Это уже сказки. Русалки да водяные.

[*А не говорили рыбаки, что женщину нельзя встретить?*]

Р.А.: Это есть, да. Женщины есть всякие. <...> Так уже примечали. Которая плохая, так они стараются её как-то избежать: или обождут, пока уйдёт, или где-то другой стороной обойдут её. Это уж так приметы такие.

М.И.: Епистимия у нас ещё такая жила, Кривоглазова. Мы с мужем идём на рыбалку, а она навстречу. Сначала мы и не замечали – ну, нету ничего. А потом один раз, второй раз; уже мы идём, а она прямо в открытую нам: «Кто охотится и удит, тому ... будет!». Ну, слово я пропустила одно. Я говорю: «Давай-ка, муженёк, назад поворачивай, тут ничего действительно не будет».

Варунина Р.А., Кивиорг М.И. Калласте, 2006.

142. Если встречу баба идёт с пустым ведром – улова не будет. В ведрах вода – хороший улов.

Венгиров Т.В. Зап. М. Феклистов и И. Венчикова на о. Пийрисаар, 1969 г. TRÜ VKK 72, с. 18, № 2.

143. [*Таких не было примет, что помянуть кого-то на озере нельзя?*]

А, да... Зайца нельзя. Про зайца нельзя ничего говорить. А у нас тут, когда на мутник ездили, по деревне едем, [e]щё не везде снегу много, не везде въехать было на озеро; местам где можно только. У нас такой один был чудак, мужичишко маленький. Мы едем, а он тогда через дорогу скакает; скакает зайцем. У нас Дементий такой был, звеньевой, тот как возьмёт матом его... Ничёго там не значило, что проскакал. А обычай такой, что нельзя... и зайца нельзя вспоминать.

Поляков С.Ф. Варнья, 2006.

144. [*А не было запретов, что нельзя чего-нибудь говорить, а то рыба уйдёт?*]

Вот нельзя говорить слово «заяц». Вот это было плохое слово. <...> На озере это не хотели слово. А ругаться... Рыбаки ругаются по-материному по-разному. Это уже так заведено. А вот слово «заяц» не любили, нельзя было говорить. <...> Когда вот особенно тоня [сеть] идёт, тянут, и скажешь «заяц» – это очень не любили. <...> Ну, если заругаются, так скажет: «Заяц бы тебе вышел в этой тони!» В тони выходит рыба. А если заругаются, один одному навредят, другой скажет...

Клявин И.Л. Калласте, 2006.

145. Рыбак на озере никогда зайца не вспоминает – неудача. Если перебежит заяц дорогу – лучше сразу домой возвращаться.

Венгиров Т.В. Зап. М. Феклистов и И. Венчикова на о. Пийрисаар, 1969 г. TRÜ VKK 72, с. 19, № 3.

146. [*Не говорили, что рыбакам не надо зайца помянуть?*]

Да-а, да-да... Зайца нельзя. Когда в озеро отправляются, этого косоного не надо вспоминать, что будет тоже неудача...

Кузнецова А.А. Варнья, 2006.

147. Ильинская пятница приходит и с светом, и с грозой. Ильинская пятница за неделю перед Ильёй. Редко когда гроза не поднимется. На озеро лучше не ездить.

Сахаров В. Зап. О. Гильдебранд в Муствез в 1949 г. RKM Vene 3, с. 179, № 15.

148. В Казанскую Богородицу осенью в озеро выезжать нельзя – опрокинет всё равно.

Пахурин А. Зап. О. Гильдебранд в 1949 г. RKM Vene 3, с. 188, № 8.

149. [*Нам говорили, что есть какой-то день в году, когда не стоит идти в озеро.*]

А это Казанская Богородица, это вот двадцать первого июля. Она очень такая... Хорошая, ясная погода, небо – и вдруг туча, и гром, и ветер поднимается. Я помню, одну лодку опрокинуло вот в этот день, в Казанскую Богородицу, и утонули. Это было когда-то в тридцатые годы. Парусная лодка была. Пришёл ветер с-под туч, парус моментально опрокинуло. Скоко их? Двое утонули, двое спаслись. Другая лодка подобрала, другие рыбаки. И с этого дня этот мужчина, который спасся, больше... он дал себе такое слово, что больше я в Казанскую выезжать на озеро не буду. И никогда больше не ездил в Казанскую.

[*Это один только день такой был?*]

Да, другой... таких не было; а вот Казанскую боялись.

Клявин И.Л. Калласте, 2006.

150. [*А правда, что в Казанскую Богородицу не стоит в озеро ходить?*]

Казанская Богородица – она и громовая, и опасная, и дождливая. В этом году тихо прошло. А то хоть немножко – дождь. <...> Громовые тучи, гром, ветер. Вообще опасно.

Аганичева А.А. Муствез, 2006.

151. [*В Казанскую Богородицу ездили рыбу ловить?*]

Казанская – она очень грозная и всегда хочет жертв. Всегда кто-то утонет. Буря, и мгновенно... <...> Когда кто тонет, так вот он говорит: «Я только выкурил папиросину, закурил. И уже два человека утонули». Так что она быстро всё это сделает. <...> Где-то по озеру кто-то должен утонуть.

[*А не говорили, что зимой лёд не становится, пока кто-нибудь не утонет?*]

Да, тоже говорят, что жертвы хочет озеро. Так уже старые люди говорят.

Тихомирова Х.И. Калласте, 2006.

152. [*А что это за камень возле кемпинга?*]

А это называли «Чайкин камень»; чайка сидит всё время. Это так уже и в эстонско время было. Как он там образовавши, никто не знает. Большой камень! А маленьких-то каменьев вдоль камышов много. Когда вода уйдёт, так оны все видать. А тот, иной раз так, что только маковочка видать. Огромный камень, да; он там более двух метров. <...>

[*Нам говорили, что его льдами подвинуло...*]

Нет; ён стоял на старом месте, а камыши подошли к ему. Раньше у нас, в эстонско время, чистый песок был. Ни одной травинки не было – прямо чистый песок: это бурей набивало чистый песок. Вот тут этот дом-то разбирают. Этот хозяин <...> привёл откуль-то кусток тресты этой, один куст. И вот до сих пор, и вот разрослась как она. Зарос [*берег*], да, и всё дальше и дальше уходит. А корень ей толще, как мой палец, да.

[*А зачем он это сделал?*]

Для красы... И была маленька кучка, и видишь, расплодилась. Вот в Калласте нету; в Калласте – там чистый берег. И в нас такой чистый берег был. <...> А теперь озеро зарастает всякой такой худой травой, и рыба не идёт в берег. Только весной идёт, что на нараст, так она – хошь и не хошь, надо итить.

Поляков С.Ф. Варнья, 2006.

153. Мы сюда приехали сорок два года [*тому назад*], и берег был чистый ещё. Но какой-то дурак посадил вот этот <...> тростник. Какая-то женщина привезла тростника там две... Вот эта Лена, которая тут. <...> Не знаю, что она хотела. Привезла откуда-то и посадила в воду туда. <...> И так стали расплождаться, что ужасно.

Жулина-Тарелкина А.С. Муствез, 2006.

154. ...Всё говорили, что Петя, Петя Ершов, бросил чего-то, чтоб там заросло; утки будут там жить. Так тогда он будет... любил...
[*Охотиться?*]

Да, а не видела я, не знаю; не жили ни одной утки. И всегда ругали этого Петьку, что весь берег испортил. <...> И уток нет...

Топкина Е.Е. Муствез, 2006.

155. [*А «каракатицы» – это местное изобретение?*]

Это была в советское время такая передача «Это вы можете». И вот один сделал себе: двигатель от мотоцикла, от трактора колёса поставил, и вот он показал. <...> Ну, а те... Люди же смотрят. И вот они стали строить. Вот сейчас, если на озере снег, куда ты пойдёшь туда? На машине-то не уедешь. А сейчас вот такая резина, да; вот, они курс взяли и пошли. <...> Вот, берут курс, им дороги не надо (канавы, не канавы): колёса-то большие, и спереди, как рулевой, лыжа иде[т], два колеса сзади... Вначале такие стали делать. Это сейчас там они самолётные колёса [*ставят*]. И вот они стали, что у него все удобства. Как машина; он сидит, там тепло... А сзади кузов, и он же тащит и прицеп за собой, если ему надо рыбные снасти тащить, <...> он же там тащит. <...> Здесь бывает и выставка их весной. Они все собираются на площади, там выставка, у них такой праздник, что... И буфет работает, и уху варят; ну, большой праздник.

Будашов М.Б. Калласте, 2006.

Календарные обряды и обычаи

156. На Рождество ходят мальчишки из дому в дом со звездой славить Христа, там их оделяют.

Рунин А. Зап. О. Громов в Муствез в 1938 г. ERA Vene 12, с. 606, № 13.

157. [*Что у вас готовили на Рождество?*]

В старые времена мы всегда, конечно, убивали там поросёнка, готовили колбасу, <...> холодец ставили. Пирог (это было основное), конечно, свои. Бабушка <...> пекла ситники, такие вкусные-вкусные; «заварные хлебы» назывались. Они пеклись из пеклёвки, ну, погрубже помолу.

[*А кутью не варили?*]

Нет. В нас кутью варят тогда только, когда поминанье. Мёд разводим в тёплом кипяточке. И это ночь стоит, разводится; и уже пшеницу варим. <...> И чтобы эта пшеница не затвердела, её надо перед самой службой положить в мёд.

Богданова А.В. Калласте, 2006.

158. [*На Рождество кутью варили или нет?*]

Нет. На Рождество кутью не варили. <...> Кутья только на похороны. И потом, когда поминальные дни, тогда делали кутью.

Зыбина З.К. Муствез, 2006.

159. Эстонцы <...> на рождественские праздники, так они со стола не убирают. <...> Так что духи святые приходят и питаются этим. Они на соломе спят, не на кровати. Но это раньше было, теперь-то...

Ушакова Г.И. Кикита, 2006.

160. [*А на святки не гадали раньше?*]

Гадали; и петуха кормили, и так... <...> Потом ходили к деревцу, там к берёзке, и брали веточки. Кругом обходили три раза и три раза эти веточки срывали, себе под подушку ложили. <...> Ну, и приговаривали-то: «Приди ко мне, мой суженый-ряженный, в мой сад погулять!». Он придёт, да... Воск лили в воду, потом на тень смотрели: какое там изображение получалось. Некоторым как гроб получался... Было так; как-то сходились.

[*А мостик не делали из соломинок?*]

Со спичек делали. <...> Положили так, четырёхугольничком, несколько спичек; говорили, что: «Суженый-ряженный, приди ко мне водицы попить!». Строили себе в головы [*под подушку*]. И ребёночку расчёсочку тоже на суженого-ряженого... Расчёску ложили под подушку.

[*Тогда уже ему приснится?*]

Нет, мне приснится; он придёт причёсываться.

[*А в бане гадали?*]

В бане только петуха кормили; воровали. Вообще-то надо ворованного петуха. Мы один раз воровали от соседа петуха, а он слышит, что мы там шатаемся, и сзади нас. А нас целая компания. И мы бежали через огород с этим петухом, и унесли всё-таки петуха. Погадали и принесли обратно...

[*А на улице валенки не бросали?*]

Ну, это «за ворота башмачок, сняв с ноги, бросали...»

Зыбина З.К. Муствез, 2006.

161. Вот почему-то, когда на Новый год кто-то вот хотели, гадали, узнавали свою судьбу, почему-то шли в баню. В бани это вот... гадать. Ну, потому что где висят иконы, там вроде судьба тебе не встанет перед глазами, потому что во всём в этом замешан вот как бы чёрт, домовый, вот это всё такое.

Ремец А.М. Варнья, 2006.

162. Гадали, я помню; были у подружки там, чё-то мы делали, рисовали, да. Скоко нас было человек, взяли блюдечков столько. Этот... ключ от дома, земля, хлеб, соль... Что мы еще ложили, и не помню, под блюдешки? Ну, и тогда одна делала, а остальные... Во, куклу еще ложили, что, может быть, кто-то принесёт ребёнка в девушках. <...> Подходили и кто какую блюдечку поднимал. Зерно было тоже. <...>

[А что обозначало, кому хлеб достанется?]

Ну, значит, жить в достатке, да. Куклу – значит, родит в девушках ребёнка. Соль и всё там... Ключ – свой дом будет, свой угол хороший будет. <...>

[А земля если попадет, что это?]

Умрешь. <...> Похоронят тебя.

Топкина Е.Е. Муствез, 2006.

163. На Новый год надо снег полоть и петь:

Полю, полю снежочек,
Полю, полю беленький.
Залай, залай, собачка,
На свекровом дворе!

И когда будешь говорить, колокольчиком зазвени[m] и собака залает. С какой стороны собака залает, в ту сторону замуж выйдешь.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 57, № 135.

164. На Новый год взять новое полотенце и поставить чашку с водой чистой <...> на стул. Когда последняя спать пойдешь, надо сказать: «Кто будет мой суженый, ряженный, приди и спроси у меня полотенца!». И придёт.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 57, № 136.

165. А если гребёнку положишь под подушку на Новый год, он придёт и спросит, и тогда скажешь: «Приди, суженый-ряженный, чесать мои волоса». И он придёт чесать голову. И увидишь его.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 58, № 138.

166. На Новый год (14 января) гадают с 13 января до самого Крещения (20-е января). Девушки собираются в компанию, берут зерно и садятся у стола или на пол. У каждой перед собой кучка зерна. Приносят петуна (*нетуха*) и кружат его на месте. Тогда смотрят, из чьей кучки он начнёт клевать зерно. С чьей кучки он клюнет в первый раз, та самая первая выйдет замуж.

Горюнова Н. Зап. Я. Халлик в Калласте в 1964 г. TRÜ VKK 19, с. 6, № 1.

167. Утром на Новый год спекут тёплую кокору (*лепешку*), и надо выбежать на улицу с ней. Если первый мужчина попадёт – отдай быстро кокору, тогда замуж выйдешь в новом году. А если женщина, то не давай.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 59, № 139.

168. Калошам мерять от окна до двери. Если носком к двери выйдет, то выйдешь с дому замуж, а если пятой, то останешься в доме.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 60, № 143.

169. На Новый год ходят и жгут лучину и тискают в холодную воду. Когда она засипит – сердитый муж и свекровь будут, а не засипит – тихая семья.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 66, № 162.

170. Брали стакан с чистой водой, клали его на тарелку и в стакан опускали кольцо, но обязательно венчальное. Перед стаканом ставили свечу. В 12 часов ночи сходились перед стаканом и зажигали свечу. Воду в стакане осторожно помешивали ложечкой. В кольце якобы можно было увидеть лицо будущего мужа.

Горюнова Н. Зап. Я. Халлик в Калласте в 1964 г. TRÜ VKK 19, с. 7, № 3.

171. В Новый год, когда первый раз садились есть, первый откусанный кусочек хлеба завертывали в тряпочку или в бумажку и клали под подушку, приговаривая: «Суженый, ряженный, приходи ко мне поесть!».

Горюнова Н. Зап. Я. Халлик в Калласте в 1964 г. TRÜ VKK 19, с. 8, № 4.

172. В изголовье клали пояс, приговаривая: «Суженый-ряженный, приходи ко мне пояс попросить, сведи меня в дом, где жить буду!».

Горюнова Н. Зап. Я. Халлик в Калласте в 1964 г. TRÜ VKK 19, с. 9, № 5.

173. Брали таракана, приговаривая: «Суженый-ряженный, таракан, таракан, сведи меня на замужье, покажи мне этот дом!».

Горюнова Н. Зап. Я. Халлик в Калласте в 1964 г. TRÜ VKK 19, с. 10, № 8.

174. Соль положишь на угол стола на Новый год. Когда растает – помрешь этот год, а сухая – этот год жить будешь.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 59, № 140.

175. На святки клали под подушку или нитки, или клубочек, что: «Сведи меня, где мой суженый-ряженный». Ну и вот, тогда во снях другие видели, что кто придёт. И были такие случаи, что совпадало. <...>

Аганичева А.А. Муствез, 2006.

176. На Михайлов день загадываю[m]. Либо кольцо, либо поясок кладу[m] под подушку и загадываю[m]: «Выйду ль я в этот год замуж?». Если видишь во снях лошадей или свадьбу, то выйдешь в этом годе замуж, а если не увидишь, то в этот год замуж не выйдешь.

Березина Е. Зап. Е. Громов в Муствез в 1938 г. ERA Vene 12, с. 577, № 15.

177. На Иванов день рожь вяжут. Вечером солнце за лес – сплетаешь в косу, а утром солнце встанет, и посмотришь: если коса расплевшись, то вся жизнь будет хорошая, вся расплетется – деньги в дом и всё, всё. А если заплевшись, то вся жизнь тяжёлая. Где рожь растёт на поле, там и заплетаеть только макушку.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 61, № 144.

178. На Иван-день попутник надо брать. Попутник растёт средь большой дороги. И надо брать попутник на крестах дороги [на перекрестке], вытянуть со всем корнем,

положить в бумажку и не сказывать никому, положить под подушку, и увидишь своего будущего мужа. Надо сказать:

Попутник, попутник,
Растешь средь большой дороги,
Видишь пешего и конного;
Покажи моего суженого-ряженого!

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 61, № 145.

179. Заклинание на суженого в Иван-день:

«Попутник, попутник,
ты растёшь при дороге,
видишь всякого народа,
холостого и женатого.
Суженый-ряженный, приди ко мне!»

Лепашева Н.Т. Зап. М. Феклистов и И. Венчикова на о. Пийрисаар в 1969 г. TRÜ VKK 72, с. 20, № 3.

180. На Иван-день на подорожник гадали, на двенадцать трав. Подорожник такой, растёт при дорогах. С перекрёстка двух дорог берёшь и говоришь: «Подорожник-травка, ты стоишь на перекрёстке двух дорог, видишь всех. Покажи мне суженого-ряженого!» <...> Вечером накануне Иванова дня разных двенадцать трав под подушку положишь и тоже говоришь: «Суженый мой, ряженный, приди ко мне, принеси мне цветы». Я гадала на двенадцать трав и увидела мужа своего. Идёт с горизонта, большой букет в руках. Отдал мне цветы. А через год точно такого же парня увидела. <...> Я аж опешила. «Здравствуй! Давно, говорю, не виделись...» На третий день в загс пошли...

Кивиорг М.И. Калласте, 2006.

181. *Иван-день* (24 июня). <...> 23 июня с поля приносили богачки, иванскую траву, откас-траву и трячучки. *Богачки* совали куда-нибудь в щель с приговором: «Буду жить – так распушишься, а умру – так и быть, засохни». Ещё по богачкам узнавали: если распуститься – то богато жить, а если засохнет – то бедно жить.

Плешенкова А. Зап. Я. Халлик в Калласте в 1964 г. TRÜ VKK 19, с. 12, № 10.

182. Траву рвут. Травка называется «богачка», растёт столбиком и кругом цветёт, распускается. Стиснут этот цветок под потолок или в стенку, у кого цветок не распустится, сохнет – не выйдешь замуж, а если распустится – будет хорошая жизнь, выйдешь замуж.

Алешкин И. Зап. О. Йогенер в г. Калласте в 1952 г. RKM Vene 4, с. 110, № 23.

183. Девушки заплетали на поле со ржи косы. Косу заплетали за спиной, приговаривая: «Суженый-ряженный, приходи мою косу расплести». На другой день шли смотреть на поле, расплелась ли коса или нет. Если расплелась, то скоро выйдешь замуж.

Плешенкова А. Зап. Я. Халлик в Калласте в 1964 г. TRÜ VKK 19, с. 12, № 10.

184. А.Н.: На старый Новый год дел довольно творили. И половики, которые были понастираны в людях, по дорогам расстилали их; костры опрокидывали с дровам; сани под гору все спустят...

М.В.: Такая ванна, была тренога така – на крышу подняли... То стеклом трубу закроют...

А.Н.: В комнатах стирали, такие ванны были – они на трёх ножках, назывались «треноги». То треногой трубу закроют, то принесут... Как называли – «кюнник»? Така маленька лодка сделана, называли «кюнник». «Кюнник, говорят, на крышу снесли». <...> На трубу поставят, а родители-то не знают. Утром встанут, печку затопят, а дым-то весь в середину – труба закрытая. <...> Тогда переодевались: и старые, и малые. Гадали. И «снег полоть» бегали. Вот, на перекрёстке. Потом через Танин дом – дом был низкий – бросали калошу, ботинок там: куда носком он, туда замуж выйдешь. Петуха кормили. <...>

[А с зеркалами не гадали?]

А.Н.: Кольцо в эту... пускали.

М.В.: Девчонки как-то свечи ставили: зеркало и спереди, и сзади...

А.Н.: А кольцо тогда опускали в воду, в стакан. В двенадцать ночи надо.

М.В.: И с озера воду принести в какое-то время.

А.Н.: <...> В стакан, в кольцо глядели, чью голову увидишь.

[Но приговаривать надо обязательно?]

А.Н.: «Суженый-ряженый, приходи ко мне, снаряженный!» <...>

М.В.: Моя сестра, скажу... они гадали в стакан, так она своего мужа увидела. В галифе, говорит, пришёл. Как-то она его не знала, он с другой деревни, с Кольки, был.

Богданова А.Н., Повилайтис М.В. Калласте, 2006.

185. [А как у вас праздновали «старый» Новый год?]

Молодежь и взрослые даже люди, они всякие такие делали, ну, непоправимые: то трубу кому-нибудь разберут, то ворота снимут, то лошадь увезут. Вот у меня один родственник, так он однажды своим же родственникам привёл коня туда. Они спали. А он как открыл дверь, пошёл и лошадь привёл; прямо и поставил, привязал к кровати. Они услышали – лошадь заржала. И услышали... Кресло [разновидность саней] увезут куда-нибудь со дворов. Очень много таких проказ было. То заборы снимали... куда-то перенесут к другому хозяину забор.

[А дрова не воровали?]

И дрова... Ой, развалят дрова. Не воровали, конечно. Воровства не было, а просто в шутку. И переложат, куда-нибудь в другое место перенесут.

Сельгицкая У.Н. Калласте, 2006.

186. На Новый год, старый Новый год всегда чудили. <...> Возьмут, двери подопрут, что ты вон не выйдешь; или что увезут от тебя, куда на дерево подвешут. Финки возьмут да подвешат на дерево, попробуй возьми их, подними. Или телега, или сани уведут. Возьмут, уведут и с Красных Гор и пустят на озеро. А у нас была изгородь, так она на крюках была. Взяли с крюков, унесли в другое место, надо было искать. Железна изгородь, потом здесь крюк подцепишь и туда возьмёшь... Они взяли и упёрли.

Тихомирова Х.И. Калласте, 2006.

187. [А на старый Новый год у вас проказничали?]

...Снегу-то было много, да завет снегом. Так трубы, дымоход... залезут на крышу да и затиснут тряпкам. Утром станет топить печку – дыму полная изба. Было тоже, тоже проказничали. Бывало, ребята и ладью принесут к дверям. У меня была принесёна садня такая, рыбу садют. Когда осенью али весной ловят, рыбу туда сажают. Была эта такая деревянная <...> сделана, рыбу сажают. Так вот, эта вот была притащена мне на крылец.

Вавилова И.А. Варнья, 2006.

188. [*А на старьй Новый год не шалили, проказ не устраивали?*]

Проказы устраивали... Однажды мы <...> воровали дровни и катались на этих дровнях. Лошадь-то была. Так вот на этих больших санках мы катались. А на пост тоже всё делали. Тоже сажу, если в течение мясоеда не вышла замуж девушка, ей сажу насыпят. Эти пригары чистят и сажу насыпят.

[*А куда насыпали?*]

Дорожку, от ее дороги [*крыльца?*] прямо на дорогу так и насыпят. А мама говорила, раньше так и смолой на эти... окна мазали и по-всякому, если не вышла ты замуж. А как выйдешь, если не берут? <...> Ребята это делают, не девушки. <...> Привязывали к окнам такую верёвочку, теребили так, и окна трещали. А это рама трещит, к которой привязана верёвка.

Зыбина З.К. Муствез, 2006.

189. [*А на старьй Новый год у вас шутили?*]

Была такая мода взята в молодых ребятах там; к кому-нибудь придут, <...> провод там в окно или что-нибудь там повредят. Как хозяин вышел, сзади побежал, тогда они и бросят, будут уходить. А моёму отцу тоже... (Это я слышала, как рассказывали, это было не при мне.) Свои соседи, соседние ребята <...> из подвала вытащили все бочки вон с огурцами <...> и составили всё в заулоч в ряд. Отец не вышел никак вон. Утром пришли: «Дядя Клима (его всё «дядя Клима» звали)! Прости! Мы сами счас и переносим!» И сами переносили. <...> Второе, у нас был деревянный крылец, входить в дом-то. Этот крылец отнесли на дорогу. Это рассказывал отец потом. И тоже, отец опять не вышел никак; никак! И пока ещё не вставши, и принесли, обратно положили. Тогда отец сразу убрал и сделал цементный тогда. Много делали! А если б кто стал сзади бегать, тогда на всё потомство пойдёт...

Зарина Е.К. Кикита, 2006.

190. [*А у вас не шалили на старьй Новый год?*]

Да, это было... И мы шалили сами тоже <...> Что только не вытворяли! И дверь подпрут, и даже на крышу вон залезут, трубу закроют. <...> Меня, например, парни к столбу привязали верёвками. <...> То брёвна положут на дорогу, то вон, в последнее время, так мусорные урны поставят на дорогу. <...> Сани куда-нибудь загонят, Бог знает. <...> Поленница дров – это могут разбросать или опрокинуть.

Печенкина А.И. Калласте, 2006.

191. [*Говорили, что особенно балагурили, шутили в старьй Новый год.*]

Правда. Молодёжь шутила. <...> В старьй Новый год собирались, бегали, стучали. Кому-нибудь дрова опрокинут, поленницу опрокинут; кому двери подпрут, чтоб на улицу не выйтить. Таким баловством занимались. <...> Ворота снимали; мы один год маленькую лодочку на баню, на трубу, подняли.

[*Но не обижались на это?*]

Не, не обижались... Ну, поругаются, на следующее утро посмеются. Что ты сделаешь? Такой порядок был.

Клявин И.Л. Калласте, 2006.

192. Которые замуж не вышли, так на пост, в Масленое воскресенье... <...> Тут гулял с одной, а мой крёстный женился, так ему насыпали сажу. А я побегла свадьбу глядеть, так и меня вымазали в сажу. Мой крёстный; надо посмотреть, как крёстный сидит с невестой. Ну вот и пришла, как дьявол, вымазанная сажей.

[*А кому насыпали?*]

Жениху бывшему... Парню насыпали. Мой крёстный на ней женился, а не он. <...> В старину всякую дурь делали. Домики были низкие, так в кого сани на крышу затянут. А нам один год... Крыльцо было деревянное, ну, оно отбиралося как бы, сбитое и поставленное к двери. Так унесли к колодцу крыльцо. Хорошо, что Дорушка утром вышла (к празднику было, <...> убирала комнату), <...> бросила половики, а они упали. Хорошо, что не сама, а могла и ногу сломать...

Улексина Г.Г. Кикита, 2006.

193. [*На престольный праздник к вам гости приезжали?*]

Это было... Уже года три обратно. <...> Раньше ездили. Вот сейчас Успенье, это ездили туда, в те деревни: в Кольки да в Воронью туда. Это отсюда ездили туда. А к нам сюда приезжали в Рождество и в Троицу. <...> А вот такая была, я ещё замужем не была. Вот если <...> в меня там за столом сидят гости, приходит другого дома хозяин: «Пожалуйста, все ко мне!». В этих посидят, опять придёт другой: «Пожалуйста, все ко мне!». Вот так праздновали праздники. Так и ходили по домам. <...>

[*А на Масленицу чучело не делали, не жгли?*]

Не видала я. А вот теперь в Мустве делают это. <...> Раньше, бывало, на озере Иванов-то день, а теперь ходят туда, к волости. Эстонцы свой день справляют, Иван-день; и наши русские тож идут. А старый Иван-день придёт, и эстонцы тож идут на старый праздник, вместе все.

Зарина Е.К. Кикита, 2006.

194. А раньше праздники когда престольные такие были, которые у нас праздновали, то было уже так: вот я маленькая, но мне мама всегда... чтоб стол был накрыт, чтоб тарелки стояли. Мало ли кто придёт, чтоб сразу угощенье, угощать. Вот это как-то у них было принято, что стол заранее накрыт.

Глафира, дочь У.М. Ремец. Варнья, 2006.

195. Масленица у нас же была целая неделя. Вот в нас, в нашем селении; вот, начиная с Вороньи. В Вороньи было в среду, в Казапеле – в четверг, в Кольках – в пятницу; там Муровьёвка ещё есть деревня <...> – там в субботу. А в воскресенье тогда каждый дома справлял. И когда бабушка наша, уже свекровина свекрова... Оставалась еда вот эта скоромная (ведь сразу же после Масленицы начинается Великий пост) – носили эстонцам. Вот то, что у нас наготовлено такое мясное, уже не ели, носили эстонцам. А так вот народу-то много было; и на лошадях ездили. <...>

У нас четырнадцатого августа первый Спас, так он называется «Макковой», а первый Спас – и это называется «медовый». Девятнадцатого августа у нас «яблочный», и в своё время старики до этого Спаса ничего не ели: ни ягод, ни яблок, ничего. Вот придёт Спас – яблоки носили в моленну святить, <...> и вот тогда разговлялись яблокам. А третий Спас у нас двадцать девятого августа, это «ореховый».

Кузнецова А.А. Варнья, 2006.

196. Во время Маслены люди с Красных Гор ездили в гости в Кольки и другие деревни близ Красных гор. В Маслену пировали, катались на украшенных конях. Парни клали в сани старую корзину или бочку и ездили по деревне. Потом они сажали в корзину старую деву и возили её по деревне. Её надевали [*наряжали*] в Маслену: старинный сарафан, душегрейка, платок, в руке Маслена-женщина держала сковороду, на которой пекли блины, и била ложкой о сковороду.

Горюнова Н., Колбасова Е. Зап. Я. Халлик в Калласте в 1964 г. TRÜ VKK 19, с. 1, № 9.

197. [*В раннее время в прощенное воскресенье не ходили по домам просить прощения?*]

Ну, в раннее время было, и ходили. А мы только теперь в воскресенье кладем начал в прощенное воскресенье.

[*А в раннее время какие слова говорили?*]

Ну как: «Прости меня Бога ради!», кланяешься вот так один одному.

[*А отвечать что надо?*]

«Бог простит.» Один одному, вот так это было.

[*А как Масленицу здесь праздновали?*]

Как в Кольках, здесь праздновали в пятницу. Начинается в среду в Воронье, в четверг в Казепеле, в пятницу в Кольках. А в субботу – Муравьевка. <...> Раньше-то гулянья были красивые, в каждом доме почти были лошади, саночки маленькие красивые. И вот не в наших, а в тех [*Малых*] Кольках, там дорога широкая, и там несколько рядов [*домов*], так туда-сюда катались... Шарки, ай как их, одеты, ленточки привязаны, и детей катали... Ну, это было очень красиво, а теперь ни одного коня нет в деревни, только в каждом доме две-три машины. И гуляний таких нет. Вон соседка придет: «Ой, с широкой масленицей!» Одна одну так поздравим.

[*А костров не жгли на масленицу?*]

Костер жгли, на Масленицу чучелу жгли.

[*А в раннее время?*]

А я не знаю, костер или чучелу. Но в наше время уже жгли чучелу.

[*А из чего его делали?*]

В общем, вот так: палка и другая вот так [*крестом*], и, значит, все обвязано тростой, ну, и тогда еще кладут дров вокруг, обкладывают и зажигают. Так эта троста же быстро загорается, а дрова тогда дольше горят.

[*И это когда жгли?*]

Вечером. <...>

[*А ничего не приговаривали, хороводы не водили вокруг?*]

Раньше-то ходили. Ну а теперь только танцуют. Раньше и припевки, и песни пели, и платки все были красные; платки цветами всякие, сарафаны снарядивши, как и в старину.

Пригожева В.Е. Большие Колькья, 2006.

198. На Масленицу дети катаются с горы на ледянках – из льда санки вырезали, не у всех есть настоящие. Гору выстрают, польют и шпарют. Девушки и парни на лошадях гусем катаются. Украсят сани елками, едут, пьют и песни поют. На Масленую «масленных» песен не было, пели всё равно какие. В субботу перед кануном Великого поста девушки устраивают пирушки, танцы. На Масленой недели едят только молочное, так и считается Масленая неделя – молочная. Блины уж обязательно пьют.

Иванова Е. Зап. О. Гильдебранд в Муствез в 1949 г. RKM Vene 3, с. 195, № 1.

199. А раньше, когда если девушка не выйдет замуж, <...> тогда окна сажей тебе намажут... Не сажей, а есть такая... дёготь, не дёготь... И дорогу сделают от крыльца до крыльца сажей. Когда замуж парень не возьмёт.

[*Это когда – на Масленую делали?*]

Ну, на Масленую неделю. В Маслену неделю ещё можно замуж выйти.

[*А мазали когда?*]

В посту. <...> Страмота!.. А ещё было на окошко прибито коровье вымя. <...> Кто замуж не вышла, ну, вот тебе и...

Кривоногова С.Ф. Рая, 2006.

200. [*А на Масленицу не делали из снега городок?*]

А.С.: Ну, крепость тоже делали, делали... Комки собирали и тогда клали, <...> с снежных комков. И целый дом получался. И тогда, в их-то свои были ружья, сабли. Там их наделано из дерева, с палок там. Вот он [*муж*] умел делать; сам делал и детям делал.

И.П.: Я был командир...

А.С.: В этом доме... стенки такие толстые, оставляли маленькие дырочки. Там сидят с ружьями. А нас туда не пускают, да...

[*Но это к празднику не привязывалось?*]

Нет, они так... А вот Масленицу справляли наши родители. Это был весёлый день. Там женщины собирались, и всегда они там, ну, кто что приносил, гуляли. Потом шли на улицу и вот комедовали там. Посадят кого-то в люльку, и вот-вот это привяжут, и бегают, в люльке [*вид корзины*] свезут туда на гору их; с люлькой пустят женщины. Было весело, очень весело было.

Жулины-Тарелкины А.С и И.П. Муствез, 2006.

201. ...У православных пасха считается из творога. А у нас, у староверов, пасха считается то, что там называют «кулич». Но этот кулич совсем не такой, как там. Там пекут кулич в какой-то форме, да? А у нас делают так. Тесто сдобное делят на семь равных частей. Самая большая часть внизу: раскатывают лепёшку, смазывают яйцом. Сверху кладут поменьше лепёшку, ещё поменьше – и так семь штук. Самая последняя – маленькая. Украшают её разными, да-да, украшают... Получается типа... как такая круглая башня. И вот это называют «пасха»; не кулич, а именно пасха. Ну, и раньше всегда... вечер, когда всенощная была, – всегда несли её; яйца и эту пасху несли освящать в моленну. И там батюшка вырезал кусок из этой пасхи, и давали тем, кто бедно жил, у кого много детей... И я помню, когда наша бабушка приходила из моленны (у нас было шестеро детей), она всегда приносила. Мало того, что свою пекли, так ещё и её награждали, что у тебя там много внуков – неси домой. <...> Так мы пробовали, у кого лучше... Между лепёшками намазывали яйцом, чтоб они лучше сидели. И когда вот её разрежешь, то прямо видно вот эти полоски, где одна лепёшка от другой отделялась. Запах был особый; ни у какой другой булки не было такого запаха. Потому что туда, во-первых, клали кардамон, он давал специальный запах; изюм многие клали. Некоторые ещё лимонную цедру растирали, чтоб цвет был красивый. Ну, кто как. Но изюм был обязательно.

[*А почему семь этих лепёшек?*]

А вот считалось, как Святая неделя или что-то такое. Обязательно было семь. <...> Обычно начиная с верха до самого низа завитушечки такие делали на пасху, из теста же. Тонкий жгутик, и вот с этого жгутика делали узоры там разные, всё. Вот это всё запекалось, и она сверху получалась такая румяная, тёмно-румяная такая. Как говорила у нас Кюрле, кондитерка-эстонка, она сказала: «Ой, русская пасха, я такого вкусного больше нигде... – сама кондитер. – Но вот хочу русской пасхи». Такой особый вкус всегда почему-то был. <...> В печке пекли, в русской печке.

[*А ничего не приговаривали, когда в печку сажали?*]

Нет, ничего не говорили. С молитвой всегда <...> сажали в печку. Да, а вот ещё была примета, что если пасха была красивая, ровненькая – значит, всё будет нормально, всё хорошо. И хозяйки были очень расстроены, если пасха получалась..., кривилась на один бок. И говорили: «Ой, пасха-то у меня нынче неудачная получилась. Что-то такое, значит, что Господь прогневался...». Моя бабка с такими присказками говорила.

Керекеткина О.Ф. Калласте, 2006.

202. [*А когда хлеб пекли, не запрещали шуметь?*]

У.М.: Нет.

Глафира: Ну когда паску печем, говорили: «Не топайтесь, а то не поднимется тесто-то хорошо. <...> Не топайтесь, а то осядет».

Ремец У.М. и ее дочь **Глафира**. Варня, 2006.

203. [Как пекут у вас пасху?]

Ну, лепёшки такие. Семь лепёшек накладываешь.

[А почему семь, не объясняли?]

Семь недель поста, поэтому семь.

Поляков С.Ф. Варня, 2006.

204. У.М.: Еще принято, еще и паски пекём.

[А сколько лепешек?]

Семь лепешек.

[А почему семь?]

Ну, семь апостолов как-то там... Когда Христос эту паску делал, семь апостол с ним было.

Глафира: Семь заповедей, да, правильно? Да.

Ремец У.М. и ее дочь **Глафира**. Варня, 2006.

205. Настоящая пасха – семь лепёшек; семь братьев, как считается. <...> А то из трёх пекли, три. Делали сдобную пасху эту; туда и яиц, и масла туда клали, и сахару. И тогда лепёшки пекли такие круглые, тонкие. Развалиют, тогда яйцом помажут. Ещё разделяли – белок в тесто, а желтком мазали. <...> Собьёшь этот весь желток, склотишь, собьёшь сладким, и етим тогда вот лепёшку мазали; и изюму посыпят. И тогда опять лепёшку. А сверху уже какой-нибудь украшали: то виноград там сделают, кто что. Тоже из теста.

[А лепёшки каждая следующая поменьше?]

Да, да-да-да. Размер меньше.

[А творожные делали?]

Делали некоторые и творожные. <...> Это, наверное, от эстонцев.

Вавилова И.А. Варня, 2006.

206. [А как пасху делали, как она «устроена»?]

Уже мы, когда стала я сама вот в этом доме хозяйкой, свекрова умерла, то я уже клала токо четыре-пять лепёшек; а она, покойница, – семь лепёшек. Одна на одну, седьмое было, как утка, такое. Семь, потому что Великий пост у нас семь недель. И вот паску пекли с семи. <...>

[Одну пекли или несколько?]

Несколько. Одну несли в моленну святить её там. Батюшка кадил и всё. Это приносили. Ну, и там подавали, кто нищий. Раньше нищих было старушек, кому можно подавать, подавали. Принесут [домой] один кусочек заговеться. А так пекли по несколько, скоко... Ведь семья-то; Паска целую неделю праздник...

[А из творога не делали?]

Нет, нет.

Кузнецова А.А. Варня, 2006.

207. М.Б. Пасху тётя Фета делала. Пасха с творога. Это специально такая форма, чуть побольше вот этой книжки, такая; но она на конус идёт. И тогда из творога делали смесь... Я уже не помню...

А.Е. Изюм...

М.Б. ...Ванилин... И как-то... или она стекала, или чё там. И вот это закладывали в форму. И вот тогда она получалась такая. Переворачивали в обратную сторону. <...> Там рисунки такие. С дерева же сделано, а потом они остаются... Вот это пасха.

[*Это православная или староверская?*]

А.Е. Староверская...

[*И староверы делали такую пасху?*]

М.Б. Они кулич делали и то делали. <...> А это была разборная [*форма*]. <...> Вот она была такая, что здесь вырезано всё и из четырёх она деталей собиралась. Но она, как на конус, так собиралась. Тогда вот так переворачивали её, да, и закладывали творог или вот эту смесь. И вот она становилась такая. Потом переворачивали обратно, она разбиралась; и она становилась таким конусом, но уже с рисунком.

[*Переворачивали перед тем, как в печь ставить?*]

Нет, они в печь не ставили эту. Творожную не ставили. Вот, в дереве рисунок, и четыре стенки. И если творогом засыпать, она же сделает отпечаток. <...> Она разбиралась. Разберут её, и она стоит; и тогда её режут. Вот это была пасха, я помню... И тогда они несли святить в моленну. Посвятили... Потом это... большой стол там такой. И каждый тогда... Допустим, испекли, и каждый заворачивали в чистый платок и ставили тогда бирку. Писали, чья. Когда уже посвятили, и тогда начинали отрезать кусок. И у них была специальная..., как её называли? Мы раньше делали из сосны; ну, корзина, допустим, заплечная, там носили. Они разные – большие, маленькие были... И потом называли – «люлька» такая. И тогда ставили чистую новую люльку, и вот тогда от каждой..., ну, скажем, кулича отрезали кусок, складывали в эту люльку и потом раздавали бедным, разносили. Или бедные были уже в моленной, и вот они получали. Как говорится, чтобы поделиться со всеми. Вот такая система... Это старая мода. Сейчас уже не знаю, навряд ли носят... А раньше – стол большой, и вот, когда наносят, гора большая стоит.

Будашовы М.Б. и А.Е. Калласте, 2006.

208. У нас не пасха, кулич этот делали. Но считался он «пасха». Сейчас-то мы знаем, что «кулич», а не «пасха». <...> Обычное сдобное тесто, на семь голов как-то, потому что церковь стоит на семи головах. И делали семь лепёшечек таких. Одна широкая, потом уже... Одна за одной чтобы.

[*И её украшали потом?*]

Это украшали, просто из теста опять делали такие вертушечки и ложили туда. Всё украсят, яйцам помажут; и с изюмом, конечно... И тогда носили в церковь.

Зыбина З.К. Муствез, 2006.

209. И мы ходили за яичкам, собирали яички в корзиночки в маленькие по деревне. Но обычно ходили только к своим больше, к родственникам.

[*Какие-то слова при этом говорили?*]

Ну, приходили и вот: «С праздником вас! Христос воскрес!», да. В этом году тоже приходили ко мне маленькие дети.

[*И хозяева должны...*]

Вот я принесла тарелочку, пожалуйста, выбирайте, кому какое яичечко нравится. <...> Это считался детский праздник.

[*А эта корзиночка, она обычная или специальная была?*]

Ну, корзиночка красивенькая. Эстонцы же делали корзиночки красивые плетёные. И даже с рисунком, и покупали на ярманки; ярманки тогда у нас были каждый месяц. <...>

[*А православные к староверам приходили?*]

Приходили; дети всё равно какие приходили, да, приходили. Дети... у детей не было разницы. Приходили все. <...>

[А постарше молодежь яйца не катали?]

Ну, катали, катали. Вот, мальчишки особенно катали яйца, да. <...> Девочек... нас туда не пускали... <...> У них была, по-моему, как горка сделанная из песка или... Они недалеко от нашего дома и катали там всегда. Ой, тогда приходил брат такой счастливый, сколько он сентов выиграл, да. А всегда говорил: «Мама, ты дай мне сама, <...> своей рукой яичко, у тебя счастливая рука», да. И всегда приходил – целый горсть этих сентов. Вот так они собрали, мальчишки, денег и купили вот тогда себе настоящий футбольный мяч, играли вот в футбол.

Топкина Е.Е. Муствез, 2006.

210. [А под икону яички клали у вас?]

Клали. А у меня вон и сейчас ещё лежат два яичка нынче, с этой Пасхи. Клали... И вот они будут у меня лежать целый год. А потом я их выброшу; будет, так другое тогда положу. <...>

[А не говорили, что они какую-то пользу приносят, оберегают?]

Ну, вы знаете, как по старинке, раньше, старики говорили о том, что... Ну, кто умер, так как будто вот в честь его, как угощается этим. У нас же, когда умрёт человек, так в ту ночь оставляют ему рюмочку... Раньше-то не пили же водку; похороны вообще не было никакого алкоголя, а теперь-то всё поминают-то с вином... Бывало, рюмочку, кусок хлеба, ещё что-то там положат; и вот якобы человек придёт и поужинает ещё дома. Ну, вообще-то, по Божьему писанию говорится, что душа летает сорок дней...

Кузнецова А.А. Варнья, 2006.

211. [А яйца к иконам клали?]

Да, другой раз клали. Ну, я-то тут не клала так; было положено деревянное яичко и крашеное.

Ремец У.М. Варнья, 2006.

212. [А яички к иконам клали?]

Ну, клали, я теперь не кладу. <...> Раньше я и пшеницу в тарелке ставила; вырастет такая, и вокруг обкладали [яичками] так все это... Как пшеница – это же жизнь, яичко – это кровь Иисуса Христа, это вот так все делали. А теперь токо яичко.

[Значит, проращивали пшеницу?]

Да, она вот такая вырастет уже, зеленая, на тарелке, вот так. И тогда красные яички обкладывали тарелку вокруг. Это вот пасха у нас стояла. Это уже дня три-четыре стоит, пасхальное. Я вот помню, как и в старо время делали, а в эстонцах я и не видела этого.

Пригожева В.Е. Большие Колькья, 2006.

213. В Егорий-день выгоняют коров, бабы устраивают «бабий праздник»: соберутся, выпьют, называется «замачивают подойники». В Воронье подойники были деревянные, их надо было замачивать вином – так было принято. К рожку прикладывали кусочек масла, этим мазали соски коров. Говорили, что корова легче доится. Лет 70 назад были деревянные подойники.

Кроманова З. Зап. О. Йогенер в Калласте в 1954 г. RKM Vene 4, с. 191, № 189.

214. [Как Иван-день праздновали у вас?]

Иван-день справляют очень красиво. И приезжают певчие. <...> Тоже огнище [костер] гнетили [разжигали]. Везде было; поглядишь на улице – везде огни горят.

[А из чего делали огнища?]

Господи, всего наберут. Дровы, лодки старые гнетили. Праздновали, да; и счас празднуют. Танцевали, пели, веселились; до утра праздновали.

Аганичева А.Д. Муствез, 2006.

215. В Иванов день подьмут [*поднимут*] огонь на жерздь на поле или бочку, или же 4 смоляных бочки пускали <...> по 4 стороны плота, и на озеро пускали. Называлось «огнище жечь». [*«Жерздь» – длинная жердь, при помощи которой ставили сети подо льдом.*]

Кроманова З. Зап. О. Йогенер в Калласте в 1954 г. RKM Vene 4, с. 192, № 191.

216. В Пийрисааре в Петров день прыгают через огонь; этот день празднуют только в Пийрисааре.

Кроманова З. Зап. О. Йогенер в Калласте в 1954 г. RKM Vene 4, с. 192, № 192.

217. А.С.: ...Илья был, Иван-день. Утром снарядишься в это... в платье – мама снарядит, банты завяжет. Мы жили около реки там, окол моста. А потом выйдем... А таки были праздники, что толкали в воду. Стоишь там, уже так опасешься...

И.П.: Илья, второго августа.

А.С.: Второго августа, и потом Иван-день... В одежде прямо стоишь... Воду там брали, мостик, и на мостик токо выйдешь, а девочки – раз! – толкнут. И идёшь со слезам домой, снова мама и переодевает... Так было принято, и мама не ругалась. Придёшь весь мокрый, и мама переодевала снова.

[*А Вы не толкали подруг?*]

И я толкала, если удавалось, да; один одного толкали. На Иванов день и на Илью; особенно на Илью.

Жулины-Тарелкины А.С. и И.П. Муствез, 2006.

218. [*А не говорят, что Илья в воду льдинку бросает и купаться нельзя?*]

Е.Я.: Нет. Вот это в Маккавея у нас праздник... Вот этот, говорят, этот праздник будет 14 августа; говорят, что тогда в платьях купаются, последний раз купаться и в платьях. <...> А по радиву говорят, что таперь уже тут холодная вода купаться, а наши купались.

Д.Я.: Ну так это радиво говорит, а это Бог.

Е.Я.: Так вот, Маккавей и токо в платьях купаются. Тогда, говорят, Бог бросит холодный камень, и вода буде[т] холодная. Вот это говорят, а не знаю, правильно ай не.

[*А на Троицу березками храм, дом не украшали?*]

Д.Я.: Дом украшали. Мы березки всегда носили...

Е.Я.: Принесут в комнату, березы поставют; вот вербница, вербу ставят тоже. Рогатки ставят, еще которые не расцвёвши; что как жить пойдет, расцветут они, так это хорошо, а если другая, може[т], завянет, это, считай, к плохому.

[*А что за «рогатки»?*]

Ну, она какие-то такие тож были такие, с пупышечками; я не знаю, да вот, «рогатки» все говорят. Все ставят; как пух такие распухнут, расцветут, раскроются, так это человек здоровый, а другие завянут или что-то, так это опять как к болезни или что такое. Это ставили, это, бывало, собирали...

Фокины Д.Я. и Е.Я. Варнья, 2006.

219. Т.И.: ...Разные игры – «американка», «цыганка»... Это с мячом. Когда два ящика, две команды, и через этот ящик и выбивают. «Цыганка» – это когда все скопом,

в одном, и только два капитана и выбивают. А ящик – это нарисованный на земле [квадрат].

З.И.: А еще такие песни пели:

А мы просо сеяли, сеяли,
Ой де лада, сеяли, сеяли...

Это тоже было две команды, иногда собирались мальчики и девочки там. По ходу там почти так получается, но собирались разные, вставали, брались под руки, ходили вот так (поет):

«А мы просо сеяли, сеяли,
А мы просо сеяли, сеяли...»

А те:

«А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ой де лада, вытопчем, вытопчем.»

А потом переймём:

«А что же вам надобно?»
«А нам надо девушку красную.»
«А какого имени?»

Имя назовут...

«А наша Таня дурочка...»

Вот такие игры были. «Золото хоронили». А это вот сидят так все, камушек принесут, и у кого [он спрятан], отгадать надо. А потом: «Барыня купила чемодан, в чемодане сто рублей. Что хотите, то купите, черно с белым не берите, «да» и «нет» не говорите, не смеяться и не улыбаться. Вы поедете на бал? А что вы оденете?» Надо было вывернуться, чтоб не взять черного и белого, «да» и «нет» не сказать и не улыбнуться. Это сидели на крылечке в кружочек.

Эники, беники, три колеса,
Эники, беники, кнопка большая...

Т.И.: Воронья – спокойная деревня, Казепель драчливая. Казепель мимо близко не пройди, получишь с-за угла. В Мустве, говорили, «торгаши, ветровозники». Есть товар, нет товара, хоть ветер повезут. Кольки любили продавать.

[А не было такого, что парни деревня на деревню дрались?]

З.И.: Говорят, что дрались... <...> Как же казепельских называли?.. «Казепельские лоси».

Куткина З.И. и ее сестра Татьяна Ивановна. Варня, 2006.

220. [Не слышали, что тут в старое время какой-то Васька-разбойник был?]

И.А.: У нас разбойников таких я не знаю, не было как будто... В то время это было – просто деревня на деревню сходились и дрались... <...>

М.М.: Камешкам бросались...

И.А.: А если деревня на деревню, значит, кто-то был атаманом с одной стороны и с другой. Так не ходили, всё-таки кто-то был руководителем. <...>

И.А.: А вот <...> я был еще вот такой пацан, вот тогда были, действительно. <...> Не только что деревня на деревню, вот там около кладбища это была...

М.М.: Граница.

И.А.: ...граница. Русские с русскими. А с Казепе тоже там была... вот, где волисполком сейчас, тоже граница. Дальше боялись идти, поди знай, что случится.

М.М.: Ну так это так среди ребят, а вообще-то люди жили мирно...

И.А.: Ну так я и не говорю кто-то, это ребята. Тогда это было как будто так нужно...

Пушкины М.М. и И.А. Тихеда, 2006.

221. [До войны не было своего праздника у рыбаков?]

Никакого праздника не было. Каждый жил по себе...

[*Но всё равно, ведь община... Нам показывали фотографии, как пожарные праздновали.*]

Это было Добровольное пожарное общество в Калласте. Это была большая организация.

[*В Муствее тоже было?*]

Муствее не касалось к нам; у нас было своё.

[*Но они приезжали на праздник?*]

На праздники приходили, делали соревнования пожарные – кто вперёд воду даст. <...> Там ставили макет такой, кто вперёд успеет и пробьёт этот макет водой. Такие соревнования были. Имели флаг, имели медали на флаге.

[*Это не нарисовано, а прикреплено?*]

Прямо, да, прикрепляли. Ой, у нас было сильное общество! Сейчас вот как загорится где – и сгорит. И машины... Вон, на берегу, на краю озера, дома сгорят. А тогда было такое общество. На руках таскали машину и качали её... Помпа ручная, большая такая. И гасили любой пожар. А в конце... тридцать седьмого или тридцать восьмого года купили шведскую машину, помпу; вот так тая была хорошая, сильная. У нас был пожар... Это было уже при советской власти, ещё не было ликвидировано это общество. И вот, в нас был пожар; сорок градусов мороз был. И горела вот эта школа, где была раньше, <...> и вот это добровольное пожарное общество нигде не дало загореть: всё отбили и загасили эту школу. Дома кругом там деревянные. С озера давали стоко воды, ни мороз не помог, ничего; всё загасили. И, значит, был рожок такой в пожарников. Как только где-нибудь пожар, так рожок трубит уже. Один бежит по деревне и трубит в рожок, и все собираются, все бегут. Сейчас посмотришь, придут молодые: стоят – горит... Тогда ведрами, чем могли, и всё. Машины нет – ведрами заливали. А сейчас – горит и горит, никому дела нет.

А каждое Успенье – это была годовщина; двадцать восьмого августа. Тогда пожарники собирались, строились в шеренги и шли в церковь. В форме в своей. В церкви была служба, потом снова выходили. Вечером был стол, пожарники гуляли. Рыбаки-то в основном были.

[*А когда всё это прекратилось?*]

Как советская власть пришла; может, годик ещё...

Клявин И.Л. Калласте, 2006.

222. ...Сразу после войны, я помню; ну, это началось ещё и до войны, здесь обязательно был праздник, когда пожарники... в касках красивых, с духовым оркестром маршировали через весь город. Вот это был праздник! <...> Было пожарное общество организовано, и организовано оно было именно староверами. И вот туда, значит, самые молодые, сильные мужчины входили в это пожарное общество. И у них же ещё, значит, тогда не было никаких этих моторов, они же ещё вот этим качали... [*ручной помпой*]. <...> Вся ребятня, вся – мы все как за этими пожарниками! Ой, это было такое, такой праздник! <...>

Здесь ещё в довоенное время были такие как бы культурные общества. Здесь был драматический кружок в Калласте. Драматический кружок. Они сами шили костюмы, сами выступали, пьесы ставили. И тогда здесь был ещё хор. В Калласте был прекрасный хор. В Колькья был хор, в Мустве был хор. И они по очереди собирались – то в Мустве, то в Калласте или ещё где-то; в Нарву, например, ездили. В Нарве тоже были старообрядцы. И вот наши хоровые выступали там. Костюмы, конечно, красивые шили они и выступали.

[*Хор светский был?*]

Да, хор светский был, хор был светский. А пели старинные русские песни. <...> Даже мы, пионеры и комсомолки, и то пели те песни, которые пели наши родители.

«При лужке, лужке, лужке...», ну вот; «Коробейники», вот эти песни пели. «Хас-Булат удалой...» И что самое интересное: говорили, что здесь, в Калласте, пели немножко не так, как в другом месте. То есть слова, например, сохранялись, а мелодия немножко видоизменялась. То есть в каждом месте пели немножко по-своему... И я помню, что в семьдесят пятом году <...>, когда я в последний раз поехала в Кировскую область (тогда ещё бабушка с дедушкой были живы), <...> и когда мы с мамой запели эти калластовские песни, там сказали: «Ой, вы не так поёте, как у нас здесь!».

Керекеткина О.Ф. Калласте, 2006.

223. В Муствез даже ходила на праздники. В эстонское время праздники устраивали. День русского просвещения. Шествие такое, с флагом. Идут все в русских костюмах, в русских сарафанах. День русского просвещения – такой был праздник. Летом, после Троицы или в Троицу, вот так. <...> Была такая площадка, место, где... <...> Каждый год, каждый год. С русскими песнями. Не запрещалось это дело.

Зарина Е.К. Кикита, 2006.

WWW.STAROVER.RU

Родильно-крестильные обряды и обычаи

224. ...Говорили, когда вот беременна женщина ходит, тогда нехорошо змея увидеть. Будто бы тогда будут у ребёнка разбежаться глаза. <...> Когда пожар, тогда не надо притрагиваться до себя. <...> Тогда пятно будет, красные пятна на теле ребёнка. И это, вообще-то, и правда. Наша бабушка... На Пийрисааре – остров Пийрисаар – был пожар. А в ней там сестра была замужем. А она ходила, моя мама, беременная. И вот пришла, говорит, на гору, глядит – Пийрисаар горит. И вот так взялась, и вот в этом месте было пятно.

[*И оно остаётся на всю жизнь?*]

Да, да... У одной женщины у нас было огромное пятно во всё лицо; вот так вот, половина лица было. Это тоже «пожарное пятно», так называли.

Богданова А.В. Калласте, 2006.

225. [*А не говорили, что беременной женщине нехорошо, если в лесу змею встретит?*]

Было... Змею встретить – это очень плохо отражается. И говорили ещё такое, если увидишь крысу, ну, испугаешься, чтобы только до себя не дотрагиваться. Что если куда дотронешься, то у ребёнка может быть мышинная шерсть, вырастет где-то. Вот у нас здесь было; она умерши, Вера. У неё на щеке была такая мышинная шерсть. И я помню, я ходила беременная. У меня тоже поросята были, и были, да, крысы такие большие. Я раз как-то вошла туда, кормить этих стала; я как закричала, но знала, что нельзя дотронуться, так я руки кверху подняла. Вот как сейчас помню! Так кверху подняла; думаю: «Мне ведь сказала бабушка, что только себя не касайся».

[*А если со змеей?..*]

Ну, тоже говорили, что если со змеей, то может ребёнок больной родиться. Было тут у нас. Она сама калластинская была, и у них мальчик был больной; он всё время извивался, как змей. Говорили, что увидишь, так оно как-то действует на беременную женщину.

[*А пожар?*]

А пожар тоже... говорили; и пожар. Это тоже бабушка говорила, что у неё когда первый внук родился, то у него было красное пятно вот в этом месте. Так она сказала – это от пожара. Что, наверно, говорит, дотронулась до живота, и видимо, это от пожара.

[*А не говорили, что на беременную нельзя замахиваться?*]

Я не слышавши такого... Говорили ещё, что беременной на покойника глядеть нельзя. Вот это бабушка тоже говорила. А я помню, ещё спросила у неё: «А начто это нельзя глядеть?» Она говорит: «Ну, ребёночек, говорит, родится тогда с цветом лица не с таким, каким надо»; что-то она такое говорила.

[*А если тяжело больные или калеки?*]

Не, это, по-моему, ничего.

[*А переступить через верёвку?..*]

Что-то тоже говорили, а я не помню как-то. <...> То ли у ребёнка пуповина где-то может, вокруг шеи, что-то такое, может закрутиться. Вот когда беременная через верёвку ступаешь.

Богданова А.Н. Калласте, 2006.

226. [*А если беременная женщина змею увидит?*]

Вот, это в ребёнка косые глазки. Вот эта старуха тогда придёт, как-то на пол положила, на подпольну крышку. <...> Беременной женщины плохо, когда пожар там или что. Бежишь смотреть, схватился – и будет красна метка в ребёнка. Теперь беременные женщины ходят как? Почти весь живот... А раньше ведь показываться:

«Ой, что ты? На люди пошла в таком виде!» Закрывались да прятались. Не повесь пелёночки на улицу, ничего. И не выноси ребёнка раньше. Ребёнка перед зеркалом не держи. <...> Не тронь ни собаку, ни кота, как беременная ходишь, никакого дела. <...> Появятся звериные шерстинки.

[А перед зеркалом почему нельзя?]

Говорить не будет долго, вроде бы говорили. «Не показывай ребёнка в зеркало, говорить долго не будет!» <...>

[А пелёнки не вешать почему?]

Каки-то ветрянки будут...

Ушакова Г.И. Кикита, 2006.

227. С.Ф.: У нас здесь жила Синкова, старая дева, и у неё была корова. А я ходила беременна. И я пошла за молоком. Беременным нельзя женщинам молока дать: корову, значит, сглазит или <...> корова доиться не будет. Она кидает шепоток углей сзади меня, сзади беременной вот так бросает, чтоб корова не перестала доиться. <...>

Это было моей невестки <...>. Пошли мы на покос. Идёт моя мама, и невестка моя, и я сзади. <...> А [невестка] была беременна Любой. Теперь идём, и вдруг змея. Она идёт первая. А мама кричит: «Доченька! Два шага назад! Иди, помойся в ручеёк. Тогда ребёнок не будет обвиваться, как змея...» Вот это у нас было в покосе. Здесь вот, напротив, сосед, Гриша. Вот она [его мать] тоже была в покосе, и она этого ничего не знала. И Гриша всё равно вот так... [Исполнительница крутит головой.] Ему шестьдесят лет, а всё время вот так... <...>

Д.М.: И когда беременна у тебя что-то у тебя спросит, ты должна дать. Не дастишь – ну, моли съедят...

С.Ф.: И мыши всё подгрызут у тебя... Так вот и боялись, закрывали; от нас двери закрывали, беременным ничего не давали. А дадут, тогда углём сзади бросют. Это такие приметы были.

Д.М.: Это было... Я не дала, так у меня в платённом шкапу в Таллинне шерстяной костюм венгерский весь сточили. Такая паутина появилась. Так источило, что невозможно было распустить, ничего <...>.

Кривоногова С.Ф., Глубокова Д.М. Рая, 2006.

228. На сенокос пошли, когда мама корову держала <...>. И тоже увидела змею. Испугалась, конечно. Мама мне кричит: «Поди скорей в канаву, вымой лицо!» И я сделала, как мама велела. А вот такой случай-то был. Вот в саду <...> убирала огурцы или что я делала – и жаба, не просто лягушка, а жаба! Ну, я, конечно, тоже ужаснулась и хватать! за себя. И у сына там было коричневое пятно. А потом пропало. Когда родился, вот, коричневое пятно. <...> И прямо, как лягушка, такое круглое пятно было, да... А ведь некоторые мыша... – как я тоже мышей боюсь, но Бог хранил. Валя тут, <...> ей нет в живых; царство небесное! У ней у дочки была мышьяная кожа на лице. Ну, не на всём лице, а вот такая маленькая мышьяная такая шерсть была на лице, и делали операцию. <...> Всё-таки это как-то отдаётся. <...> От испуга, наверно. Валя говорила, что я мыша спугалась. <...>

Пушкина М.М. Тихеда, 2006.

229. При родах нельзя давать посторонним смотреть на новорожденного, а то ребенок будет расти очень беспокойным. Как говорят, «что за язык подцеплен».

Березина А. Зап. Ф. Коняев в Муствез в 1938 г. ERA Vene 2, с. 326, № 43.

230. Когда звезда падает, говорят, человек умер. Человек нарождается, и звезда для него... По-современному, загадать желание надо успеть.

Кивиорг М.И. Калласте, 2006.

231. [*Когда ребёнка крестят, воду можно подогреть?*]

А он [отец] не подогревал нам. <...> Он был божественный и говорил: «Подогреешь – вода мёртвая, если подогреешь». Вода должна быть живая. <...> Креститься надо обязательно голому, как народился человек.

Тихомирова Х.И. Калласте, 2006.

232. [*А можно воду подогреть для крещения?*]

Д.Я.: Мне говорили, что такой лед в этой бочке, как меня купали. Так принесли домой, так мать говори[т], положили на печку, думали, говоря[т], что жива ли девка-то – ни куки, ни каки. Лежала, как мертвая...

Е.Я.: А теперича греют, теплой водой. А раньше, говоря[т], бывало, что как теплой водой, так ребенок как ну... болячкам брался. Больной делался. Вот.

Фокины Д.Я. и Е.Я. Варнья, 2006.

233. [*А можно в той же рубашечке, в которой ребёнка крестили, другого крестить?*]

М.И.: Нет, это нужно новую. И глаженую нельзя, надо такую... Не знаю, почему. Вот, что умершему нельзя, что новорождённому. Умершему не гладят.

[*А если один ребёнок умер, имя его можно другому давать?*]

Р.А.: Ну, дают, конечно, почему не дают?..

М.И.: А говорят, что будет несчастный. Вот, если умершей бабушки и дедушки, если у них счастливая жизнь была, то можно называть. А умершего ребёнка... Даже вот говорят, что именем отца нельзя называть, что судьба будет несчастная у ребёнка. Ну, вот я убедилась. У меня брат Иван и отец Иван, Иван Иванович. Ну, у него и судьба была – ой-ой-ой! Не знаю, или это относится к этому... И Пётр Петрович Казаков, он утонул вообще, двадцать восемь лет парню было. И тоже неженатый был, и ничего... <...>

[*А имя ребёнку строго по календарю выбирать надо?*]

Р.А.: Да. Раньше было, да, строго. <...> Восемь дней давали, если девочка; ей можно было давать восемь дней вперёд. Вот, например, я двадцатого родилась, можно имена выбирать до двадцать восьмого. А мальчику можно давать и вперёд, и назад восемь дней.

[*А крестных как выбирали?*]

А их не выбирают; например, мне вот понравилась она, я вот буду приглашать. Не выбирают; кто может.

[*А что значит: «Кто может»?*]

М.И.: Должен сам быть крещёный и одной веры. А православный старовера крестить – это уже не подходит. И некрещёный тоже не можешь. Потому что у тебя у самого ангела нет, и как ты можешь молиться за другого? Ты берёшь на свои руки этого младенца до семи лет, да; с семи лет может ребёнок сам за свои грехи отвечать. А до семи лет за него несёт всю ответственность крестный. <...> А если ты уже большой идёшь креститься, тогда не надо крестного, ни отца, ни мать. Потому что ты сам уже за свои грехи в ответе.

[*А крестные в жизни всё время важную роль играли?*]

Р.А.: Да, например, когда свадьба...

М.И.: ...крестная мать больше своей матери.

Варунина Р.А., Кивиорг М.И. Калласте, 2006.

234. [*Не рассказывали, что когда младенцу имя дают, то этот святой потом его оберегает?*]

Да, это вот ангел. Я опять вам расскажу, как... Вот тоже мать моего мужа рассказывала. Когда родился мой муж; двадцать восьмого июля было Владимиру. А ангелу было – Фоке. И вот пошли крестить в моленную; крёстная была тоже. <...> Она говорит: «Мы с Анной Ивановной – свекрову мою звали – двои свечи сгорели над купелью... <...> Тётя Улита говорит: «Владимир!», а батюшка говорит: «Фока!» Спорили, что двои свечи на тым сгорели. <...> А батька потом и говорит: «Улита, чего ты мешаешь мне? Я же закон лучше тебя знаю. А куда ж я дену ангела, Фоку-мученика? Ты, говорит, мне не путай...» И остался Фока, и всю жизнь прожил Фокой. <...> Ангел охраняет. <...>

[*А не рассказывали, что нельзя человека называть другим именем, не тем, что крестили?*]

Ну да, да, да... Это грех и не подобало, потому что раньше разные же имена были. И была и Мавра, и там Марфа; и вот сейчас у меня, например, золовка здесь, которая с Донецка, Феоктиста. А теперь ведь нет таких имён, не хотят же таких. Вот дедушка у меня был Селивёрст, ну...

[*Так грех другим именем называть?*]

Грех, грех... Это будет ангел всю жизнь плакать.

Кузнецова А.А. Варня, 2006.

235. [*А при жизни ангел-хранитель удерживал как-то человека от грехов?*]

Приснится; здесь были такие случаи, <...> что ангел-хранитель предупреждает, что не ходи, не делай этого.

Аганичева А.А. Муствез, 2006.

236. [*А не говорили так, что когда человека покрестили, то ему два ангела даются? Один собирает хорошие дела, а другой...*]

Да нет, ангел один. Он идёт всё время вот за спиной. Мама рассказывала. Он всё время не отходит. Но когда ты его вот ругаешь или отвергаешь, или ты сквернословишь там, плохие дела делаешь, тогда, говорит, этот ангел отходит от тебя дальше и идёт, склонив голову, и плачет. Собирает свои уже слёзы в чашу. Он несёт чашу такую вот и собирает свои слёзы. И когда человек вот умирает и как пред вратам идти вот, в царство проходить, то если слёз человеческих... этого человека, что если в жизни он не каялся за свои грехи и мало плакал о своих грехах, то потом ангел свои слёзы даёт на весы. Что: «А я же за него молился в то время, когда он грешил». Вот. И там может быть такое, что благодаря твоему ангелу всё-таки ты не попадёшь в вечные мучения, а куда-то вот тебя более в такое место... Пусть и не в ад, но где-то вот... Нейтральные места там тоже, говорят, есть. Как вот этим некрещёным. Если человек творил милостыню, а сам был пьяницей, или прелюбодеем, или, Бог его знает, там другие грехи. Но он всё время милостыню творит. То уже это вот его одно качество тоже может его спасти и более лёгкую участь дать на том свете. Ну вот, такие вот... Я наслушана... Это вот мама всё рассказывала, а ей – бабушка; ну, так вот шло от одного в другое, вот...

Кивиорг М.И. Калласте 2006.

237. Вот у нас есть икона ангела-хранителя, вот это была любимая моя икона и наших, наверно, всех детей. Мама говорила, что вот ангел-хранитель вас оберегает, всегда надо молиться ангелу-хранителю, что он и крылышки подставит, чтоб вы не упали, и бережёт. И еще она говорила: «Вот не делай так плохо, твой ангел плакать будет. А вот если что хорошее сделаешь, вот смотри, ангел радуется».

Куткина З.И. Варня, 2006.

238. Я <...> в двойняшках родилась. Первая, Катенька, родилась хорошо, а я часа два после этой, замучена. Ну, и когда с тюшки [*проруби*] принесли <...> ведро воды в наш дом (пупочек висел), и бабка говорит: «Крестите его!». А тётя пришла с моленной; ну... и она знала, кого там поминали, и Виктором меня покрестили, мальчиком. Пупочек висел, думали, что я мальчик. <...> Тётя, отцова сестра, взяла шубарину маленькую, меня <...> на печку, на подушечку, и положила. А я когда описалась, стала плакать, она пришла, смотрит: «Ах ты, Господи, девочка! Что такое? Покрестили Виктором, а это же девочка, это не мальчик». Ну, и снова покрестили Дарьей.

Глубокова Д.М. Рая, 2006.

239. Крёстная – вторая мать считается. <...>

[*А если ребёнок умирает некрещеным, куда душа его идет?*]

А вот это я не знаю.... Тогда, говорят, они там и слепые, без глаз; ну, зрения нет.

Ушакова Г.И. Кикита, 2006.

240. Я слышала, что будто некрещёные дети – слепой будешь на том свете.

Богданова А.В. Калласте, 2006.

241. Ребёнок как непокрещенный, он как чертёнок. Хоронить [*с соблюдением всех обрядов*] такого ребёнка нельзя. Вина будет на матери, на отце, почему они не покрестили.

Жулина-Тарелкина А.С. Муствез, 2006.

242. В Калласте есть очень странный обычай, когда людям присваивается какое-то прозвище, и иногда бывает так, что по прозвищу человека быстрее знают, чем если по фамилии. Потому что есть фамилии одинаковые, и спрашивают: «А кто это такой?» А называешь по прозвищу: «Ну вот, так бы и сказала...» <...>

Вот, например, Феклистовых, которые жили на Выйду, один [*номер дома*]; у них было прозвище «*Батины*». Почему «Батины», не знаю. У Гусаровых, значит, Марию и Клавдию, звали «*Кириллины*». Ну, это, видимо, по отцу, потому что она была Мария Кирилловна, так сказать, старейшина – вот и «Кириллины». Варунин Филипп, Дмитрий, Макар – почему-то прозвище «*Котлетчики*»; почему – понятия не имею. У Цакухиных прозвище было «*Ванётины*». У них было очень много детей, у них было тринадцать детей в семье! <...> Вторых Феклистовых... Феклистов Иван был, и его самого звали, и детей, внуков – почему-то дали им прозвище «*Блин*». Это сейчас говорят: «О, блин!» А раньше, до войны, не было такого выражения; почему назвали – не знаю. Вторых Иванов, Пусепа почему-то у них были «*Бушувевы*». У Плешанкова Ульяна прозвище было «*Шумный*», и детей назвали: «Да это Шумные!»

Моих родственников – Дмитрий Кукин, Никон Кукин – все дети говорили: «Это Шестипаловы». Потому что дед, Дмитрий Григорьевич Кукин, по шесть пальцев было у него на ногах. <...> Дед Шестипал, его дети Шестипаловы, и даже внуки его пошли – и эти Шестипаловы. И валенки были; валенки у него по заказу, валенки широкие были, почти круглые. И рыбаки смеялись, что если дед Шестипал зимой в озеро пошёл, то потом это будто медведь протопал – такими огромными круглыми следами было. Вот, например, Шлендухова Ивана... (Он, видимо, был одним из первых шоферов, который ездил на «газике».) Приклеилось к нему прозвище «*Газик*», и стала жена его «*Газичиха*», и дети стали «*Газики*». Скороходовых почему-то прозвище было «*Лебедеввы*». Иногда забывали: «Это какие? А, Лебедеввы!» Хотя фактически Лебедеввы в Калласте тоже были, но вот у этих Скороходовых было прозвище Лебедеввы. Шоховых звали потому, что когда-то у них фамилия была немецкая – «*Шох*». А где-то

в тридцатых годах в Эстонии, для того чтоб удержаться на плаву, заставляли русские, польские, немецкие фамилии менять на эстонские. И они поменяли фамилию «Либлик». А ихняя прежняя фамилия превратилась в прозвище, и они остались «Шоховы».

Алёксина было прозвище «Копейкины»; почему «Копейкины», не знаю. Горюшкины, Иван Яковлевич и Венедикт Яковлевич, были Яшины. Звали «Ванька Яшкин»; по отцу – Яковлевич, да. Ляпистовых, например, которые жили на краю города, и сзади них уже шли поля, выгон там для коров; так и было – «Полевые». Свинков Иван Панфилович и те, кто жили его родственники, почему-то звали «Матай». Почему «Матай», не знаю; но вот приклеилось к нему это прозвище. И если скажешь, например, «Свинков Иван», тебя спрашивают: «Какой это Свинков?» Потому что Свинковых было – один Свинков, и другой Свинков, и третий Свинков. «Да Матай!» – «Ну вот, Матай, тогда понятно, кто это». Кривоглазовых, которые жили на улице Кирику, у них были «Арефьевы» – опять же по отцу, потому что отец был Арефия, да... А вот Кривоглазов, который жил здесь, на улице Ойя, у них было прозвище «Трусовы». Почему «Трусовы», не знаю; «Трусовы» и всё... Захарова Сергея звали «Кряус», «Кряусиха» жена была и «Кряусовы» дети. А что это обозначало – «Кряус», не знаю. В эстонском языке такого слова нет вообще. Александр Анушов, он был такой человек на придумки гораздый, мог подсмеяться, подшутить, кого-то подколоть; такой был с вывертом – его так и назвали по-эстонски «Вигурисассь», «фигурный». Вот. А Корнышовы, они купили хутор от эстонцев, жили одни, среди лугов, среди полей; один единственный хутор. Так у них и осталось прозвище «Лужавенков». Вот, такие дела... Вот всё, более-менее, что я помнила.

Керекеткина О.Ф. Калласте, 2006.

243. ...Это моего свёкра [прозвали «Котлетчиком»].

[А почему так прозвали, не знаете?]

Это ещё не мой свёкор, а свёкра отец. Где-то они были в гостях. Ну, и там котлеты приготовили. А он, такой пьяненький пришёл, все и съел. И с того и пошло: «Котлетчики», так и всё. А мой муж, когда ещё был маленький, его всё тоже дразнили: «Ты – Котлетчик!» А он и говорит: «Это не я, это дед Макар!»

Варунина Р.А. Калласте, 2006.

244. В Калласте дрова называли «колобашки», а в нас всегда были «дрова». И их после наши все звали, помню со старины: «Во, колобашники, это колобашники!»

Пригожева В.Е. Большие Колькья, 2006.

Свадебные обычаи и песни

245. СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В КАЛЛАСТЕ

Дымничать – это в нас называют, когда кто-нибудь из своих, брат или сестра, ездят в дом к невесте или от невесты в дом жениха и подглядывают, как себя ведёт человек. Другой раз и не знают, для чего приехали, а он все подглядывает, примчестый ли человек (*умеющий принять гостей*), чистоплотный или грязный; мать убирает всё или дочь. Другой раз сам жених едет. Придут, выпьют, поговорят. Вот, я была за сватью, и пришли мы с парнем в дом к невесты, а она руки на головы держит, не приглашает присесть; обалдела и не знает, что и говорить. Я её уже опередила и сказала, что приеду с женихом сватать её. А мы приехали не в трахт (*не вовремя, в рабочее время*), молотилка стояла уже на дворе. А её мама была очень примчестая и отец тоже. Она умела принять и проводить, а это радостно как-то человеку. Мне парень и говорит, когда нас спать уложили (мы приехали за 30 вёрст): «Мне она не нравится – не примчестая». Невеста ни одна, ни с родителями дымничать не ездит.

Меня отдали в невесты,
Нет родителям приезда.
Поразгалились на дом,
На высокий на терём.
На высоки терема,
На хорошие дома.

Полюби, полюби,
Красна девица душа,
Если ты меня полюбишь,
Будешь счастливая,
Будешь счастливая
И талан[т]ливая (*талант будет в ей*).
Буду я тебя водить
Ко всяким разным музыкантам,
Буду тебя взвеселять;
И ни ткать, и ни прясть,
Никакой нужды не знать.
Только знать одну нужду –
Одну спальну обобрать.

А раньше так *украдали невесту*; что если мать и отец несогласны, то сговорятся двое. Невеста крадьма (*тайно*) наденет на себя что-нибудь побольше или выправит узелок побольше чего-нибудь, потому что родители после не пустят в дом, потому что им позор. Или с собой возьмёт узелок, или подруге выправит, когда уже знает, что ее выкрадут и родители осерчают. Он её другой раз долго уговаривает, она стыдится его родителей. А другая девушка любит и соглашается. Приведёт домой к отцу и матери и говорит: «Я привёл тебе свою невесту, вот и всё». Другой раз он пойдёт к родителям невесты через несколько дней или через неделю и начинает покоряться (*просить прощения*). Другой раз родители соглашаются. Украдали невесту ещё так, что пойдёт с ней гулять и домой не пустит – приведёт к себе домой, к матери, и бере[т] к себе...

Невеста жениху даёт *залог*, это значит, сват – дружка жениху – требует, чтоб дали. Невеста если согласна за него пойти, даёт шелковый платок, или кольцо золотое, или одеяло. Если невеста потом откажет, то он эти вещи разорвёт, разломает или

пропѣт – какую-нибудь надсмешку над ей сделает. Привяжет платок на кол, повесит и катается на лошади, а платок рвѣтся. Или пѣт страшно и смеѣтся над ей. Это, что она ему сделала надсмешку, а он ей. Такого я не помню, чтобы родители невесты платили бы что-нибудь [*в случае нарушения свадебного сговора*].

В нас хотят, чтобы и он **молоденький был** (жених), и она (невеста), а в эстонцах хотят, чтоб постарше, и часто так, чтоб жена постарше.

Когда жених с дружкой и другой раз и несколько человек с роды (семьи) едет за невестой, то лошадей вгонят во двор (всегда и обязательно во двор). Дружка держит кнут в руках, и когда идѣт к двери, то **с какими-нибудь приказками**. Так, ударяет по двери накрест кнутом и говорит: «Крехова (имя невесты) закрехала, Якова (имя жениха) забрякала». Значит, и будет свадьба – уже забрякала. У дружки от жениха подарено и повязано через плечо полотенце, через правое плечо, или материи метра четыре на рубашку – это ему дарит жених. А от невесты идѣт на левое плечо, родители невесты или кто из роды повязывает. А жена у дружки с собой, жена повязывает, а родители невесты дают ей.

Сватанье. Сватанье всегда бывает только на мясоед, а в пост никогда не бывает. А дни так: в понедельник и в субботу никогда не ездят свататься, а в другие дни можно. Сватать ездят всё больше к ночи, в двенадцать, одиннадцать часов. Вечером уже никого не ждут, и тогда никто не видит, а днѣм всё народ ходит. Это чтоб никто не знал, что сосватали. Вот, сосватали Дусю (дочь рассказчицы), никто и не знал. А то может кто-нибудь, как узнают, что сосватана, похулит жениха или невесту, так и разойтись могут до свадьбы-то. Сватать идѣт обязательно и жених, и сватовья. Жених разговаривает с невестой, а сватовья – с родителями. Жених сговорится раньше с невестой, когда придѣт сватать. А другой раз невеста не знает, что придут сватать.

Когда жених и дружка **приходят за невестой**, чтоб ехать в церкву, тогда дружка говорит, иногда с приказками: «Приехали за товаром» или «Приехали купить товар». Эти приказки-то не услышишь, ведь народ-то не пускают в комнату. Если только у своих находишься, а то как же их услышишь? Вот, своя дочь замуж шла, [или] кто из роды – так слышала, что так говорили. А сватанье, так приказок нету. А уезжают в церкву, так говорят: «Дорога дальняя, кабаки частые – надо поторопиться» или скажут: «Далеко ехать, за тысячу вѣрст, или пять тысяч вѣрст, надо поторопиться». Кто как скажет.

Когда приезжали жених и сватовья сватать, то **невеста** могла находиться среди других, но больше **находится с женихом** и тайно переговариваются.

Такого у нас нет, что **невесту** не **показывают**, когда первый раз приезжает жених сватать.

Когда приезжают сватать, то **подарков** с собой **нет, а вино должно быть** и в его, и в ней. Иногда дарит колечко с камушком или с сердцем, означающим веру, надежду и любовь. Знаки есть на сердце ещё какие-то (*крест и якорь*).

Когда уже неделю отживут после свадьбы, то жениха родители со всеми родственниками идут к невесты родителям **«на яичницу»**. И варят ещё рисовую кашу для гостей. За это женихова мать плотит – она сына своего показывает, что сын денежный. Эти деньги идут тѣще за то, что она ухаживала и готовила. Яичницу делают: яички разобьют, молоко прибавют и сахару и соли щепаток (*щепотку*) и поставят в

печку. Когда начнут кушать, то жених перекрестится и начнет есть. Первую ложку возьмёт, а вторую – невеста (она тоже перекрестится, и все крестятся, когда начинают есть), а третью – родители. Это если невеста была не провинившаяся. А если невеста была провинившись, несправедливая, не в порядке, то жених возьмёт и делает посередине яичницы дырку или смешает всё вилкой, а другой раз бросит костей рыбьих больше на середину яичницы и не станет есть, и никто не станет есть. Это если она его обманула, означает, провинившаяся. А другой, если любит и не такой простой, то и скроет. Потом живут-то живут, а всё не так весело, всё поперчка (*упрек*) есть, естя чем поперкнуть, если захочет. <...> За яичницу он не платит (зять), а за кашу платит теще.

Когда жених со сватом приезжают сватать, то **получают и ответ** в тот раз. Как сосватают, то сговариваются, когда за невестой приедут. Невеста при родителях должна сказать, что согласна. Родители спрашивают: «Любишь ли его?» Чтоб потом каранья (*укоров*) не было никаких. Когда дело в согласии, тогда пьют вино; а то так расходятся, если нет согласия. Когда невеста сосватана, то жених останется, а сват сосватал и ушёл.

На свадебную округу жених даёт иногда сколько-нибудь денег – это на уваль (*вуаль, фату*), на платье и на белые туфли.

Когда молодые к венцу едут, иногда какой злой человек **следы убирает**, портит человека, чтоб не жили хорошо. Когда с комнаты ведут, сграбят следы и колдуют над ними. Та, которая берёт, «становится раком». Вот «стала раком» и одна женщина моей дочери (*на свадьбе*), муж её и утонул. Это со зла и зависти берут следы и колдуют.

Когда сватают, тогда уже **никого не бывает чужих, чтобы никто не знал**. Это в эстонцах кликают (*за две недели оповещают*). В русских жених другой раз даёт неделю времени, пока там приданое шьют. Тогда девушки-подруги ходят, помогают шить, а только невеста всё-таки не говорит, когда поведут к венцу. Невесту другой раз спрашивают, когда свадьба, а она говорит: «Я не знаю, когда меня поведут, а может быть, и не поведут вовсе». Отпирается, конечно. А некоторые и шить никого не зовут, так чтобы никто не знал. Одные (*одни*) сделали так, что автомобиль приехал сразу за невестой, так что и следы никто не мог обобрать и не знал никто ничего.

Когда невеста уезжает с дому к жениху в дом (венчание часто бывает на дому), то дают **хлеб с солью** или булку. Делают в хлебе дырку-лунку, туда кладут соли и накрывают коркой. И икону большую, в серёдке образ, дают. И одеяло, подушки, и всё везут на лошади к жениху. Когда входят в серёдку, передают хлеб с солью, а свекрова бросает житом **на житьё**, на хорошую жизнь. Три раза говорит: «На житьё». И еще говорит: «Мне привели хорошую помощницу». Когда молодые из церкви приезжают, так мать держит жито и бросает на молодых прямо в глаза. Они опускают голову, чтоб в глаза не попало. Она говорит: «На житьё, на житьё, на богатое житьё!». И еще говорит: «Жить и богатеть и спереду горбатеть!» (чтобы детей несла).

Когда его невеста уже станет, то жених дарит колечко с глазком, и это называется **обручание**. Вот, сговорится с ней и подарит, и говорит, что тогда уже она ни с кем бы больше не гуляла, что она его невеста. Это в богачах-то так, а в бедняках-то не. Другой раз бедный тоже подарит колечко. И она обещается тогда, что будет только с ним гулять. Вот это-то и е[сть] **сговор**, что друг друга больше не бросят и гулять с другими не будут. Тайно это все женихи делают, мало кто ожидает. Когда батюшка-то кольцо одевает, то это другое, то венчание, это особо, на правую руку

одевает, а когда обручение – то на левую. И тогда он ей скажет тоже, когда сватать придёт. Другой не кольцом, а то часы на руку оденет или на блузочку купит – чем-нибудь ее завлекает.

Другой раз за неделю до свадьбы жених собирает своих друзей, а невеста своих подруг, и устраивают у *невесты вечеринку*. Они там веселятся и провожают свою молодость...

Нарушить обручение можно. Если жених раздумает, так скажет. А другой раз бывает, что невеста сидит и ждёт жениха, чтобы ехать в церкву, а жених и не приедет. [Если] невеста передумает, так просто скажет, и больше ничего.

На *венчание* созывает жених своих гостей, а невеста – своих. Жених приезжает с гостями к невесты, а у невесты стол накрыт. Жениха раньше за стол не пустят, пока невесту не выкупит. *Выкупает невесту дружка*. Дружка торгуется и присказками говорит другой раз, что она, может, ленная (*ленивая*) и мало стоит. И тогда дружке отвечают: «Наша молода не спала, не дремала, а узоры вышивала». Когда невеста выкуплена, то они говорят: «Теперь просим старых квартирантов вон, мы всю невесту и место откупили и просили освободить для наших гостей» (*гостей жениха*). Тогда гости невесты, пожилые, остаются за столом, а девушки, которых невеста-девушка созвала, чтобы они последний раз ей <...> песни пели, уходят и уступают место жениховым гостям. Угощаются и после этого едут в церковь под венец.

После венчания невеста едет к жениху. Когда приедут, то гости расходятся по домам. Делают как бы перерыв. У жениха накрывают стол. Тогда молодые парой идут *созывать на свадьбу*. Кого решили позвать, того и зовут. Звать гостей ходили в венчальной одежде. Молодым ничего не дарят, когда они зовут, а только когда уже приходят к жениху в дом, то несут с собой какой-нибудь подарок или вина.

Никаких других должностей во время свадьбы не знаю, кроме дружки. *Дружка* должен быть *ближний сродственник* – дядюшка, двоюродный брат, сёстрин муж. Родной брат жениха не может быть дружкой. Начиналась должность дружки, когда сватать ехал, и кончалась, когда невесту к жениху привозили из церкви.

Моя дочка пошла замуж, и мы пошли и понесли половики и подушки к жениху. У невесты комната ещё до свадьбы должна быть *убрана своим приданым*. И пошли мы кругом, берегом. По дороге я споткнулась на камень, упала и рассмеялась. Вот, мой зять и утонул. Мы хотели подойти незаметно и послушать под окном, не говорят ли чего худого про них. Тогда пошли убирать комнату.

Волосы расплетают невесте после венца у жениха. Посадят на два стула невесту и невестину сестру или женихову сестру, если у невесты нет сестры. У меня подруга сидела. Жениха вон выгонят с комнаты, и головы девушкам покроют шелковым платком. Жених придёт и должен подходить и узнать, которая его невеста. Когда посадят молодую на стул, тогда и расчешут волосы <...>, сделают пучок и повяжут повойник. Расчесывает волосы и повязывает повойник сватья, которая сватала, или сватова жена. Если женщина сватала, то сама и повязывает, а если сват, то сватова жена, только уж не мужчина. Муж должен, когда его пустят в комнату, положить руку на голову и пять крон положить на платок, которым покрыта жена и сестра. Это он свою жену узнал и выкупил, что она евоная. Пять крон – это сватья получает. Другой раз мать подскажет, которая, а другой сам узнает. Ошибится, так тогда смеются, что не узнал жену.

А **приданое такое**, что кровать женихова, а убрана у невесты должна быть (*постельное бельё невесты*). У жениха одна подушка должна быть, у невесты – две. Половики, завесы для кровати (чтобы невесту не видеть, а то если одна комната, так как же спать молодым) у невесты должны быть. А у кого своя спальня, так завес не надо. У нее должна быть для жениха пара белья, когда в субботу в баню пойдёт, и шелковая рубашка. Подрушник должен быть – когда молишься и кланяться будешь, то головой касаются не пола, а подрушника, который кладут на пол. Подрушник висит в углу, под иконами. Богатые давали диван, комод, зеркало, стол, стулья дочери. А бедные – так и так сойдёт. Невестино бельё уже обязательно должно быть. Когда венчаться, так всё должно быть новое.

Когда **сирота замуж идёт**, подружки опевают её девичество:

Благословить-то её некому,
Нет у неё ни родителя-батюшки,
Ни сударыни-матушки,
Ни братца-соловёушки,
Ни сестрицы-голубушки.

Она тогда заплачет и печальная такая становится. Жених ее тогда уговаривает.

Когда невеста приведена из церкви и сидит у жениха за столом, так тогда поют:

А батюшкин хлеб полыньёй пахнет,
Еще разными духами отзывается.
Дал им Бог совет да любовь,
Во совете, во любви
Хорошо люди живут.
Все люди дивовались,
Хороши, пригожи урождались.
Вы, люди, не дивуйтесь,
Хороши, пригожи урождайтесь.

Так-то полагается **один день свадьба**, а разве другие этим довольны – все хотят похмелиться. Другой пил три дня, а другие – и целую неделю.

С Рождества начинают свататься, приезжают в гости знакомиться. Наши ездили в Посад Чёрный к Рождеству, а из Чёрного, с Вороньи к нам – к Крещению и Успению. Крещение и Успение – наш праздник, в нашей деревне празднуют. А свадьба тогда уже на Пасху или Троицу. На Пасху никто не ездит свататься. Первый день Пасхи все спят, отдыхают – говорят, что в первый день птица и соломинку не несёт, и гнезда не вьёт. На второй день ездят в гости друг к другу, танцуют. А другой приедет сватать и сразу и увезёт жену к себе в деревню.

День свадьбы – это не определено; может быть среда, и четверг, и воскресенье. Большею частью на праздники бывает, только не на первый день Пасхи.

Когда первый день после свадьбы, молодуха должна встать к печке, когда печка уже затоплена, и благословиться у мамыши, и просит: «Благослови меня, мамаша, к хозяйству!». В первый день мама ей не даё[т] готовить – сама готовит. Эта неделя и называется **медовая неделя**. У меня у мужа матери не было, а он жил с тётёй. Так меня муж не пускал к печке утром, а я всё-таки через него перескочила и пошла благословиться, и сама готовить стала – зато, что не мать, а тётя. Я не хотела, чтоб говорила, что ленивая (*ленивая*).

В первый день **воды** должна **налить в рукомойник** и полотенце повесить. Если не налито, то он её подстёбывает (*укоряет*) намёком, говоря матери: «Мама, мне сегодня с лохани надо мыться».

Когда молодуха на масленицу печёт блины, то от неё **ухватывают ухват или сковородник**. Молодуха должна строгая хозяйка быть и не дать себя обдуть, и смотреть, чтоб не уворовали бы. Тогда говорят, что острая молодуха на всё хозяйство. Пока будет искать сковородник, блины-то и сгорят.

Когда приедут из-под венца к жениху, то **молодых опевают**. Начинается опевание от жениха. Жених даёт девушкам денег. Потом опевают невесту, свата и всех других по очереди. Девушки споют что-нибудь и спрашивают: «Дома или нет?». Если ещё хотят песен, тогда отвечают: «Нет, еще не дома, едут». Тогда девушки опять поют и потом опять спрашивают: «Дома или нет?». «Да нет ещё, далеко», или «В лесу заблудились», или «На озере замёрзли», или ещё что-нибудь такое скажут. Тогда поют снова. Споют одному, берут тарелку и деньги, и деньгой стучат по тарелке – это значит, что подавай плату. И так с каждого собирают. Другой даст много – интересуется этим, чтоб ему больше спели. Если скажут, что «дома», больше этому не поют. Когда спрашивают: «Дома или нет?», то прибавляют имя и отчество, которого опевают. Так, говорят если, например, жениха опевают: «Дома или нет Иван Васильевич?» или «Дома или нет Екатерина Ивановна?».

Когда едут к жениху или там в церкву (венчание часто бывает в доме у жениха) от невесты, то поставят (*народ*) **на дороге стол** круглый **и пустую бутылку** поставят. Так раньше не пропустят, как сват (вино-то женихово) должен пустую убрать, а цельную поставить.

У невесты в доме **жених с невестой сидят** за столом, **где образа** в большом углу. С боку невесты сидит брат или сестра, тогда дружка с женой. Дядюшки, тётушки – эти уже сидят подальше. Родители вообще на свадьбы не сидят за столом. Родители невесты дома остаются. Мать жениха не сидит за столом, а смотрит за хозяйством, подаёт на стол кушанья. Отец тоже не сидит, а больше смотрит за гостям; народ ходит – надо за всем смотреть; вино кончилось – надо новое достать. И невеста тоже не сидит, так ей уже передано хозяйство, и она тоже подаёт на стол.

Когда гости приезжают, то **жених с невестой принимают гостей**. Снимают полта, невеста – женщинам, а жених – мужчинам. Если есть сёстры, братья, то они тоже встречаются. Ведут к столу. Мужей сажают рядом с жёнами, брата рядом с сестрой. Чужих девушек там нет. Если только кто из гостей думал на одной девушке жениться, так другой раз приглашает и ее на свадьбу и сидит с ней рядом. Девушки там бывают, так эти сродственницы – сдвуродные сёстры, родные сёстры. Сестёр невесты – своячениц – сажает за стол жених.

На стол подают студня, рыба холодная, сфаршированная, свинёвое или там телячье жаркое; бывает, котлетки, пироги с варением, сладкий кисель густой; варят кашу рисовую, капусту тушат, огурцы подают, селёдки разделанные. Кто что вздумает и кто что в состоянии. Всех гостей посадят, а сами всё подают. Это у невесты они сидят в красном углу.

Когда невеста дожидает жениха, сидит в большом углу, а потом и **девушки** сидят и **проводжают её девичество**. Конфеты и пряники на столе, больше им ничего не

даётся. Перед невестой стоит **краса** – с бумаг цветы, букет большой сделан и лентами перевязан и украшен. Когда едут от невесты, привяжут к дуги – так там и остается...

Когда покушают, выпьют и тогда поют. **Поют начальную песню** (какую – не помню). Один затыгал, а другие помогали. Кто поголосистей, тот и начинал. Потом начинают ходить с тарелкой и **опевать** (это всё у жениха дома). Прежде всех опевают жениха и невесту, потому дружку, потом уже других. Молодые и молодухи опевали – женщины себе и деньги получали. А когда у невесты опевали дома, так девушки опевали и тоже себе деньги получали. Опевали после жениха и невесты и дружки всех по порядку, как сидят за столом, а которые поют, так те стоят. Опевают [*тех*], кто желает, а кто не хочет, так пропускают. А только такая мода, что все хотят, не хотят показать себя хуже других, что денег нет. Постарше сидят, и молодые подучаются, что опойте гостей, так заработаете себе на пудру. Приглашены всё больше родственники, так родственники и опевают. Чужих наёмных не брали опевать. Спрашивали: «Можно ли вас опеть?», ну, и позволяли.

Учасывание головы – это когда повенчаны и приехали к жениху, и прежде чем повойник надеть, так учасывают; тогда идут гостей созывать. Когда идут гостей созывать, все остаётся, только уваль (*вуаль*) снята. А теперь уваль соймёт и голой головой пойдёт – теперь повойника нет. Жениху волоса не учасывают.

Когда уезжают из дому невесты, то **молодые кланяются** в ноги сначала матери и отцу, а потом крестной матери и отцу невесты и **просят благословления**. А когда у жениха, к жениху как привозят, так просят благословления у матери и отца, и у крестной матери и отца жениха. Так начал кладут. Если на дому венчание, так до венчания.

В наших **костюм у жениха** всё равно какой, бывает и чёрный, и серый, только не белый. А у **невесты белое платье**, <...> туфли не обязательно. Уваль большей частью бывает. А если нет, так и так поведут «по кочерыгам» – простенько, значит, называется. Если спросят, как невеста вышла, так и скажут: «По кочерыгам». Или скажут: «По рукам да в байню» – бедно, простенько, безо всего.

Когда я выходила замуж, так у меня **много было друженников-отбивальщиков** (*ухажоров*). Они все любили меня и ни за что не хотели дать увесть «черновскому лощеводу» (тряпками торгуют, дегтем; это называют «лощевод»; он-то не был, а они его так в насмешку называли) такую хорошую девушку. Так когда с дома повели, мы пошли огородом. Если бы я дорогой, так они облили бы навозницей жениха. А я не хотела – попало бы ему, так попало бы и мне. Ведь на дороге-то много народу, и девушек, и парней, ожидает, так мы кругом обошли.

Когда жених приедет за невестой, и **когда уже выходит из-за стола**, так поют:

При долины калина стоит,
На калины соловей-птица сидит,
Горьку ягоду-калину клюёт,
Он малиною закусывает.
Ключевой водой захлябывает.
Уж ты пой, распевай, соловей,
При кручины взвеселяй добра молодца,
Чтобы девица не плакала бы,
Своего лица не тратила бы.

Она плачет, что она от своих родителей уходит, так он утешает её, платочком вытирает глаза.

Убирают комнату у жениха – вот, завтра мою дочь приведут, а мы уже вчера убрали. А если в дальнюю деревню, так сразу с собой везут всё, а раньше убирать не ездят. Невестины сёстры убирать идут или сдвоюродные сёстры, если родных сестёр нет. Если далеко выходит, так приедет туда с женихом и сама потом убирает.

Раньше были в моде **сундуки с цветам** для приданого, а теперь шкапы да комоды.

После свадьбы все приглашённые «отзывают» жениха и невесту к себе, а кто в состоянии – так и других родственников или всех, кто на свадьбе был. Вот «яичница» пройдёт, так и зовут; и называется **«отзывание»**.

А **на маслену** и другие праздники молодой едет уже с женой ко всем родственникам показывать.

У нас так **не дарят невесте и жениху ничего**. Идёт мужчина, так несёт бутылку вина, а женщина – так пирог спечёт.

Когда едут, так **дуга-то с шарками** (колокольчиками), и **краса** привязана. Народ-то бежит, народ-то бежит сразу. А красу-то девушки-подруги делали. Как первая девичья краса этот букет, а теперь краса ее девичья кончилась.

Когда уезжать, так невеста заплачет, схватится за мать и отца, прощается, а потом с сёстрами, братьями. В церкву впереди едут невеста с женихом, а дружка сзади. Дружка должен вина поставить (вино-то женихово), когда жениха и невесту останавливают – там, веревку через дорогу протянут или как-нибудь по-другому. Поставит вина, так пропустят. За дружкой крёстная едет, а потом другие. С невестой и женихом садится брат жениха, а если нет, то брат невесты, который правит лошастью. Если несколько братьев, то они садятся к дружке. Иногда садится к невесте сестра маленькая, если она плачет и просится. А правит лошастью всё-таки мужчина. Так-то полагается трое человек, где невеста сидит. Если нет братьев, так дядюшка или сдвоюродный брат садится <...>. А на другую лошадь хоть пятеро садись. Все приглашённые **гости едут на венчание**. Родители не едут. Кто в состоянии, так всех родственников приглашает, а кто нет, так самых главных.

Венчание и свадьба в один день бывает. Другой раз жених за невестой едет к двум часам. Венчание означает – настоящая жена, а только свадьба [без венчания] – так это только что-то «вроде Володи», собачья жизнь.

Когда **невеста** приезжает, то **дарит** свекрови на цельное платье материи, а свёкру – на целое бельё, деверю – на шёлковую рубашку, а золовке – на блузку или платок хороший. А если маленькая сестрёнка (золовка) – так ленточку или гребёнку. Свекровь дарит не сразу, а утром, когда к печке становится – она её благословляет, а она ей дарит. Свёкру можно сразу подарить. А если невеста не в состоянии, так родители и потом дадут чего-нибудь в подарок.

Лицо невесты не покрывают, только когда её сажают на стул у жениха и он должен узнать, которая его жена, так покрывают платком.

Когда *начал кладут* (многие не в состоянии в моленной-то венчаться), так молятся дома. Так бывало, что *ставили пару на шубу*, и там они молятся. Когда отмолятся, так шубу другие убирают, и они благословляются у родителей. А вместо подрушника, если нет, так полотенце кладут. Говорят, что это к богатой жизни – на шубы стоять. Шубу клала мать жениха.

Невеста должна *первая переступить порог* мужева дома, тогда она будет им владеть, а не он.

Когда жених и невеста пьют и народ хочет видеть, любит или не любит жених, так кричат им: *«Горько, горько!»*. Если он не постыдится её поцеловать, так значит, любит, а если не поцелует, так не любит. А другой раз бывает, что просто стыдится при других поцеловать, хоть и любит. Так кричат три раза. А потом, если видят, что целует, так значит, уважать и любить свою жену будет, так кричат: *«Сладко, сладко, хорошо таперя!»*.

Самы *утерялись молодые со свадьбы*, незаметно. Зимой – так шли в свою спальню и запирались там, а летом – так на чердак на сено. Утром после свадьбы сами просыпались. Тогда, если она справедливая, пойдёт благословиться, печку затопит. И тогда он спросит: «Мама, сготовишь ты кушать?» – «Сготовлю», – говорит мать. И молодая уходит обратно к мужу лежать. Когда свекровь хочет узнать, справедливая ли была невеста, так утром, когда молодые встанут, так идёт посмотреть незаметно, кровать запачкана или нет. Это в первый день смотрела, а потом не смотрела.

Когда первый раз молодуха идёт на колодец, так должна там *пояс подарить* тому, кто не даёт ей воду почерпнуть. Из окна-то усмотрят, когда молодая за водой пойдёт, побежит к колодцу, смеётся, шутит и говорит: «Не дам воды, пока не подаришь». Если мужчина – так пояс дарит, а если женщина – так перчатки.

Если *дождь* льётся, когда к венцу едешь – слезливая жизнь, а *ясно* – жизнь счастливая.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 368–433.

СВАДЬБА В ЧЕРНОМ ПОСАДЕ [МУСТВЕЭ]

246. Сын просит родителю – жениться, мол, хочу – и в ноги поклонится. Лошадь вечером запрягаю[m] и отправляются с отцом либо старшими братьями. Если отца нет, то с матерью, матери нет – с крёстным. Надо, чтоб от природы (*родни*) был. Входят в дверь, у печки притуляются у клюки и говоря[m]: «Дай Бог нашему барану вашу ярушку; хотим ваш товар посмотреть».

Если «товар» ушодцы гулять, то её приводя[m]. Начинают говорить про приданое. В прежни годы выбивали придано большо. Придано было кофта, завеси точевни – одеялови раньше не брали, одевались шубой. Ежели яны уговорились и сосватали, то жених кланяется своему отцу в ноги: «Разреши, батюшка, покататься». Покатались раза два и в избу ворочались.

Жениху невеста даё[m] головной платок. Тогда в их через недели две, три «запоины». Жениховы гости приезжаю[m] к невесте. Его гостей сажаю[m] за стол, а невеста потчует. Невеста дари[m] жениховым гостям. Мать складё[m] в решето кому кофту, кому платок, кому что. Жених невесту вином спрысне[m], и яна пойде[m], буде[m] голосить. На последки жених кладё[m] невесты на стол фунт мыла, для того, чтобы выстирали. Невеста приговаривает: «Спасибо, родненький тятенька и моя родна маменька, растили и соблюдали меня горькую, не оставляйте меня, бедну горькую!»

Когда приду в светлу горенку, не напоите и не накормите, а прелистите словечком ласковым, дорогие родители. Вы знаете мою жизнь скучливую».

Через два дня ладя[m] девушке красу. Беру[m] елочку и принося[m] <...> к невесты; бумажкам, ленточкам шелковым и красненьким [украсят] и несу[m] через всю деревню с песням: «Растопляйся, парна баенка», «Отлетала лебедушка от той стады лебединой». Приходят к невесты и поют на улушке. Невеста должна собраться, приготовиться и на улицу встречать идти и приговаривать: «Встречу я, сиротушка, свою вольну волюшку, свою красу девичью. Спасибо вам, красные девушки, разыскали вольну волюшку, мою красу девичью!». И кланяется в ноги. И тогда идет со слезам домой и приговаривает: «Пооткрой, родненька матушка, отпирай двери широкие; несу вольну волюшку, свою красу девичью! Спасибо, родная матушка, что соблюдала меня, бедную, горькую, не пускала в люди добрые». Тогда кланяется отцу: «Спасибо, родненький батюшка, что соблюдал и растил. Приделяете меня, бедну, горьку, ко чужому отцу-матери и к чужанину».

В канун свадьбы ее собираю[m] в байню, одни девушки ее мою[m], а други на улушке пою[m]: «Растопляйся, парна баенка...». Когда яна иде[m] с байни домой, двери замнуты, и яна проси[m]: «Открой, родна матушка, двери широкие, пусти меня, бедную, горькую». Все люди плачут, и мать тоже плаче[m] во весь голос. Девки песни пою[m].

Наутро приезжае[m] природа (родня) и приводит[m] невесте подарки, кто что. Собираю[m] за стол, и невесту садю[m]. На голову ей надеваю[m] косыночку, а батька крёстный обувает ей на ноги сапоги и в сапог кладё[m] деньгу, чтобы богато жили. Яна берёт красу и с красой приходит к отцу с матерью и голосит в слезах. Потом молются Богу, садятся за стол угощаться. Невесты ничего не дают – нельзя до венца. Яна сиди[m] за столом, с одного бока девушка и с другого бока девушка. Тогда едет жених с клятникам[u] [сватами]. Клятники обвязаны через плечо полотенцем. Входят, здоровкаются. Невестины гости схватываю[m] платок с невестиной головы и машу[m] платком, чтобы лошадь напугать – лошадь становится на дыбы. Когда вхожу[m] в избу клятники без жениха, невесту прикрываю[m] платком. Клятники угощаю[m] своим вином. Одного клятника оставляю[m] с невестой, другой идет за женихом.

Когда клятник ведет жениха в дом по ступенькам, жених платит за каждую ступеньку. Когда входят клятник с женихом, невеста становится дубью (дыбом, встаёт), и две подружки по обе стороны. Жених подходи[m] к столу, и начинаю[m] выкупать невесту. Клятники жениховы говоря[m]: «Мы приехали за вашим товаром, покажите товар!» Подружки отвечаю[m]: «Наша невеста, наше и место!» Клятник: «Нет, наше место!» Подружки: «Мы вас не знаем, с какой вы губернии приехали? К нам приезжали из города Горождана Питера Питерьяна, с Москвы Московицы, города Пороховица; давали корабь серебра и корабь золота. В нас невеста: коса в тысячу, бровь в сто рублёв, а красоты ейной и оценить не могу!»

После этого жених кладё[m] деньги на тарелочку. Подружки отходя[m], и клятники садя[m] к невесты на подушку жениха. Ён снимае[m] платок, сам себя вытре[m] им, а яю [ее] поцелуе[m]. Тогда садятся все гости за стол. На столе посередины краса и конфеты на тарелочках против жениха и невесты. Жених толкнет в невестину голову пальцем, и яна начинает голосить: «Пообесчестили меня горьку, бедную! Спасибо, родненький тятенька, собрали мне, бедной, горькой, ету свадебку несчастливую. Ведь немного и осталось гулять красной девице с родной матушкой и батюшкой, последние часки, минуточки. Не буде[m] мне вольной волюшки, не буде[m] красы мне девичьей!». Тогда все садятся за стол. И из-за стола встают и молются Богу, и мать с отцом благословляю[m]. Тогда кладут на тарелочки денег, кто сколько может.

Тогда садятся в сани и выезжают из деревни. Свадьба стоит за деревней, и клятники пойдут звать невестиных гостей, и с невестиным гостям едут к венцу. Дорогой кидаю[m] встречникам пояски, чтобы не кричали: «Голо, голо, голо!».

Приезжаю[m] в церковь, батюшка венчае[m]. До венца ещё крёстна матка разбивае[m] невестины волосы на две косы, после еду[m] к жениху. И угощаются в жениха только невестины гости. Когда еду[m] к венцу, и добро везу[m] показать.

После венца пирую[m], а вечером клятники укладываю[m] жениха и невесту спать, лучинкой перекрестя[m] кровать. Жених и невеста укрывались либо кафтаном, либо шубой и простыней, или завесьми точёвными – в клеточку с синим. Одеялов не было. Мыло, каким мыли покойника, зашиваю[m] жениху в рубашку, чтобы спокойнее был. Наутро клятники разбудят жениха и невесту, невеста должна подарить либо платком, либо пояском. Соберут на стол, сядут, угощаются и поедут кататься всей свадьбой. После катанья садятся за стол и угощаются. Прощённо делают: наливают в рюмку вино и просят всех выпить, а после кладут на прощание деньги. Клятники стуча[m] лучиной и вызываю[m] родителей, яны тоже кладут деньги. Через неделю к жениху еду[m] гости – рода (*родня*) и устраиваю[m] «частины». Приезжае[m] только жената рода и угощаются.

Пантелеева А. Зап. О. Громов в Муствеэ в 1938 г. ERA Vene 12, с. 578–589, № 1.

№№ 247–263 записаны от **Александры Пекарской** в Муствеэ в 1939 г. Описание обряда, судя по лексике и стилю, пересказано собирателем – О. Брандт, поэтому оно печатается в скобках. ERA Vene 14, с. 157–179.

247. (<...> Чтобы идти сватать, жених выбирает себе свата, которым обыкновенно бывает отец или ближний родственник жениха. Когда невеста сосватана, то родители молодых *«бьют по рукам»*. Жених и невеста встают перед образами и молятся. После молитвы они встают на колена перед родителями, которые их поочередно благословляют. После этого мужчины садятся вновь за стол, а невеста с матерью приносят «залог» (шелковый платок), который отдается свату. Этим подтверждается, что сватовство закончилось благополучно. Жених со сватом уходят домой, а невеста остается дома готовить приданое.

Подруги невесты, узнав о предстоящей свадьбе, срубают маленькую елку и идут на супрядку к невесте. Там они украшают елку разноцветными лентами и бумажными цветами. Разнаряженую елку называют *«красой»*. На супрядке во время отсутствия жениха поются следующие песни:)

248. Ты краса ли моя, красота,
Красота моя девичья!
Не с красы краса ношена,
Не на месте положена.
Красовалася Дунюшка
У родителя-батюшки,
У сударыни-матушки.

249. Вы цветы ли мои, цветики,
Вы цветы мои лазоревы,
Много вас было понасеяно,
Да немного уродилося.
Во высоком новом тереме
Много было красных девушек,
Да немного остается (*остается*).
Как одну из них просватали.
Говорила: «Не пойду замуж,
В монастырь пойду, в монашенки,
И вас, девушки, с собой возьму
Я которую во ключницы,

А котору во ларечницы.
Свою милую подруженьку
За собою буду важивати,
Буду горюшко рассказывати:
“Уж ты, милая подруженька,
Услужи-ка службу верную,
Пробуди-ка дружка милого
Что Ивана да Степаныча!”»

250. (В это время невеста принимает красу и кладет ее в вазу, а девушки поют:)

Ты ль река моя, реченька,
Ты ль река моя быстрая!
Бежит речка, не всколыхнется,
С крутым берегом не сровняется.
Там сидит-то наша умная,
Там сидит наша разумная
Что и Марья да Ивановна.
Она сидит – не улыбнется,
Говорит речи, не усмехнется,
Горькими слезами заливается.
Унимала ее маменька:
«Ты не плачь, наша умная,
Ты не плачь, наша разумная
Что и Марья да Ивановна!
Не в полон мы тебя отдаем,
Не в полон, не в полонщину,
Даем тебя за умного,
Отдаем тебя за разумного
Что Ивана да Степаныча!»

251. При долине калина стоит,
На калине соловеюшко сидит,
Горьку ягодку-калину клюет,
Ключевой водой захлебывает.
Прилетели к соловью два сокола,
Брали-звали соловейку с собой:
«Полетим-ка, соловеюшка, к нам,
Что во нашу во родиму сторону,
Что во наш-то во зеленый пышный сад,
Что во нашу во золотую клеточку,
За серебряну решётчку!
Мы насыпем соловеюшке пшена,
Уж ты клюй, распевай, соловей,
При кручине взвеселей молодца,
При печали красну девицу-душу,
Чтобы девица не плакала бы,
Своего лица не тратила бы,
Свои слёзы не уранивала».

252. (Приходит жених со своими друзьями. Он должен задобрить девушек, так как скоро отберет у них подругу. Жених угощает девиц, которые продолжают петь, сладостями. Одна запекает:)

Что у Иванушки висят гусельцы...

(Хор подхватывает:)

Да у Степаныча висят гусельцы, висят гусельцы,

Что некому поиграти, поиграти,

Что некому поплясати, поплясати.

У нас Иванушки дома нетути, дома нетути,

У нас Степаныча не случилось, не случилось.

Он уехадши к теще в гости, к теще в гости,

На великое на почестие, на почестие.

Уж как тёща зятю говорила, зятю говорила:

«Уж ты пей, зятенька, не напивайся, не напивайся,

Над моей дитей не надсмехайся, не надсмехайся!

У нас Марьюшка жила в неге, жила в неге,

Да Ивановна жила в неге, жила в неге,

Она грубого слова не слыхала, не слыхала,

Частых побоев не видала, не видала.

А теперича привыкати, привыкати

Часты побои получати, получати».

253. Мята моя, мята, мята зеленая,

(Привев:) Ой люлишеньки люли, мята зеленая!

Мята зеленая, трава шелковая! (Привев)

Пойду ль я к соседу, серпа попросити, (Привев)

Серпа попросити, мятушку пожати. (Привев)

Я мятушку жала, за двор забросала, (Привев)

За двор, за колоду, за белу берёзу. (Привев)

Кто у нас хороший, кто у нас пригожий? (Привев)

Иванушка хороший, Степаныч пригожий! (Привев)

По горнице ходит, в манер выступает, (Привев)

На коня садился – конек взвеселился; (Привев)

Он платочком машет, конек под ним пляшет, (Привев)

По городу едет – город весь стонет, (Привев)

К саду приезжает – садик расцветает, (Привев)

К дому подъезжает – Манюшка встречает: (Привев)

«Поди, мой хороший, поди, мой пригожий! (Привев)

Давно я тя ждала, давно поджидала, (Привев)

Кровать убирала, перинушку стлала, (Привев)

На рученьку клала, в уста целовала». (Привев)

254. (Одна из девушек берет тарелку, зовет невесту с собой, и [они] вместе идут по комнате. В то время девушки поют:)

Пройду ль я по горнице,

Пройду ль я по светлице,

Дойду ль я до умного,

Дойду ль я до разумного...

(Невеста и девушка, держа тарелку, останавливаются против жениха. Подруги продолжают петь:)

...Свет Ивана да Степаныча!

Вы извольте принять, выслушать,

Красных девушек послушати,

Золотой казны насыпати

На белила, на румяночки.
Вы слышали, как мы величали
Ивана Степаныча да Марью Ивановну?

(Опеваемому жениху полагается положить на тарелку несколько монет, но ему же и полагается артачиться. Он вынимает несколько монет и стучит ими по тарелке. Он должен отдать деньги не раньше, чем невеста его поцелует. Молодые целуются и идут на свои места. Таким же порядком опеваются и все остальные. Во время опевания поется ещё:)

255. Окол сада, окол сада
Ходил голубь, ходил голубь
С голубушкой.
Что у сиза голуба
Золотая голова,
А у сизой голубицы
Подзолоченная.
У нас сизая голубка
Клавдюша-душа,
У нас сизая голубка
Свет Васильевна.
Позади шли ребята,
Позавидовали:
«Кабы нам, кабы нам
Кабы этаку жену!
Не пустил бы жену
Я к обедне пешком,
Запряг бы жене
Семеркой вороных,
Восьму кареньку,
Девяту маленьку.
Уж мы летом, уж мы летом
Уж мы в лодочке,
А зимой, а зимой
В саях писаных!»

256. Во городе река
Разливается,
А Иван на коне
Проезжается,
А Маша в ногах
Увивается.
Она плетку подает –
Сама поклонится,
А вязовочку подаст –
Поцелуется.
Поцелуй, радость, в уста,
Пусть любовь не пуста!

(Там же, на вечеринке, танцуют, поют и играют. Потом садятся пить чай. Невесте не полагается ни пить, ни играть. Она должна все время плакать: «Кто не плачет за столом, тот плачет за углом» – говорит пословица.)

257. (Парни уходят, а девушки остаются у невесты и поют:)

Много, много у сыра дуба
Много ветья-поветья;
Только нет у сыра дуба
Одной маковки серебряной.
Много, много у Машеньки
Много рода-племени,
Только нет у Машеньки
Да родимой матушки.
Благословить-то её есть кому
И наделить-то её есть кому.
Благословляет её родный батюшка,
Наделяет её и наказывает:
«Ты носи платье, не снашивай,
Терпи горюшко, в люди не сказывай.
Не сносивши, платье сносится,
Потерпевши, горе скажется».

258. (Через некоторое [некоторое] время уходят и остальные. Все свободное время невеста проводит за работой – шьёт приданое и проч. Накануне свадьбы невеста с подругами идут в баню. Туда же несут и красу. По дороге в баню поется:)

Парна баенка растопляется,
Красна каменка накаляется.
Уж как наша-то была невестушка,
Она шила ковер золотом,
Повивала злато[м]-серебром.
Не дошивши ковер, бросила,
А сама слезно заплакала:
«Уж ты, батюшка, родитель мой,
Ты запри-ка свой широкий двор!
Уж как едет душа, неприятель мой,
Душа неприятель, добрый молодец,
Добрый молодец, отцовский сын
Что за мной да за невестушкой.
Увезет он меня, молодёшеньку,
На чужу на дальнюю сторонушку,
Ко чужому отцу-батюшке,
Ко чужой неродной матушке.
Как пошлёт меня люта свекровушка
На колодец по воду с ведёрчком.
На колодце сидят серы утушки,
Замутили они ключеву воду.
Без воды младёшенька домой пошла.
Всё свекровушка её журит-бранит.
Как спасибо той одной золовушке,
За тебя слово закинула:
«Уж ты глупая наша невестушка,
Какова вода бы ни случилася,
С таковой водой бы домой пришла!»

259. (Баня украшена цветами. Жених заранее приготавливает пиво, которое задают [*льют*] под каменку. Подруги поочередно моют невесту, одевают ее и идут с песнями домой. Поются следующие песни:)

Виноград расцветает,
Виноград расцветает,
А ягода, ягода наливаается,
А ягода, ягода наливаается.
Виноград – Иванушка,
Виноград – свет Степанович,
А ягода, ягода – Манюшка,
А ягода, ягода – свет Ивановна душа.
Дал им Бог совет-любовь,
Дал им Бог совет-любовь,
Во совете, во любви хорошо люди живут.
Рыбушка-плотичушка, рыбушка-плотичушка,
По воде рыба плавает, извивается;
Мне, младой, нездоровится.
А мне батюшкин хлеб есть не хочется,
Батюшкин хлеб полыней пахнет,
Родного хлеб полыней пахнет,
Ещё горькою горчицей отзывается.
Иванушкин хлеб сухарям пахнет,
Степаныча хлеб сухарям пахнет,
Еще разными духами отзывается.

260. (Входя в дом невесты, поют грустную песню, в которой каждая строчка [*повторяется*] два раза, исключая первую и последнюю <...>.)

...Покуль я молодёшенька,
Пройду из горницы в горницу,
Что во светлую светлицу,
По полам по пиловым,
По [*ко*] столам по [*ко*] дубовым,
Что ко скатертям браным,
Что ко яству сахарному,
Ко питью ко медовому.
Там сидит родной батюшка,
Он сидит, прохлаждается,
Мной, младой, похваляется:
«У меня дочка умная,
У меня дочь разумная;
Без дрожжей пироги пекла,
Без хмеля пиво варивала,
По полям шатры ставила,
По рекам мосты мостила,
Путь-дороженьку стелила!»

261. (Приходя в комнату, девушки усаживают невесту на стул посреди комнаты, а одна из них берет гребенку и начинает расчесывать волосы невесте. При этом поется:)

«Не шей ты мне, матушка,
Красный сарафан,
Не входи, родимая,
Попусту в изъян.

Рано мою косыньку
На две расплетать,
Прикажи мне русую
В ленты убирать.
То ли житье девичье,
Чтоб его менять,
Торопиться замуж,
Охать да вздыхать.
Золотая волюшка
Мне милей всего,
Не хочу я с волюшкой
В свете ничего».
«Дитя мое, дитяtko,
Дочка милая,
Головка победная,
Неразумная!
И я молодёшенька
Была такова,
И мне тоже девичьи
Пелися слова.
Не век тебе пташечкой
Звонко распевать,
Легкокрылой бабочкой
По кустам порхать.
Заблекнут на щечках
Маковы цветы,
Прискучат забавушки,
Стоскуешься ты.
А мы и при старости
Себя веселим,
Младость вспоминаем,
На детей глядим».

[Вероятнее всего, эта песня литературного происхождения и позаимствована из какого-то песенника. Впервые она была опубликована еще в XVIII веке и много раз перепечатывалась в популярных сборниках.]

262. (Когда розовая лента вплетена в косу невесты, то едут все кататься с красой. Здесь поют разные песни (веселые). Вернувшись к невесте, они начинают перевозить приданое в дом жениха. Все сопровождается песнею:)

А кто [как] по мосту, мосточку,
По калинову листочку [мосточку]
Вот там шла-прошла карета,
Что карета со вещами.
Во каретушке сидела
Манюшка с подругам,
Ивановна с подругам.
Она плакала-рыдала,
Что по батюшкиной воле
Да по матушкиной неге.
Не сокол там пролетает,
То Ванюша проезжает,
Он Манюшу унимает:

«Ты не плачь, не плачь, Манюша,
У меня будешь вольна,
Что вольнее, понежнее.
Куда пойдешь, то спросишься,
Отколь придешь, доложишься».

263. (Когда все приданое свезено в дом жениха и уложено на место, сват отдает залог, который был принят им от невесты при сватовстве. На следующий день девушки приходят к невесте снаряжать ее к венцу. Вместо розовой ленты вплетают в косу белую. Родители невесты берут икону и благословляют ею невесту. Дружки, собравшись к жениху, повязывают ему через правое плечо розовую ленту и едут за невестой. Повязывают свату полотенце через левое плечо. Сват должен выкупить невесту, потом – красу, которую прибавляют к дуге лошади жениха. Перед иконой кладется шуба мехом вверх. Молодые встают на нее и кладут земные поклоны. Родители берут хлеб и благословляют им молодых, держа хлеб за концы. Перед отъездом поется прощальная песня:)

Ах, без ветров-то, без ветерцев
Ворота отпиралися.
Как Машина матушка
За ворота выходила,
За ворота выходила,
Со трубой речь говорила:
«Не труби, труба, радостно,
Затруби, труба, жалостно.
У меня есть несчастье,
Что несчастье – дитю везут,
Дитю милую, дочь любимую.
За дитей все лари, все лари,
Все кованы со приданым;
Стару бабушку-ключницу,
Молоду-то ларечницу,
Красну девицу-постельницу
Что из терема с высокого».
И вскричала-возопила млада боярышня,
Свет Марья да Ивановна громким голосом:
«Ты войди, войди, родна матушка,
Во мою во горенку,
Во мою светлу светлицу,
Ко моей вольной волюшке,
Ко моей красе девичьей!
Что немножечко, матушка,
В Божью церковь ехати,
При страшном суде стоячи,
Золоты венцы держучи.
Как ужахнетя, матушка,
Мое сердце ретивое;
Как расшенится [*распадетя (?)*], матушка,
Моя буйная головушка
На четыре на сторонушки;
Как опустятя, матушка,
Мои белые рученьки;
Как покосятя, матушка,

Мои скорые ноженьки».

264. [*После свадьбы молодые не ездили к родителям невесты?*]

Ну, конечно... Ездили «на яичницу». Я не видела, а я слышала. Её мать делала яичницу, ставила на стол, яичницу ставила. Если жених трогать будет эту яичницу, значит, она нечестно вышла там замуж, а если нет – тогда, значит, она девушка полноценная. <...>

[*А невесту назад не возвращали?*]

Не возвращали назад, но некоторым жизнь была нехорошая, потом расходились. Многие расходились.

Зыбина З.К. Муствез, 2006.

265. [*Говорили, что после свадьбы молодые едут к свекрови на яичницу.*]

Было это. Но при нас это не было. Когда зять ездил к свекрови на блины [*яичницу*], то свекрова говорила: «Зятько, мажь, мажь маслом по яйцам!..» <...> Зять надо было яйцам угощать <...>

Жулина-Тарелкина А.С. Муствез, 2006.

СВАДЬБА В КОЛЬКАХ [КОЛЬКЪЯ]

266. Как невеста сосватается, придут девушки, поставя[*т*] посеред комнаты ёлку, окрутя[*т*] яну (*нарядят её*), и три, четыре дня гуляем, бывало, вокруг неё. И это время шьём невесты бельё и всё, что ей нужно, а самы поём <...>:

Краса ль моя, красота,
Краса моя девичья,
Я возьму эту красоту,
Я возьму эту девичью
Во свои руки белые,
Во персты позолоченные,
И отнесу эту красоту,
И отнесу эту девичью
Во поля во чистые
И во лужки во зеленые
И отошёдши, послушаю,
◆ Не тоснё[*т*] ль (*тоскует*) моя красота,
Не тоснё[*т*] ль моя девичья
По моёй русой по косы,
По моём алым ленточкам
И по моёй вольной волюшке?
И как пошли-то люди добрые
И со косами-то со острыми,
Покосили мою красоту,
Покосили мою девичью.

Невеста же сидит и голосит в это время.

Лавягина А.Д. Зап. В. Егоров в 1936 г. ERA Vene 8, с. 379–380, № 351–352.

267. Свадебная песня

На море, на море в острове,
Соловей, соловеюшка, ты не спи,
Ты не спи, соловей Иванушка,
Ты не спи, Иванович, не лежи,

Заставай-ка Аннушку в терему,
Заставай Ивановну в высококом, в высококом.
Чтоб Аннушка в (у) нас не спала, не спала,
Шила бы шириночку золотом
И вывела б тесёмочку серебром.
Наезжал Иванушка с поездом,
А поезд-то, поезд-то – вся рода, вся рода
И сватовья-то – родные дядюшки, дядюшки,
А сватыюшки – родные тётушки.
Плакала в нас Аннушка по косы, по косы,
Плакала в нас Ивановна по косы, по косы:
«Верно, мне у батюшки не живать, не живать,
И буйные головушки не чесать, не чесать.
Наверно, путевой косы не плетать, не плетать,
И в косу алых ленточек не вязать, не вязать».

Лавягина А.Д. Зап. В. Егоров в 1936 г. ERA Vene 8, с. 380, № 354.

268. Невеста устраивает[*m*] девичник, а коли зажиточны жених, так со своей стороны устраивает[*m*] мальчишник. Девушки устраивали ёлку (яну потом так, во всём наряде, как яна е[*сть*], привязывали к дуги, когда невесту веду[*m*] от родителей в церкву).

Когда жених приедет[*m*] с поездом за невестой, дружка выкупае[*m*] невесту да и с местом, а ежели дружка прошибится [ошибется], то выкупае[*m*] и место по отдельности! Подружка, которая продаёт невесту, получает[*m*] деньги себе. Тогда гости садятся по местам и начинается «величание» – сначала опеваю[*m*] невестину роду, а потом и женихову. <...> А едут в церковь вси чинно, в спокойствии; никто не смее[*m*], скажем там, остановить поезд али что пошутить. Зато, когда уже еду[*m*] от венца, ето домой, к жениху уже – невесту и жениха тогда поднимаю[*m*] «на ура», а бывае[*m*], что и весь поезд останавливаю[*m*]!

<...> Молодые, а за ними и вси гости, так, как есть, нераздетые, идут в заднюю комнату и там начал кладут, и родители благословляют молодых образом и хлебом-солью. Кто хлебом, а хто и сладким пирогом, только в середку кладу[*m*] солонку с солью. А потом молодых кормят отдельно от гостей, и тогда тётка «повязывае[*m*]» молодуху: (разделяе[*m*] косу на две и надевае[*m*] на голову повойник), и яну покрою[*m*] платком.

Тогда приходе[*m*] муж и выкупае[*m*] у той женщины, которая яну «повязывала», свою молоду жену. И теперь молодые «под ручку» выходя[*m*] к гостям и потчую[*m*] их. Пир идё[*m*] своим чередом. А в ето время кашники привозя[*m*] невестино приданое в дом мужа; тут начинается «торговля». Бывает, что не «сойдутся в цене». Тогда кашники как быдто «уезжаю[*m*]» обратно, а сами с песням начинаю[*m*] разъезжать по деревни; как наезжаются, снова воротятся и опять начинают «торговлю»; иногда так повторяется несколько раз. Наконец, как сундук внесён, явона сестра али тетка стелет кровать... и муж опять должен и постелю выкупить. Гуляю[*m*] все сутки али ещё больше. К свету обыкновенно начинают разъезжаться по домам. Жених с невестой тоже заложат лошадь и едут провожать гостей по деревне, а иной раз и за пару вёрст.

Лавягина А.Д. Зап. В. Егоров в 1936 г. ERA Vene 8, с. 381–383, № 355.

269. Опевальная песня

Что при вецери, вецери,
При потайнием вецери
Прилетал вот ясен сокол,
Ясен сокол, соловеюшко.

Ён садился на окошечко,
Что на золоту прицеленку;
Окошечко отворилось,
Прицеленка обломилась.
Что никто ни сдогадается;
Сдогадалась ронна [*родна*] маменька,
Побежала по новым сениям,
Закрицьяла громким голосом:
«Ты дитя, цядо милое,
Цядо милое, доць любимая,
Выходи с новой горенки,
Залуцьяй ясного сокола,
Ясного сокола залётного.
Доброго молодца заезжего,
Что заезжего, что захожего!»

Лавягина А.Д. Зап. В. Егоров в 1936 г. ERA Vene 8, с. 405, № 358.

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ И ПЕСНИ ИЗ ДРУГИХ ДЕРЕВЕНЬ

270. За ворота выходила,
За трубой речь говорила:
«Не труби, труба, радостно,
А труби, труба, жалостно.
У меня все несчастьица,
А что несчастьица –
Дитю ведут,
Дитя-чадо милое,
Дочь любимую.
У меня дочка умная,
У меня дочь разумная;
Без дрожжей калачи пекла,
Без хмеля пиво варила,
По полям шатры ставила,
По рекам мосты мостила,
Во Божью церковь ездила,
Золоты венцы держала.»

Кривоногова Д. Зап. Л. Хэрик и А. Томсон в д. Тихеда в 1964 г. TRÜ VKK 19, с. 23, № 5.

Остров Пийрисаар

271. С улицы в улицу и по дорожке,
По белому снежку
Разъезжал добрый молодец
На своем коне, коне добрым,
Все Микифор Петрович.
Его кони-то во сто рублей,
И на коне ковёр – во тысячу.
И на хто етот ковёр вышивал?
Вышивала в нас Марьюшка,
Вышивала в нас Григорьевна.
Она днём под окошечком,
А ввечеру – под огонечком,
Против солнышка ясного,

Против зеркальцу красного.

Горелова И.К., родилась и выросла в д. Межа. Зап. В. Егоров в 1936 г. ERA Vene 8, с. 377, № 349.

272. А не по сахарю речка бежи[т],
А по изюму разливается;
Берега были наливчаты,
Зеркала были хрустальчистые.
И спротив столычика двухградненького,
И спротив зеркальцу хрустальненького
Там сидел-то мой миленький,
Там сидел мой расхорошенький
Все Спиридон-то Михайлович.
Он чесал буйну головушку,
Он чесал, порасчесывал,
Своем слугам понаказывал:
«Уж вы, мои слуги верные,
Запрягите тройку вороных лошадей,
И мы поедемте суженую искать,
Мы поедемте ряженую искать!»
А в нас суженая-ряженая
Все Клавдия Арсеньевна.
А в нас Клавдия все садичком шла,
А в нас Арсеньевна все зеленым шла.
И заглядел Спиридонович [Спиридон],
Заглядел Михайлович,
Что пошла наряженная,
Красота в ней драгоценная.
Всю Расеюшку насквозь прошел,
Лучше Клавдюшки не нашел.

Горелова И.К., родилась и выросла в д. Межа. Зап. В. Егоров в 1936 г. ERA Vene 8, с. 378, № 350.

273. Опевальная песня

Стегляночка зелена, зелена,
Половина налита, налита.
А хто яну наливал, наливал (имя жениха)
И подносил? (имя невесты)
А (имя невесты) не брала, не брала,
Ради сына сокола, сокола.
А наш сын-то пономарь, пономарь.
А дочка-то попадья, попадья.
А мы будем господа, господа.
Все девки ко реки, ко реки,
Все красны перешли, перешли.
А (имя невесты) не пошла, не пошла,
А (имя жениха) перенёс, перенёс.
Перенёсши, целовал, целовал,
За хорошу почитал, почитал.

[Переправа девушки через реку или ручей в народной поэзии символизирует ее вступление в брак.]

274. Распалляйся, парна баенка,
Разгорайся, красна каменка,
Наряжайся, красна девица,
Умывайся, бела барынька (имя и отчество невесты).
Она шила узор золотом,
Вышивала чистым серебром,
И не дошивши, узор бросила,
И сама слезно заплакала:
«Уж ты, батюшка, родитель мой,
Запирай крепче широкий двор!
Уж как едет неприятель мой,
Неприятель, добрый молодец (имя и отчество жениха).
Уж ты, батюшка, родитель мой,
Дай мне провожатого,
Братца родного (имя)».
Провожал братец, наказывал:
«Ты, сестрица моя родная,
Ты носи злато, не снашивай,
И терпи горюшко, не сказывай».
«Уж ты батюшка, родитель мой,
Не носивши, злато сносится,
Не сказавши, горе скажется.»
Посылали молоду по воду,
Не обутую, не одетую,
В одной маленькой рубашечке.
На моё ли разнесчастьеце,
На моё ли на великое
Налетели гуси серые,
Помутили воду свежую.
От воды я без воды пришла,
А свекровушка жури[т]-брани[т]:
«Уж ты, глупая невестушка,
Неразумная головушка,
Какова бы вода ни случилася,
С такой бы водой домой пришла».
Вот спасибо той золовухе,
Вот спасибо той голубушке,
Что за меня слово замолвила.

275. Нам сказали, что (имя) небогат, небогат.
Он богат, богаче всех,
Он богат, богаче всех.
У него ли мосты вымощены,
У него ли мосты вымощены,
За мостовую деньги выплачены,
За мостовую деньги выплачены.
Он из тысячи на тысячу ступал,
Он из тысячи на тысячу ступал,

По пяти сот в окошко бросал,
По пяти сот в окошко бросал,
Красных девушек из бед выводил,
Красных девушек из бед выводил.
«Уж вы, красные девушки,
Уж вы, красные девушки,
Уберите мои денежки.
Вы пропойте мне песенку,
Вы пропойте мне песенку,
Про меня, удалого молодца (имя жениха),
И невесту (имя невесты).

Смирнова А.А. Зап. М. Феклистов и И. Венчикова на о. Пийрисаар в 1969 г. TRÜ VKK 72, с. 10.

276. Мята моя, мята, мята зелёная,
Мята зелёная, трава шелковая!
Пойду я к соседу
Серпа попросити,
Мне мяты пожати.
Мятушку я сжала,
За бор забросала,
За бор, за колоду, за белу берёзу.
Хто у нас хороший?
Хто у нас пригожий? (имя и отчество)
(Имя) хороший, (отчество) пригожий.
На коня садился,
Конёк взвеселился;
Ён платочком машет,
Под ним конёк пляшет;
К лугу подъезжает –
Лужок зеленеет;
К саду подъезжает –
Садик расцветает;
К дому подъезжает –
(Имя и отчество невесты) встречает.
«Поди, мой хороший,
Поди, мой пригожий!
Давно тебя ждала,
Давно дожидала,
Столы собирала,
Перинушку стлала,
И в изголовье клала,
В уста целовала.»

Смирнова А.А. Зап. М. Феклистов и И. Венчикова на о. Пийрисаар в 1969 г. TRÜ VKK 72, с. 11.

277. В нас по морюшку ута плавала,
Ута плавала с утенятами,
С утенятами, с малым детушкам,
С малым детушкам, с красным девушкам.
Откуль не взялся млад ясен сокол,
Млад ясен сокол, добрый молодец (имя и отчество).

Ён повыхватил серу утушку,
Серу утушку, красну девушку (имя и отчество).
Ён (имя и отчество) женихом зовё[m]:
«Свет (отчество невесты), лети во сердце.
Ты роди, роди сына с дочерью.
Дочку вырастим – замуж выдадим,
Сына вырастим – его оженим.
Приведём всю роду богатую,
Всю богатую, форсоватую;
А мы тётушек, а мы дядюшек,
А мы кумушек и голубушек».

Смирнова А.А. Зап. М. Феклистов и И. Венчикова на о. Пийрисаар в 1969 г. TRÜ VKK 72, с. 12.

278. Моя старшая сестра выходила, как говорится, по всем правилам. Я ещё девчоночкой была, ну, могу припомнить... Ну, сваты приходили, как обычно, сватались там, всё это так. Тогда собиралась вечеринка; подружки приходили, шили, сидели, всё, а водку-то не пили. Так песни пели да что-нибудь такого... Чай да так; тогда не пили ничего [спиртного]. <...> Ну, теперь приехал жених, баню... Девушки моют невесту в байни, а жених пивом поливает каменку. <...> Тогда с байни едут, катаются по деревне: к лошадям на дуги привязаны цветы искусственные; зима была. Тогда после этого едут женихи до невесты. Много лошадей приехали! Тогда не на машинах, машин не было. По озеру; вот это мне помнится, что много-много лошадей поехали... <...>

[А не воровали невест?]

Это я видела тут, здесь замужем была, в моё время. Там напроти женился парень, <...> из Калласте привёл девушку. И вот эту девушку своровали. Ну, было тут и хлопот! Он, наверно, не понял этого, что это шутка. Драку сочинили. А так, чтобы невесту воровали, это я не слыхала.

Зарина Е.К. Кикита, 2006.

279. На одно сватовство я попала. <...> Двоюродную сестру мою сватали. И сватал мой отец, и у них была женщина, старушка-сваха. Выкупали невесту. А подружки поют песни разные, там вот есть (поет):

- ♦ Как у месяца, как у ясного
Золотые рога, золотые рога...

Такие песни, как с напевом. А эти сватаются. Тогда вот ставят водку. Сватаются-сватаются. «Сколько вот стоит невеста?» – «Сколько стоит...» Ну, а отец мой тогда как-то пястку мелочи; это было при советской власти, она выходила замуж в сорок седьмом, я в сорок восьмом, <...> а старшая сестра в сорок шестом вышла. И вот, я и говорю: «Папа, что ты так мало заплатил, хоть бумажки дал бы, а то мелочь!» А это как в шутку [платят за невесту]. И он поставил вино, а эта сваха и говорит <...>: «Покушайте нашего, покушайте наше! Наше очень хорошее, сладкое; жизнь будет сладкая». А там был кофе сделано, в бутылке кофе был сделано. Это всем налили этого кофе. А папа поставил водку. Сватали. Потом на лошадях, колокола <...>. Свадьба с колоколам ехала.

[А когда сваты приходили, у них были свои знаки?]

Да, платенец вышитый здесь. У нас был платенец: петух не вышитый, а просто как краской покрашенный. Я так берегла, я взяла себе на память, так берегла, так берегла; слезался, а потом я пустила, так обтирались... <...> И вот, повязывали свату сюда полотенец так...

Курилова-Быстрова З.В. Большие Колькья, 2006.

Похоронно-поминальные обряды

280. ...У моей вот у мамы девочка умерла, двухнедельная. Мирисимия её звали. Так она говорит, что перед тем как схоронить... Я, говорит, почувствовала, что она уже умирает, и бабушка... Раньше же не с врачами, с акушерками, а с повитухами принимали вот роды. Эта бабушка была подслеповата немножко и обрезала близко пуповинку. И оттуда пошло заражение крови. И вот, она уже умирала, дак мама позвала, говорит, батюшку; ну, тогда у нас батюшки здесь были. Батюшка был Фёдор Ноев. И она говорит: «Мы принесли купель из моленной домой, и на дому батюшка, говорит, крестил её. И когда, говорит, он крестил, то, говорит, белое облачко над купелью стояло. Такое белое облако... вот, когда он окунул ребёнка, вытянул последний раз. Говорит, я лично видела – облачко стояло сколько время, потом исчезло это облачко...». А вторая моя сестрёнка умирала, её дочка – ну, она уже четырёх лет умирала. Она так рассказывала: «Говорит, она чувствовала, что, говорит, что я умру, и сказала: “Отнеси меня к бабушке”». Мама отнесла, <...> и на руки она лягла вот так, прильнулась ко мне и спела мне песенку:

Как умру, похороните
Во стеклянной баночке.
Приходите на могилку
Поиграть в тальяночку.

Вот этот стишок, вот этот ребёнок, и мама говорит: «Я прямо опешила, кто её учил, четырёхлетнюю девочку, вот такому?». Она чувствовала, что умрёт, и глазки закрыла и умерла.

Кивиорг М.И. Калласте, 2006.

281. М.М.: Старшая дочка <...> теперь хозяйка. А мы должны уходить в мир иной, ну и пусть они живут...

И.А.: Мы туда бегом не побежим – потихоньку, шагом.

М.М.: Так вот ещё ждём повестки, когда нам повестку пришлют. А я бы хотела умереть уже, хотела просто потому, что нету здоровья, часто всё болит. Ну, единственное, что мне жалко, – мне жалко моленну. Ну, вот туда я с удовольствием хожу. И если плохо я себя чувствую и пойду я туда, и я там делом займусь, и я там как поправлюсь, как почерпну силы какой-то. Вот верите или нет. <...>

И.А.: Хошь зови, хошь не зови, она [смерть] сама знает, когда придти. И знает, в какую дверь войти и всё. Её, брат, никакие ключи не помогут. Войдёт – раз! и всё...

Пушкины М.М. и И.А. Тихеда, 2006.

282. Так говорили, что человек только умер, ещё сорока дней не было [*после кончины предыдущего покойника*], а уже позвал. «Вот видишь, говорит, забрал к себе! А то одному скучно там жить было, так он забрал и её или его.» И вот, если человек вот умер сегодня, и на другой день – завтра – умер, а ещё этот не схоронен, то говорят, обязательно и третий покойник будет. И обычно так бывает, что три подряд. И вот у нас так было, что в январе даже пять один раз хоронили. Один умер; второй, третий, четвёртый и пятый.

[*Это в одной семье?*]

Нет, не в одной. Вообще здесь, в деревне в нашей.

Кивиорг М.И. Калласте, 2006.

283. ...Хозяин видел сон. Умер хозяинов брат. <...> В феврале приходит. Он говорит: «Чего хочешь?» – «Вот, тулуп висит, а мне сильно холодно...» – «Не дам, он

мне на рыбалку нужен. А у тебя есть в доме [*свой тулуп*]; иди и возьми...» Если бы Василий [*хозяин*] отдал тулуп, кто-то бы умер из его рода.

Кивнорг М.И. Калласте, 2006.

284. ...Водой обмыли [*покойника*] и тогда чесали голову не расческой, а щепочкой. Такая щепочка, ну как лучинка такая, щепка.

[*Гребешок такой, да?*]

Не гребешок, просто лучина... щепка, щепочка. Щепкой.

[*Не расческой...*]

Не, не расческой. Расческой – это грех был. Щепочку отщепнули от этого... от полена, и вот это мне запомнилось. <...>

Кузнецова А.Ф. Варнья, 2006.

285. [*А воду куда выливали?*]

А воду? Воду выливали так, что не в туалет и никуда, а в подвал. <...> Это свекровь говорила, что покойника вымыть и надо в подвал, чтоб зарыть всё в это...

Курилова-Быстрова З.В. Большие Колькья, 2006.

286. [*А как покойников одевали?*]

Рубашка, кальсоны и саван. А на ногах чулки и тапки. <...> Ещё сами шили и называли «тепляки». Вот это я ещёхватила.

[*А одежду заранее готовили?*]

Да, у дедушки у моего было... была рано приготовлена одежда, это я помню. У него всё было приготовлено: и свечи, и одежда.

[*А опускали гроб на чём?*]

Полотенца длинные. У некоторых были моленские, а у некоторых свои.

[*Если свои были полотенца, что с ними потом делали?*]

А некоторые так и оставляли в гробу [*т.е. в могиле*]. Не знаю, для чего это. <...> Раньше считали, что сами сделали гроб, так это как... А как другой [*сделает*] гроб, так это грешно было. Всякие там: курят и... Всё больше делали в раннее время сами.

[*А что внутрь клали?*]

Некоторые – от веников листья, а некоторые – этые стружки, которые... гроб делают, эты стружки клали. Кто как. А кто, може[т], и никак. <...>

[*А подушку чем наполняли?*]

А её или сухим сеном, или берёзовым этым листьям, от веника-то.

Юшинская А.С. Варнья, 2006.

287. [*Крест какой надевали покойнику, деревянный или металлический?*]

Нет, простые, вот. Обычные.

[*Надевали новый или тот же самый?*]

Ну, в кого не было, одевали и старый, а так уже... так новые старались. И сейчас так же.

[*А старый куда?*]

А старый – в гроб. Просто всунут..., клали в голову, и всё.

[*Получается, с двумя крестами клали?*]

Ну, а куда его. Бросить так? Свернет и в уголок под подушку. Может быть, в кого нет, кто умер, пусть ему будет, как-то так говорили.

Вот тут один утонул, и бедный, привели его, в речке где-то нашли и зарыли, ну просто как в чем был: в черном мешке привели, так его и зарыли. И он одной пришел во сне и говорит: «Я такой голый, такой голый». Так одна яна собрала, и вот, хоронили другого и положили ему в гроб. Говорит: «Пусть он оденется». Вот так.

Пригожева В.Е. Большие Колькья, 2006.

288. ...Специальная же одежда похоронная; у меня уже давно сшита себе, что умру, то оденут. Ну, мужчине просто – костюм оденут, рубашку, и всё. А нас – надо ведь такой длинный подрясник одеть.

[А цвета какого?]

А безразлично, какого цвета. У меня тёмно-синий такой или синий. <...> Ну, рубашку-ночнушку под низ. Всё равно какую, белую там; у меня, вроде, голубенькая, я и забыла уже, какая она там есть... Поясочек, и кресточек, и лестовку. Лестовку такую, ну, с материала сделана, специально покойницкая лестовочка. Сюда венчик кладут такой, на венчике написано: «Святые Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас!».

[А платок какого цвета?]

Всё равно, какой. Можно пестренький, можно одноцветный. Я в мамы одевала: какой подрясник (коричневый был, с подкладочного материала такой, блестящий), и платочек такой сделали. Она старый человек; да все умирают старые. Это молодым так надо белое <...> всё-таки. Вот у нас одна клирошанка дочку хоронила, сорок лет; скоропостижно умерла. Так она вся во всём белом была одета: всё белое, платочек белый – как невеста, лежала.

Пушкина М.М. Тихеда, 2006.

289. А бабушка еще у нас говорила, что если вот, например, где-то без вести пропал <...>, то вот бельё сшили вот смертное, и если человек умирает там бедный, и вот несут, как жертвуют это бельё. Типа того, что как вот мой пропал, и я даю вот это бельё кому-нибудь.

Ремец А.М. Варнья, 2006.

290. [А как женщину одевали для похорон?]

Одевали этот... как его... подрясник тёмненький, а платок светлый. Тёмный [платок] – не; тогда тебе под дождём долго мыть ету темень. А эстонцы тёмный одевают. <...>

[А гробы заранее не делали?]

Ну, здесь которые самые люди делали гробы. А теперь готовые, так что там... Раньше было – некоторые делали, а некоторые нет. <...>

[А куда его ставили?]

На верёх, на чердак.

[И он пустой стоял?]

Пустой, да... В нас этого не было. В нас один был мастер такой; он умер – и не стали делать больше. <...> А я помню; кто же это сказал? Кто-то лёг в этот гроб. А кто же пошёл на чердак за веником, а он из гроба... Господи, Боже мой! Вот, всяки дела...

Аганичева А.Д. Муствез, 2006.

291. [А не делали гробы заранее?]

Делали... И наверх ставили. А тут один раз какой-то пьяница пошёл и лёг туда, и напугал кого-то, и с тех пор не стали больше делать.

Будашова А.Е. Калласте, 2006.

292. [А заранее гробы не делали?]

...В кого-то говорили, было зерном засыпано. Гроб стоял на чердаке.

Фокина Д.Я. Варнья, 2006.

293. [*А в старину заранее гробы, одежду не готовили?*]

Гробы делали; я слышала, раньше и гробы делали. А одежду и сейчас готовят. Одежда у меня давно готова. <...>

[*А не говорили, что надо делать, чтобы покойников не бояться?*]

Я покойников так не боюсь, чтобы бояться... Кто-то говорил, что надо за палец ноги подержаться или за что... Но я не знаю, чья это примета такая.

Печенкина А.И. Калласте, 2006.

294. [*А не было принято, когда в доме покойник, вешать полотенце?*]

Нет, может, где-то и есть. У нас нет. Только в нас от гроба кисточку брали, вешали к иконе. Вот, у нас гроб и по углам есть кисточки, ну вот, одну кисточку брали.

[*А для чего?*]

Ну это просто как память, у меня дома была, а я убрала ее. <...> Но это теперь...

[*А гробы заранее делали?*]

Было. <...> А в дядюшки моёго, в них детей своих не было, у него тоже также был гроб сделано. Вот, он шесть лет как умер, и даже памятник сделано, тоже стоял несколько лет. Только поставлено год рождения и жены, и себя, только не было, ну... смерти указано. И тоже был гроб [*с пшеницей стоял*]. Он умер, сходили, сверха сняли и принесли. <...> Тогда в гроб положили и свели домой. <...> Всё говорят, там вечный дом, оттуда возврата нет.

[*А пшеницу куда девали?*]

А не знаю, куда они дели. Зарыли, наверно, в землю или как...

Пригожева В.Е. Большие Колькья, 2006.

295. М.И.: Говорят, что мёртвых только ногами вперёд [*выносят*]. Даже в больницах, Вы замечали? Больного везут головой вперёд. А кто-то где-то спросил: «А почему это головой вперёд?» – «А ногами, говорит, тебя вынесут...» <...> Ногами на восток кладут. Эстонцы как-то кладут наоборот; <...> а у нас, у староверов и православных, ноги идут на восток. <...> И крест кладут в ноги, а вот у эстонцев – в голову всегда кладут. Ну, мама сказала, что кладут так, доченька, что при Втором пришествии, когда труба загремит и мёртвые восстанут, то человек умерший оживёт. <...> И встанёт к востоку, потому что рай-то на восток. На запад – там ад. <...> Встанешь сразу к лицу; и крест кладётся в ноги, что ты сразу и к кресту встанешь, к Богу лицом.

[*А гроб из дома не выносили через окно?*]

Р.А.: У кого двери узкие, например, или в коридоре не развернуться, тогда в окна. Мы тоже, когда мужа хоронили, так у нас там мало места, выпиливали дверь, <...> иначе никак.

[*А куда выливали воду, которой мыли покойников?*]

Р.А.: А потом выливают её, закапывают <...> в сторону, в снег.

М.И.: А мыло, вот, которым моют, обычно сохраняли. Я помню, у нас долго лежало мыло на печке там. Мама ещё рассказывала: раньше война была такая, обычно мать давала сыну умыться этим мылом, что ни одна пуля не возьмёт. Сохраняла тогда ребёнка; именно этим вот кусочком мыла, которым покойника мыли.

[*А «Сон Богородицы» не помогал в пути?*]

«Сон Богородичный», его надо носить при себе, тогда никакая беда и несчастный случай с человеком с этим не случится. И ещё говорится, кто этот «Сон Богородичен» подряд прочитает двенадцать раз, то тогда и не надо уже будет носить этот [*текст*] с собой, а уже будет сама Богородица охранять этого человека.

[*Вслух надо читать?*]

Ну да, вслух. У себя дома, где-нибудь в тишине, чтоб никто не мешал. Может, лампадочку зажечь перед образом. Или, может быть, просто к Богу напрямую обратиться.

Варунина Р.А., Кивиорг М.И. Калласте, 2006.

296. Когда покойника вынесут, надо вымыть всю грязь, чтобы всё ушло бы с покойником.

Кивиорг М.И. Калласте, 2006.

297. [*А опускали гроб на чем?*]

На полотенцах. Раньше здесь опускали на полотенцах. <...> Это было в моленной. Ты приходил, в моленной брал; потом ты должен был это полотенце выстирать, высушить и принести обратно, вернуть. <...> И носилки были тоже в моленной, деревянные. На носилках раньше носили <...>, на плечах. <...>

Раньше каждой женщине и каждому мужчине шили заранее одежду [*для погребения*]. У бабушки у моей было приготовлено всё. Она называла «смеретное платье»; не «смертное», не «погребальное», а так и говорила: «Это моё смеретное платье». У ней там был вот этот саван и рубашка... Всё-всё собрано было и завернуто в большой платок; вот так завязано, и так завязано. <...> Время от времени летом она всё это вывешивала на проветривание. <...> Саван белый; у нас тут шьют белый. <...> Когда вот, например, отпевают вот эти три дня, то вот здесь, на руках, иконку ставят, но в гроб иконку не кладут, иконку снимают. Иногда, например, чтобы руки не разваливались, там марлечкой руки связывают или ноги. <...> А перед тем как хоронить, всё развязывают: и руки, и ноги. И говорят, что очень плохая примета, если забудут развязать.

[*А что будет?*]

Считается, что нехорошая примета: что покойник будет себя чувствовать связанным по рукам и по ногам...

[*А эти верёвочки не использовали для чего-нибудь?*]

Нет-нет... Просто в гроб кладут под низ куда-нибудь, в уголочек, и всё. И ещё, я не знаю, откуда взялась эта примета: говорят, те цветы, которые принесли покойнику, чтоб они не были, чтоб не остались в доме. Что все цветы надо убрать обязательно. <...>

А тут у нас был случай, что одна женщина долго болела, и она говорила так, что: «Ой, когда меня будете хоронить, обязательно внутрь положите мне одеяло, что мне там будет холодно». <...> Ну, и что: байковое одеяло свернули и положили ей в ноги. Раз такая её была воля.

Керекеткина О.Ф. Калласте, 2006.

298. [*А что делали с вещами покойника?*]

Р.А.: Их надо до сорока дней кому-то раздать, вот. Потому что как бы тоже идёт ему, умершему, в покаяние. Как будто покаялся. Говорят, что всё это надо отдать, лучше бы отдать, если есть кому отдать. Ну, сейчас ведь все богатые, да всё так...

И ещё токо я слышала, что в красный цвет нельзя вот одевать умершего (Там женщинам стараются обычно платок вот красный, чтоб покрасивее, одеть.), то говорят, что в роду кто-то из кровных снова умрёт. Что красный цвет... он притягивает. Что вот она уйдёт, и кто-то ещё за ней уйдёт. А были ли случаи, я что-то не припоминаю.

М.И.: Это просто сколько хоронили, я связывала это с другим, Андреевна. Что это тёмный цвет тоже. А вот как наши бабушки говорили, что нужно одеваться в светлое. Что пока ты не отмоешься добела; тебе легче будет пройти в светлых одеждах туда вот, в ворота в эти. А так будешь стоять, говорит, на воротах до тех пор, пока всё

это отмоешь добела. А тут уже, наверное, переиначивают. Может, у кого-то было в роду так; может, кто-то это заметил, что вот красное положили, и кто умер...

Р.А.: Никогда этого не было; мне семьдесят четыре года будет; я отжила, и никогда в этом... Ну, кто в каком мог, в таком он и ложил, в какой одежде. И платки не разбирали. Это теперь вот...

М.И.: А я всё-таки думаю, что вот раньше я, когда была девочкой, хоронили этих бабушек, да, и там старичков... Я помню, как я была маленькой (ну, интересно было, бегала, смотрела), всегда беленькие платочки у бабушек вот так вот завязаны были. Завязывали не так, как теперь, а вот так вот, ну, по старинке: вот завернут так вот...

[Подтыкали только? Узлом нельзя?]

М.И.: Ну вот, сказали, что Иуда задавился на верёвке, петлю себе сделал. Что это грех большой идти на тот свет с петлёй на шее. Это всё равно, как петля, удавка, эта вот завязка. А просто, тогда вот закладывать один за один конец.

[А не рассказывали, что если в тёмной одежде, то надо под дождём или под солнцем...?]

М.И.: А это да, я слышала; пока не выгорит одежда эта или пока она не вымоется. Ну, а тут уже говорят, будешь отстирывать до тех пор, пока отстираешь добела. Ну, знаете, сколько людей – столько мнений...

Варунина Р.А., Кивиорг М.И. Калласте, 2006.

299. Раньше была только вот мода, обязательно был крест чтоб деревянный. Говорят так, гроб делают и крест. И крест несут вперед гроба и так зарывают, и деревянные кресты ставили. И бабушка говорила так нам, что на том свете придется тебе свой крест несть. <...>

[А раньше крестов с крышей не делали?]

Да, это... крышечку делали на крест, <...> чтоб не гнил. Так сделают, и когда вода, так яна в крест в макушку не идет, а будет сливаться так с креста. Если только пойдет боковой дождь, так в бок. <...> Так и на баних делают: трубу деревянную выводили для дыма – и сделают такую, чтобы туда не текла вода.

Курилова-Быстрова З.В. Большие Колькья, 2006.

300. *[А одежду покойника у вас сжигали?]*

Да, это сжигают или закапывают. Закапывать должны в северный угол. Ну, в огороде или где есть место там. Я не знаю, почему. Или сжигали; всё равно. Только после того, когда уже похоронят. И потом эту золу закапывали; обязательно закапывать надо её.

Варунина Р.А. Калласте, 2006.

301. **У.М.:** Это и мой отец говорил. Он говорил, камни... колокольню когда здесь строили, так... а тут кладбища, на кладбищах. Ну, моленна-то выстроена не на кладбищах, а уже эту... колокольню строили, тут уже кладбища были. Так вот, выкапывали фундамент, <...> и костей там уже было не найти, а с берёсты сделано были такие эти...

Глафира: Лапти.

У.М.: ...обувь такая сохранивши. Вот это берёста настолько крепкая, что сохранивши. Так говорит, что очень красивые, аккуратные сделаны, не такие какие-нибудь. Дед мой тоже... такие «пастолы» называли. Ну, это с такой с тонкой кожи с телячьей.

Глафира: И даже говорит, что дети когда-то хоронено, лапоточки такие маленькие.

Ремец У.М. и ее дочь **Глафира.** Варнья, 2006.

302. [*А некрещёный младенец на том свете где оказывается?*]

Ну вот, говорят, что он среди этих... Уже с крещёнными он не бывает, так как он некрещёный. Но он и не в плохом месте; просто он одинокий, вот... Один сидит, может быть, даже среди тех вот, кто тоже некрещёные. А это я вам рассказала сон, как сама мать видела. Которая вот схоронила некрещёного ребёночка, и, говорит, вижу сон. Поднимаюсь я, прихожу: как такой сад большой, говорит, деревья, солнце яркое, птицы поют. И дети играют. Лужайка, говорит, такая светлая, как золотистая. И, говорит, все дети радуются, смех детский, всё... А смотрю – сидит один ребёночек в стороне. Я, говорит, присмотрелась: смотрю – мой. И она имя назвала, но я забыла имя этого ребёночка. Да... Она говорит, да и по имени я его назвать не могла; вот, я тут немножко забыла. А смотрю – мой мальчик сидит. Я его зову: «Почему ты не с этими детьми?» А он говорит: «Так, мама, я не могу с ними; ты ж меня не покрестила, и имени у меня нет». Вот так он ей ещё сказал. <...> Дальше я не знаю, я вот это... я тоже слышала со слов моей мамы. Имена и фамилию я не помню, в чьей это семье было.

Кивиорг М.И. Калласте, 2006.

303. [*А что надо делать, чтобы покойников не бояться?*]

Я это слышала... Вот я в больнице лежала, и при мне две женщины умирали. Я так боялась! Меня позвала санитарка, говорит: «Иди, Мирапия, помоги здесь вынести там»; она одна как раз осталась. Я говорю: «Ой, я боюсь!» Она говорит: «Возьмись за большой палец, держись рукой – и никогда не будешь их бояться». Я помню, я даже боялась хоронить ходить. <...> И я стояла, держалась и после этого и правда: я вот и в церковь стала ходить, и по покойникам вместе... А то я раньше боялась и близко подходить к покойникам.

Кивиорг М.И. Калласте, 2006.

304. [*Если утонет человек, хоронят его по полному обряду?*]

По обряду его не положено, кто задавился, кто утонул. <...> Хоронили вместе. Кто задавливающий, то на север клали, в этот угол. <...>

[*А если сам на себя руки наложил?*]

Сам на себя, то вообще и в ворота не положено было нести, через ограду поднимали. <...>

Покойника нельзя, чтобы на постели он умер, на подушке. Так ты уже раньше убирай. <...> Спокойно уже на подушке помирать нельзя, чулки чтобы были раздетые, но в чулках тоже нельзя умирать. А если умрёшь на подушке, это грех. Бог спал на досках. <...> Если ты умрёшь на подушке, а скоко там перьев! За каждое перышко нужно будет отвечать на том свете. Это мне папа всегда говорил. <...>

[*А хоронили в каком сарафане? Можно в темном?*]

В основном-то светлый; там, на том свете, говорят, мыть заставят. <...> Платок тоже светлый. И красный не надо. Если в красное оденешь, так родственник быстро умрёт. Красное нельзя, примета тоже плохая. <...> Если новый диван или кровать, жалко на мусорку отвезти, так всё равно на этом месте шесть недель нельзя сидеть. Там всё горит. Ложиться не надо, ничего, токо покрытый стоит. На ём всё горит, на етом дивану; туда не положено садиться, живому человеку не положено ни садиться, ни ложиться.

[*А хоронить надо с утра?*]

Вообще хоронить надо с утра; в девять часов, уже в десять вынос. Не к вечеру. К вечеру, <...> который не исповедывался. <...> На кладбище до двенадцати часов ходить, к вечеру не положено. Покойники не хотят, что ходишь к вечеру смотреть туда могилки или что. До двенадцати часов. Они уже все отдыхают.

[*А как же тогда на Троицу?*]

[В] Троицу все ожидают подаяния, так все такие довольные – праздник. Покойники все ждут. Если попробуй, не помяни их, и если не подашь по ним... Так эти, которым не подали, так вот они... Эти-то едят, наевши, напивши, а которым не подали, так они по полу крохотки собирают. <...> Я всегда стараюсь пораньше отмолиться. Если я не отмолилась, то я сразу сон вижу: маму, папу вижу. Сразу-разу вижу и думаю: «Ай-яй-яй!»

[И что Вы видите?]

Они придут ко мне: вот, я дома, и мать пришла. Мать тут по своим, по хозяйству, хлопочет, и папа тут. А сейчас я ведущая, я молжуся, <...> и они знают, и они мне не снятся. А если будут сниться и будут приходить, то чем-то недовольны. <...> Покойник у ворот не стоит, а своё спросит. И если ты не подашь, то всё равно от тебя вырвется в десять раз больше. <...>

Я знаю, у нас соседка, <...> она сорок дней не отстояла. Ну, денег не было. А это обязательно надо. <...> Ну, и что? Бабушкина осталась длинная шуба, до пят, норковая. И был такой воротник шалью. И вот, она повесила к печке эту шубу – кафельна печка была – и забыла взять её. А печка уже была старая, там нагорало, если шибко стопишь. И шубка эта вся обгорела. <...> Так что ей было в десять раз убытку больше. <...>

[А не говорили, что по покойникам нельзя долго плакать?]

Да, говорят... <...> У нас Ульяния Петровна, она говорила. Она по мужу плакала долго, так ей приснился, что: «Не плачь; всё, что ты плачешь, так всё от меня снесло волной, всё в озеро ушло». Он пришёл, муж, и сказал ей так. <...>

Тихомирова Х.И. Калласте, 2006.

305. Если кто самоубийца, утопился, хоронили всегда где-то в стороне; <...> на северной стороне, около изгороди самой. Там у нас ограда из дикого камня.

[Не за изгородью?]

Нет, за изгородью уже не было ничего. Там невозможно было, там обрыв; у нас же гора... Я однажды прочитала в календаре, что на Пасху не рекомендуют ходить на кладбище, пишут: «Для этого есть недели поминовения», «родительские», так сказать. А у нас в Калласте на Пасху, сколько я помню, с самого детства, всегда на Пасху ходят, несут вот пасху...

Керекеткина О.Ф. Калласте, 2006.

306. [А тех, кто руки на себя наложил, где хоронили?]

Раньше таких людей, скажу вам честно, ложили к берегу, к самому вот туда... вниз, и даже не ставили кресты на них. Это в старину было. И поминовения не было этим людям. Это как самоубийца. А сейчас эти люди – все равно их хоронют, как нормальных, как исповедовавшихся, и всех хоронют подряд. Куда хотят, туда и хоронют. А раньше, что даже вот когда на кладбищах литию служат, что от кадилы не шел бы дым даже на их могилку. Вот. Потому их в сторонку так, в сторонку ложили...

Улексина Г.Г. Кикита, 2006.

307. ...Когда не по обряду похоронишь... Вот, свекровь, ну, моего папы мама. Вот, она умерла, и ей повойник не одели. Платок-то они одели, а косыночку забыли. И моя мама как видит её во сне – и всегда она с голой головой. <...> Кто-то тоже сказал, что возьмите этот платок и снесите, заройте туда.

Тихомирова Х.И. Калласте, 2006.

308. [А не рассказывали, что покойник снится, если что-то не так сделают на похоронах?]

М.В.: Было... Вот кто-то недавно говорил, что пришла и сказала, что в платке: «Почему, говорит, меня в тонком платке похоронили, что мне так холодно...». Потом носили, закапывали в могилу другой платок.

А.Н.: А етому... Жоржику, по-моему, саван закапывали в могилу. Что-то, говорит, он пришёл во сне, что-то сказал; саван закопали.

Богданова А.Н., Повилайтис М.В. Калласте, 2006.

309. [*А раньше не голосили?*]

Голосили. Голосили; сейчас не слышу. А раньше: «*И ты, моя дорогая, и прости меня... Ай-я-яй, как мы без тебя останемся!*» И вот таким нудным голосом, как с приплаком. Голосили, было...

Курилова-Быстрова З.В. Большие Колькья, 2006.

310. [*А на похоронах причитали у вас?*]

Раньше – да. У нас раньше были специально... нанимали, если, например вот, кто не умеет («голосить» называлось), то прямо нанимали человека, который будет... вот идёт там за гробом или там в церкви, когда прощаются... Здесь были такие женщины, которые умели. <...> Теперь такого уже нет. А это я знаю, что нанимали «голосильщиц» или как..., но «голосить» называли.

Печенкина А.И. Калласте, 2006.

311. [*У вас на кутейник кутью варили?*]

Не; у нас только варят кутью, когда покойник. Тогда делают кутью. И вот, девять дней служат, сорок дней служат. Полгода служат, год служат, полтора служат, два с половиной. <...> До трёх год... А кутью как делают в нас, в староверах? Мёд и зерно, пшеничные зёрна варим. <...> А в православных <...> рис делают с изюмом да с мёдом. А в нас один мёд только в воде разведёшь – в холодной, не в кипячёной – и тогда вот туды зёрнышки в серёдку.

[*А если остаётся кутья, куда её потом?*]

В кого близко – снести на кладбище, <...> поливают на могилу; пускай птички доедают.

Зарина Е.К. Кикита, 2006.

312. У нас кутья первая делается, когда похороны, когда обед. Вот, если обеда в доме нет, кутью в этот день не делают. А потом, когда идёшь молиться девятую панихиду, то идёшь в моленную <...> с кутьёй. Если ты её не всю использовал, выливать её грех. Её носим и выливаем на могилку. И также если «сороковая»; вот, я обед делаю, обязательно кутья. И скоко народу сидит вокруг стола, и все по три ложки. Должен перекреститься; там, в душе ты можешь назвать имя, ну, кого поминаешь. И три ложки, больше не... И вот пока всё обойдёт, батюшка начнёт кушать, тогда вот за молитву дашь, и тогда все начинают кушать. И начинают у нас с супу. Это теперь разные салаты делают, разные там «шубы»... А в раннее время, я помню, когда наши родители... бывало, суп, потом рыба, ну, холодец там какой, картошечка, капуста. Ну, сладкое обязательно. Рисовая каша должна была обязательно. Потом жито с сулоем...

[*А что это такое?*]

Ну, вы знаете, крупа житная, крупная. И туда клали горох и тушили в печке. И получается такая, как каша. Житная крупа-то, она крупная, когда она разопреет... И тогда обязательно клали немножко гороху. А кутья [*должно быть – сулой*], это делалось из хлеба. Вот, бывало, красную свёклу [в] горшки чистишь, моешь (Сахарная была свёкла; теперь не сажают всё это.) и в печку – тушить. Вот, когда она готова, сечкой её, бывало, перерубали и туда заваривали ржаной мукой. И снова в печку. Тогда

она солодилась. А потом, когда это всё посидит сегодня или постоит в горшке, в печке, вытаскивали и пекли хлеба. Кто на соломе, кто там на бумаге, потому что в формы не клали. Оно получалось, когда она засолодится, такая, как каша негустая. Ну, а когда испекётся, его засушивали; вот с этого делали сулой. И такой он получался коричневатый-коричневый. Туда можно было положить мёду. И вот с этой кашей клали это жито и хлебали. <...> Тогда компот. Это теперь там разные, а то, бывало, яблоки. И ещё там когда положат изюмцу. Это подавался компот, и уже тогда давали пироги к компоту. Пироги со всем: и с вареньем были, и с морковью, ну, разные, но пекли свои. Ещё в моленной, бывало, когда вот похороны, в то время пекли лепёшки. Вот такие лепёшки пекли, люлькам носили в моленную и всем подавали. Это как «хлебный кусок».

И вот, когда умрёт покойник... Я помню, моя тётюшка мне говорила, когда у меня умерла мама – она в шестьдесят девять лет умерла, молодая – так вот, она мне и говорит: «Ты не кричи, не плачь. А скорей сделай бутерброд и подай! – там у нас рядом был сосед такой, ну, ненормальный. – Вот, дай этому Нике кусок хлеба и отрежь большой кусок колбасы. Что пускай, чтобы мама была б сыта.» <...> И вот, подавали эти лепёшки.

[А их из обычного теста пекли?]

Белое мучное тесто; также ложили дрожжи, и масло, и маргарин. Вот, пекли специально такие круглые лепёшки, вот. И их сверху ещё то сладкой кто водичкой, кто яичком помажет. Когда в какое время – ведь раньше постов-то много было. <...> Раньше пост – значит, пост. У нас вон бабушка, вот, Фокина мама, она же чай пила... Последнее время было грех пить чай. Она пила – клала хлеб; <...> корочки клала себе в чай и пила; заварку не пила, был грех. Ведь делали чай с морковки. Вот, тёрли её, потом обжаривали, ставили тушить. Ведь раньше же топили ежедневно русскую печку... <...> А напоследок, когда вот похороны, дают разгончика – красный кисель из клюквы. Заваривали густо-густо и на маленькие тарелочки [разливали], посыпали сахаром... <...> Когда уже кисель подают, уже батюшка встаёт, поют – уже конец обеда.

[А покойнику не ставили у вас?..]

Ставили. <...> Обязательно на ночь. Вот, стол, всю посуду убрали и вот на Божий угол или вот на стол ставили хлеб там... с чем положено на верёх, либо кусочек пирожка – и всё. Как будто придёт на ужин.

[А во время самого обеда покойнику на стол не ставили?]

Сейчас ставят, а в ранне время не ставили. Так вот, свечечка горела, стояла кутья и горела свечечка ему. Ни фотографии, ничего в раннее время не ставили. <...>

Кузнецова А.А. Варнья, 2006.

313. Мама всегда говорила: «Доченька, если я умру, ты придёшь ко мне на могилку, обязательно могилку потрогай. Тогда я буду чувствовать, что ты у меня побывала». Правда это, неправда? Легенда, может быть?..

Кузнецова А.А. Варнья, 2006.

314. Когда родительская неделя – у нас четыре раза в год родительская неделя, – поминают; или пост... Начинается Великий пост, тогда, бывало, мама не даёт убрать со стола; что было на столе, то всё оставляет. Как родителей поминают.

Зарина Е.К. Кикита, 2006.

315. ...Я слышала так, что когда муж умрёт, так по ему нельзя плакать сильно. Это как бы грех большой даже. <...> Умер <...> наш отец. Так она [мать исполнительницы] говорит: «Вот так сердце, что камень, стало; я, говорит, не могла ни

плакать, ничего. <...> Я как задубела, говорит, уже. А потом, когда схоронила, тогда только у меня слёзы пошли». Так вот, свекровка говорит: «Ты подумай, и не заплакала!» Как свекровка на её обижалась, что ты не заплакала по мужу. «А вот, говорит, нет слёз и всё! Тоска и всё, говорит, а слёз не было.» Ну, а потом уже выплакала всё...

Ушакова Г.И. Кикита, 2006.

316. Когда человек умрёт, он стоит, пока пойдёт следующий. Бывает, и по шесть недель стоит эта душа, ну, сторожит. Когда следующий умрёт, значит, ты освобождаешься, это пришёл следующий.

[*А стоит где?*]

Ну, я не знаю... Може[*m*], летает... Принимает, ждёт, когда следующий придёт покойник. Должен стоять наш, по-нашему чтобы похоронили, а не то, что, може[*m*], там какой-то вот другой покойник; то всё равно остаётся этот, пока наш... <...>

Вот, нельзя ходить на кладбище вечером, после заката солнца. Тогда покойник идёт тебя провожать, вот. А уже, когда после заката солнца, там также всё закрывается, и этот покойник будет стоять до утра, пока снова откроют дверь. <...> Покойник остаётся за воротами до следующего утра. Правда это, неправда, это я не могу вам точно определить...

Кузнецова А.А. Варня, 2006.

317. Мама говорила: «Дочечка, клади яйцо целиковое на могилку [*на Троицу*]. Или ребёнок возьмёт голодный, или птичка склюёт – это человеку этому облегчение, как милостыня...». Птица – это тоже Божье создание; нужно всем давать хлеб насущный.

Кивиорг М.И. Калласте, 2006.

318. На поминки ходили к богачам. <...> Пойдут старушки и там покушают, да. А домой-то надо тоже что-то притащить. Так вот, такие длинные сарафаны были, а в сарафанах, говорит, были большие карманы такие. Так они туда и мяса кусок, и рыбу, и булку... А потом ещё... были деревянные ложки красивые такие, и когда вот кушаешь, говорит, и деревянную ложку давали с собой. Это богачи.

Жулина-Тарелкина А.С. Муствез, 2006.

319. Душа сорок дней, тогда она с нами. А когда уже в сороковой день вот отмолятся, тогда всё уже. Я дочку схоронила, мне до сорок дней так было, даже не могла работать. <...> Мне так было жалко её! А по сорок дней – как рукой сняло, мне стало легче. <...> Ни с кладбища, ни с моленной даже огарочка свечи нельзя брать. <...> Это Клементьевна [*Е.К. Зарина*] всё: «Не смейте ничего!» Я говорю: «Господи! Что ж мы возьмём?» – «Даже огарочка свечи нельзя, говорит, брать.»

Ушакова Г.И. Кикита, 2006.

320. С кладбища ничего нельзя брать, уносить. Нас в детстве всё пугали: «Не берите ничего на кладбище! Этот человек придёт и будет вас давить во сне...».

Кивиорг М.И. Калласте, 2006.

321. [*А куда кладут веревочки, которыми покойнику руки завязывают?*]

В гроб туда и ложат, да. Не убирают никуда. Ничего не выбрасывают, всё к ему... Даже вот это... пластинки зубные тоже туда ложат. Всё ему, да... У меня была мужа сестра, она курила. И вот, она умерла. А перед тем ещё мужу говорит: «Слушай, ты не забудь мне пачку сигарет положить! Спички...». Ну вот, он на кладбище уже, помню,

вспомнил и скорее папиросы положил. «Да, говорит, она просила... Мало ли, ещё будет ходить, тревожить; пускай лучше там лежат.» <...> Ну, мой Миша не просил ничего...

Ушакова Г.И. Кикита, 2006.

322. [*В старину не говорили, что с кладбища ничего нельзя уносить?*]

Нельзя. Говорили, ещё как говорили! Были мы дети, у нас не было игрушек. Мы собирали стеклянки разные красивые – которая посуда побитая. Мы собирали эту посуду, мыли; потом ящики всякие у нас были, шкафики. Мы её укладывали, ну, был «магазин», торговали там... И потом мы пошли на кладбище со своей сестрой двоюродной. И там была такая красивая ваза. Ну, она была отбитая, этот край. А она была такая... с розочкам там. Нам так понравилась эта вазочка, и мы решили её украсть. И принесли её домой. А потом мама-то спросила: «Откуда вы это достали?» Нельзя было ничего чужого брать. <...> И вот эту вазу битую принесли домой. Мама сказала: «Теперь покойник придёт и вас унесёт». Так мы с этой вазой бегли бегом, отнесли её на место, поставили. Нельзя было ничего брать.

Жулина-Тарелкина А.С. Муствеэ, 2006.

WWW.STAROVER.RU

Легенды, предания, мифологические сказания

410. [*Татьяна Максимовна, говорят, вы единственный очевидец видения перед войной?*]

Да, ну вот, это я помню; это детство, вот были мы маленькие, и это было лето. Тоже вот что-то такое... тепло было, но ещё было светло, нас гнали спать родители, там и дедушка и с бабушкой. Потом вот напротив сосед, он очень такой... как бы ну всем интересовался. И вот я помню, что мы ещё не успели раздеться, как он вошёл и сказал: «Идите поглядите, что твориться!». И вот здесь столб – да он и сейчас дальше стоит – там ближе у дороги стоял; и вот, я стояла у этого столба, и оттуда как бы поднимался как крест на небе. По небу плыл. И вот, главное, вот с той стороны, вот так он это плыл, этот крест. А потом уже когда над нами, нас уже не стали гнать домой спать, все стояли, любовались. А уже как над нами и в эту сторону больше, как лошадиная голова. И тогда помню только, бабушка наша сказала, что вот это, наверное, что-нибудь случится, что не война ли будет. Вот это я видела, да. Что и небо было такое уже как бы ещё и не темное, но всё-таки было с голубизной, что это было видно. Вот это плыло.

Правда, ещё говорили, всякие видения были. Это всё нам мама рассказывала <...>, что Зои Ивановны [*Куткиной*] дедушка, он был очень верующий, ну и наши бабушка и дедушка были верующие. И была утренья. А тогда ночью молились. И вот Зои Ивановны дедушка шёл с утрени, а была как бы лунная ночь. И он вот сюда стал подходить, и как бы вот эти наши деревья <...> лежат как бы поперек дороги. И ему не пройти. И он тогда вернулся обратно и вот по Китцу улицы и вот здесь вышел с заулка на дорогу, а деревья стоят.

[*Чудеса какие-то.*]

Да, это какие-то были чудеса. И тогда вот много мама нам рассказывала вот такие видения, что вот как бы люди... и всё как бы было связано вот с верующими, кто вот верил в Бога.

[*Так это как искушение какое?*]

Не знаю, как это понять. Мама ещё рассказывала, когда она была ещё тоже молодая. Ну, уже не маленькая девочка, может быть, там ей было лет 15–16, а их было три сестры. А дедушка вот ушёл; как бы праздник какой-то был, и они там выпивали. И потом, говорит, вдруг дедушка идёт домой. Шёл и в дверь вошёл в комнату, а бабушка и говорит: «Кто-то идёт по коридору. А ты дверь, Савва, закрывал?». Он говорит: «Закрывал». И мы, говорит, все как бы насторожились. И, говорит, он... Так как коридор у них длинный, и, говорит, через коридор пошагал, и в другую дверь как бы во двор вышел. И тогда бабушка говорит: «Ой, кто-то пошёл!» Говорит, и мы все в окно – да, пошёл человек, вот, и необыкновенного роста, говорит, и пошагал через наш огород. И все мы это видели. Пошли, проверили бабушка с дедушкой двери – двери все закрыты.

<...> А потом, когда пришла советская власть, стали говорить, что это всё неправда, Бога нет, и всё и как бы... Вот уже при советской власти этих видений не было. А вот раньше-то, когда вот Богу-то веровали и ходили молились, тогда, значит, были и эти видения. <...> Может, и Бог давал, как бы чтобы людям было бы страшно, чтобы люди чего-то боялись.

<...> Нам казалось, что нас запугивают, что вечером поздно на танцы не ходите. «Там вы ходите! – бабушка всегда говорила. – Идите-идите; а вот беси-то радуются, что вы туда идёте, говорит. А душенька-то ваша вот плачет, ангел-то хранитель плачет, что вы идёте в этот Содом...».

411. Старичок старенький городит изгородь, привязывает соломой. Исус Христос или кто там спустился, говорит: «Старче, что вы делаете? Ведь завтра же эта изгородь упадёт». А он говорит: «Мне токо и надо до завтра, я завтра умираю». И дедушка с досады взял бутылочку, сидит на своём крылечке, прощается с жизнью. И вдруг смерть с косою. Ну, дедушка не пожалел, угостил. Смерть подобрела. Он вторично угостил – смерть ещё добрее стала. А когда третий раз, тогда он [она] сказал: «Старче, живи, когда твой срок придёт». И ушла смерть.

Кузнецова А.А. Варнья, 2006.

412. И вот тоже вот такой... Ну, может вы эту притчу тоже и знаете, про кресты? Как один мужчина всё жаловался и жаловался: «Вот, у меня крест такой плохой, да мне Господь судьбу такую плохую послал...». И видит тоже сон, как будто Исус вот с ним разговаривает во сне. А этот мужчина и обращается к нему, что: «Господи, почему ж это ты мне не дал полегче-то крест, что мне так тяжело жить». – «Ну, иди, говорит, раб, выбери свой крест. Какой ты хочешь? Вот три, говорит, вот каменный, вот железный, а вот деревянный. Какой бы ты себе взял?» – «Ну, каменный, говорит, очень тяжёлый; железный – тоже, говорит, нет, не хочу. Дай мне деревянный крест. Он полегче, и не так долго его нести.» А Господь и сказал: «Вот, чадо, говорит, да это же и был твой крест!» Так вот и получается, что мы, люди, никогда не довольны своей судьбой, да, и чё-то вечно ворчим, чем-то недовольны. А оказывается, что другому человеку, может, в сто раз тяжелее крест, а он не жалуется, несёт его. А вот это притча такая, что никогда не надо жаловаться. Нужно всё, что Господь дал нам, вот мы должны это нести и терпеть. Всё: и болезни там, и радости, и печали... <...>

А я ещё думаю, каким мериллом это измерить: тяжёлую ты жизнь жил или лёгкую? Это ведь по человеческим мериллам, что вот ему плохо на этом свете было. А, может, и не было плохо? Это нам так кажется, что плохо. Я не знаю... И болезнь... я считаю, что болезнь тоже даётся человеку для испытания другому. Может, он сильно грешил когда-то в жизни, да? Говорят, тут два лика. Говорят, что Господь не даёт болезнь. Но тут же я могу, говорит, и испытать тебя; ну, справишься ли ты, когда ты будешь больной? А другие люди, может, перетерпев болезнь, они исправляются и встают на правильный путь. А другой этого не поймёт. Так и идёт до конца...

Кивиорг М.И. Калласте, 2006.

413. Жил раз один неверный царь. Ён был тяжко болен, но никто не мог излечить его недуг. Тогда ему пришло во сне, что ты до тех пор не поправишься, пока не получишь себе купель (значит, не крестишься). Это, значит, значило, что ему надо перейти в христианство <...>. Но ён не понял этого, но позвал дохтора посоветовать ему, хто какую купель устроить. И дохторь говорит: «Хорошо, я через три дня устрою купелью. А только дай мне такую бумагу, что ты велишь принести к тебе всех малых ребят на излечение своего царя». Вот матери несущ[м] детей туда, а самы плачу[м]: «Что-то с ними станется?». А царь сидел о ту пору под окошком и увидел, что детей несущ[м] во дворец. Тогда позвал ён своего ближнего слугу и спросил: «Что это сегодня в городе, что все женщины иду[м] с детьми и плачу[м]?». И слуга и говорит: «Ведь ты велел собрать всех детей для себя на излечение!» А царь и говори[м]: «А на что мне дети-то?» – «А дохторь сказал, что перереже[м] этих детей и напусти[м] их крови в купель; и тогда ты окунёшься в эту кровь и тогда вылечишься». Тогда царь сказал: «Лучше я один помру! Зачем из-за меня столько детей резать?». Тогда ён приказал отпустить всех матерей и детей. Тогда все женщины пошли и стали за таку его милость молиться за него. Тогда ему пришёл опять сон: «За твоё доброё сердце ты будешь исцелён, ты должен только покреститься!». Тогда ён принял православие и стал здоровый.

414. О Васе Красном

Недалеко от деревни Тихотки находится кладбище, которое называется Красным. Когда-то жил страшный убийца и разбойник Вася Красный. Все хозяева его очень боялись. Жил Вася Красный в лесу, хозяева приносили ему мяса, мёду и просили, чтобы он не тронул их богатства. Когда в деревне появились солдаты Петра Первого, они убили Васю. Похоронили его на кладбище, которое с тех пор называется Красным. А худой дух Васи долго ходил по деревне.

Йоханнес К. Зап. Л. Хэрик и А. Томсон в д. Тихеда в 1964 г. TRÜ VKK 19, с. 100, № 41.

415. На гористом месте Черновской реки есть большой камень. На этом камне есть какие-то буквы. Говорят, что на камне была надпись на 12 языках. Кто прочитал бы, камень расколосся бы, и тот достал бы золото.

Зап. Ф. Аганичев в Муствез в 1930 г. ERA Vene 3, с. 322, № 5.

416. А я видела брата перед смертью во сне. Он лёг вот так ко мне, голову склонил и просит: «Сестра, вы цветы мне принесёте?». Я говорю: «Так ещё время-то есть, у тебя тринадцатого день рождения». За неделю до этого. А он вот так выглянул на меня: «А-а! Ну, я дождусь...». Вот так сказал, и я потом проснулась. И потом я ходила к нему в больницу, за день до смерти. И он говорит: «Сестра, пойдём». А он такой худенький-худенький был, как скелет, – рак желудка, он ничего не кушал. Но он встал, силой встал с постели и так по коридору прошёл и говорит: «Я хочу, чтоб ты набрала вот этот кувшин с водой», что у него силы не было держать. И я набрала кувшин какой-то воды, и он говорит: «Я пойду вперёд, ты иди сзади». <...> Я пошла с ним в палату, мы с ним попрощались. <...> И как-то я про это и забыла. А потом, когда уже после смерти я увидела его, и смотрю – он в могилы лежит живой. Я говорю: «Ваня, ну ты же мёртвый!» Ну, на нём грех был, знаешь, такой большой; я не буду, не хочу это говорить, пусть это останется моей тайной. И я говорю: «Ну, как ты живёшь и где ты находишься? Ведь ты такой, ну, грешный...». А он и говорит: «Сестра, а я очистился!» Вот эти слова он мне во сне сказал. <...> И я подумала про себя, что он, наверно, и воду попросил, чтоб мог с себя смыть перед смертью. <...>

Кивиорг М.И. Калласте, 2006.

417. У одной вдовы помер муж. Ей было так его жаль, что она плакала день и ночь. Когда его похоронили, яна ходила на могилу оплакивать. Один раз ночью слышит яна, что кто-то стучит. Яна посмотрела и узнала своего мужа. Ён посадил её в карету, и помчались. Его жену звали Анна. Едет яна по дороге и спрашивает его: «Что ты ничего не говоришь?». Ён только твердит: «Месяц светит, Аннушка с мертвецким телом едет». Приехали яны к могилы, мертвец и говорит: «Полезай в могилу вперёд, а я сзади». Но яна не полезла, тогда мертвец полез сам. Яна бросила своё платье и убежала. Мертвец видит, что ей нету, побежал сзади ей. Не успел ён прибежать к дому, как уже пропели петухи (и он исчез).

Зап. И. Топкина в Муствез в 1930 г. ERA Vene 1, с. 505, № 1.

418. Потом вот мой отец рассказывал. Что вот... он с нами гулял и шёл домой тоже. А сбоку домик был, рядом, там один... мамин дядя, он задавился (Ну, повесился, а мы – «задавился»). Папа жил на Тартуской улице <...>. И папа говорит: «Иду...». А там как-то, до этого домика, была почта. «И смотрю, говорит, иду; и вот, этот мужчина сидит на крыльце...». (Я знаю, как и зовут его, счас забыла...) И папа с ним поздоровался. Он, говорит, поглядел, ничего не сказал. Папа говорит: «Я как

помчался! Вначале я начал идти быстро. А потом смотрю – он встал, он, говорит, за мной. Да я, говорит, так бежал, что убежал. <...> И когда, говорит, я в дом вбежал, я так испугался, что я упал даже...».

[А это дядя и был?]

А это был дядя; это был мамин дядя, да...

Жулина-Тарелкина А.С. Муствез, 2006.

419. А ещё... это мой папа рассказывал. Они трое поехали работать в Авинурму, здесь есть тако местечко. Они там фундамент делали, с камнем работал. И они сняли там работу, и хозяин дал им там наверху комнатку. И мы, говорит, втроём: там было три кровати, и кажный, значит, спал на своей кровати. И ночью вдруг, говорит, слышим какой-то такой шум, какой треск. Посмотрели, а тёмно, зажгли, говорит, свечку – и этот мужчина один лежит на полу. И говорит: «Что ж вы наделали, что ж вы смеётесь? Что вы меня кинули с кровати на пол?» А мы говорим: «Что ты, с ума сошёл? Мы тебя не трогали, мы крепко спали...». Он говорит: «Как же крепко спали? Вы же, говорит, меня кинули; подняли с кровати и бросили на пол». Ну, ругались, ругались... Папа говорит, заснули. Вторую ночь второго мужчину тоже так – как бросили, говорит, на пол. Ну, прямо дело до драки. «Вы что, говорит, сломаете кости!» Потом третий раз уже моего отца тоже так: подняли, бросили, и так сильно. И тогда они пошли к этому хозяину и говорят ему: «Что такое? Мы тут ночевать не будем». А потом, говорит, сосед рассказал. Там его была дочка, и дочка в этой комнаты жила и задавилась. Это она... <...> Отец мой врать не будет. Верь – не верь, а так было...

Жулина-Тарелкина А.С. Муствез, 2006.

420. ...Оттуда ещё никто не пришёл. Но во сне приходят <...>. Вот, у нас был случай; брат моего мужа был женатый на советской, ну... на «русманке», как говорится у нас в деревне. И вот, когда он умер, <...> и он приснился ей во сне и говорит: «Грушка! У меня очень всего много, но полка высоко, мне не достать». И вот она себе сделала вывод, что вот она не нашей веры, и подаёт, значит, – Феде не достать; Фёдором его звали.

Кузнецова А.А. Варнья, 2006.

421. [Если хоронят и что-нибудь не по закону сделают, что потом?]

Покойник снится...

[А как это исправить?]

Отрывали. Был случай в нас, давно уже, правда. <...> Не одели, по-моему... Да, она в больнице умерла, и <...> не одели ей что-то, вот этой молодой девушке. И она вот так долго снилась, и отрывали; и одели её, как положено, да. Но не знаю, вот это правда ай нет, вот в деревне Рая муж тоже вот... Мужчина очень выпивал и жене всё время приказывал, что «Умру, мне бутылку водки и пачку сигарет», да. А вот он всё время к ей ходил во сне. <...>

Вот напротив кладбища жили... жила семья, и она очень молодая умерла, дочка. <...> А мама (как рядом жила, она как и сторож была, убирала там это на кладбищах и всё) жгла ей лампадочку, не свечу, а каждый день лампадочка горела. Вот она пришла к ней во сне и сказала: «Мама, все спят, а я не могу спать». – «Почему ты не спишь?» – «А зато, что свет горит». И тётя Поля больше не стала зажигать лампадочку, да. <...>

[А не говорили, что когда умрет человек, родным сильно плакать нельзя?]

Да. Тоже нельзя. А это я и о себе скажу. Когда умерла мама, ну, и я осталась, я уже была замужем, что скрывать, жизнь моя была тяжелая, <...> один выход был только к мамы притить поплакать. <...> И вот, один раз вижу во сне: прихожу к могилке, Господи, мамин гроб весь это... почти в воде стоит! И я как-то как испугалась

и проснулась. А потом пошла в воскресенье на кладбище, и там были пожилые женщины, я спросила от их, и вот тётя Сима мне и сказала: «Дунюшка, ты плачешь много по мамы. Не плачь. Ты видишь, она в воде лежит, ей тяжело. Лучше, говорит, поминай, а не плачь». И я прекратила плакать, смирилась с этим.

Топкина Е.Е. Муствез, 2006.

422. ...Тоже приснился муж. Вот, умер двоюродного его брата сын вот в этом году. Павлика похоронили, и, наверно, через три-четыре дня я вижу сон. Вижу своего мужа... А тут такая высокая лестница, как деревянная, как под самое небо. Он мне говорит: «Ты туда не ходи, ты там не живёшь. Иди домой». А я говорю: «А чего ты-то сидишь, иди ты ко мне домой, я же одна!» А он мне и говорит: «Не волнуйся, я про вас всё знаю. Ко мне приходят и говорят». Правда это, неправда?..

Кузнецова А.А. Варнья, 2006.

423. [*А не бывает так, что похоронят человека, а он во сне приходит?*]

Почему, бывает. <...> Например, Геннадий мой отца сразу видел как-то. Мы сидели все на кухне, и он пришёл. Гена говорит: «А ты зачем пришёл?» – «А я пришёл вас посмотреть. Ты, говорит, не расстраивайся, я уйду».

[*Это приснилось?*]

Приснилось. Как наяву, говорит, пришёл папа, да. Я, говорит, еще раз напомнил: «Ну, уходи». – «Ну, я уйду, я только хотел посмотреть на вас». Ушёл. И Гена ещё вышел за ним в коридор и вот, го[во]рит: «Мама, за эту яблоню как-то зашёл и всё, и пропал».

Топкина Е.Е. Муствез, 2006.

424. [*А не говорили, что покойники не только снятся, но и наяву приходят?*]

У меня был случай... У меня свёкор умер вот. И почему он мне ходил целый год, я не знаю. Но я слышала, как он вставал с кровати, этот скрип слышала; как он в тапочках ходил, вот так «шорк-шорк-шорк!» по полу. И холодильник открывает и закрывает. Это он ходил живой, кушал. <...> Я уже к мамы обратилась, говорю: «Мама, мне так страшно! Я со светом сплю; ходит и ходит, говорю; каждый раз ходит. Прямо вот не вижу, а слышу, как вот наяву». Так она и говорит: «Доченька, ты свечки там поставь». Я молчала, никому больше не говорила. И свечи ставила и всё; но всё равно слышу и слышу. Пока я там с соседкой, с эстонкой, стала разговаривать. Я говорю: «Вот, ходит...» – «Да ты что? А, может, говорит, ты что-нибудь забыла или чё-нибудь не так сделала?» Я говорю: «Да нет...» – «Ой, да ты подумай...» И вот, прошло какое-то время; год прошёл, я стала это разбирать тогда его вот вещи там старые, столешники и всё. И смотрю – зубы искусственные в столешнике лежат. И я пошла к этой женщины и говорю: «Знаете, а ведь зубы свёкра... Может, с этим что-то связано?» Она говорит: «Ай-яй-яй, конечно, говорит, иди, отнеси!» Я говорю: «А как же я теперь?» – «Ну, сделай, говорит, дырку на полметра туда, в могилу и положи туда, в эту ямку, зубы; зарой и всё». И вот мы отнесли, и после этого он перестал ходить.

[*А сам он не говорил?*]

Он ничего не говорил и во сне не приходил; только вот ходил, что я слышу и всё. И говорю Калеви [*мужу-эстонецу*]: «Калеви, ты слышишь, ходит?» – «Да нет, я не слышу». А я говорю: «А я слышу». Вот, ходит и всё, шоркает; вот, пока я отнесла вот эти зубы.

Кивиорг М.И. Калласте, 2006.

425. В одного мужика умерла жена, а детей оставила маленькими. И каждую ночь мать приходила: и перебивает, и справляет детей, а только ни слова не говорит. И

старшие дети рассказали это, и тогда баба одна сказала, что это нехорошо, и поворожила что-то в избы. На следующую ночь мать не приходила, а стала под окошком стучаться и говорит: «Хорошо, что сдогадаться, а то бы худо было!» Тут все и сдогадаться, что черт вместо матери приходил к детям.

Сулина В. Зап. О. Громов в Муствеэ в 1938 г. ERA Vene 12, с. 595, № 5.

426. Я видела такой сон. У мамы был брат Иван, он погиб на войне. <...> Я его не видела ни разу: была маленькая, когда он ушёл на войну. У нас была труба там плохая, и когда топится, так немножко дым шёл так с трубы. <...> И мы всё боялись, что не дай Бог будет, что там загорится или что. А мне приснился сон, что этот дядя Ваня... Я пошла на чердак туда, <...> а он окол трубы стоит, говорит: «Не бойтесь, я вас охраняю». Вот сон мне такой приснился. Пришла и маме рассказываю, утром-то рассказываю, говорю: «Я видела такой сон, дядю Ваню». Она говорит: «Ты и не помнишь его». Я говорю: «Конечно, не помню». И вот, рассказала: он в белой рубашке был и подпояхан поясом, говорю. Так говорит: «Он так и ходил». <...> А вот, видишь, приснился мне. И рассказала, какое лицо; я говорю: «Светлое, у него волоса спадали так, на пробор как бы, и так, по обе стороны». – «Точно, говорит, такой был...»

Ушакова Г.И. Кикита, 2006.

427. [*А что делать, если покойник постоянно во сне приходит?*]

Надо молиться. <...> Как родительская неделя начинается, перед этим вижу всегда своих. Значит, поминания хотят, да... И даже приходят... Вот, у меня мужа сестра там, в Таллинне умерла; три даже было; и всех вижу во сне. И сегодня даже видела её во сне, что она звала меня к себе, говорит: «Приходи, у меня столько места!». А я так посмотрела и говорю: «Ой, не, мне не нравится твоя квартира...» Ещё не хочу к ней идти. Она была добрая такая. Помню, у нас как время было такое, по талонам всё давали – и сахар, и мука там; в Таллинне я жила. А она умерла вот в это время. Потом вижу я её во сне, она мне показывает кладовку свою. Она была такая простая: вот придёшь, так она хоть чем-нибудь, да найдёт чем-то угостить, гостеприимная. Пришла я к ней, она говорит: «Вот, смотри, у меня всё...». У неё всего, всего там в этой кладовке! Я говорю: «Лиза, а у нас-то по талонам теперь всё...». Значит, какая здесь была добрая, такая и там осталась добрая, да. И мужа схоронила, и в сороковой день ему молились, и она в этот день умерла. Пришла домой <...> и умерла; легла и не встала. Вот видишь как, он <...> быстро потребовал.

Ушакова Г.И. Кикита, 2006.

428. Да, вот видела мужа... Муж умер мой, <...> двадцать третьего августа <...> тринадцать лет будет. И теперь вижу его во сне – всё звал меня сюда. Даже взял так за руку и тянет, тянет; а я так вырываю потихоньку руку – и бежать от него! Он сзади меня. Ну, я всё-таки убежала. И вижу сон, и говорю: «Миша! Ну, скажи, как там? Как ты там живёшь?» Он так улыбнулся да и говорит: «Придёшь, увидишь...». Не сказал ничего, да... <...>

А брата я видела во сне, так это он, как в царстве, жил. Еду как будто к ему в гости, и этот автобус всё поднимается в гору, выше и выше. И вдруг такое место: дома красивые такие, как жёлтые, стоят, и солнце светит, так красиво! Пришла в дом и говорю: «Где здесь Арсений живёт?» Его Арсений звали. <...> «Нет, он теперь не Арсений, он теперь князь Александр». Ну, и теперь девочка такая маленькая пришла и повела меня. Пришла я в комнату. Так дверь открыла, а за дверью так кровать широкая стоит, здесь телевизор. <...> Стены обложены кафелем, и с каждой кафелины голубенький цветочек. А он лежит так посерёд, али на кровати, руки за голову. Я так села к нему; он говорит: «Зачем ты-то пришла?» Я говорю: «Да поглядеть, как ты

живёшь». А говорю: «Как хорошо! Живи ты здесь». А он говорит: «Да, хорошо, говорит, а все домой хотят». Вот так сказал мне, так печально. <...> Как будто он с работы отдыхал, пришёл, на кровати лежит.

Ушакова Г.И. Кикита, 2006.

429. ...Только я помню, вот, мама рассказывала, что когда она ещё не была замужем и она жила у своих родителей, то там у них где-то недалёко был какой-то <...> Мефёд, или Мефёд, и он повесился. <...> Привидения этого Мефёда все боялись, что он, типа, по ночам вот ходил. И говорила бабушка, у них там большой дом и веранда была на улицу. И дедушка пришёл <...>, ну, слегка пьяный. <...> А бабушка спросила, что: «Ты двери-то закрыл?» И слышит, что вот была зима и что снег вот скрипит за окном. <...> «Нет, Ксения, я двери закрывал». И, говорит, было очень лунно, и когда, говорит, мы вот к окну подбежали, то вот мы видели, как вот большой... И только бабушка сказала: «Ох, Боже мой, это же Мефёд пошагал!» Вот такие привидения. И вот, говорят, что особенно <...> кто вот удавляющий, вот такие, кто на себя руки положил. Что, говорят, тому нет покоя, как бы их земля не принимает...

Ремец А.М. Варнья, 2006.

430. [*А что делать, чтобы в доме не было привидений?*]

Это и бабушка всегда говорила; <...> вот, когда идешь и ложишься спать, все двери закрой, благословясь, прочитай молитву и закрой, без молитвы... Вот, когда прочитаешь молитву, значит, никакой домовый ни дворовой не зайдет. А так вот гуляют. Мне сейчас кажется, и домовые, и дворовые идут к тем, кто очень верующий, <...> чтобы соблазнить их на что-то. А кто не верит, так и что их соблазнять.

Тетя Катя, вот Зоина свекровь, Зои Ивановны, вот она очень тоже была верующая, ходила в церковь все время, и она тоже вот всё о дворовых и о домовых говорила. Так она сказала, что вот были похороны у неё... Там кого-то вот в Тарту знакомых хоронили, ну, и как бы у неё поминки делали. Она там помогала и очень устала, ну, и как бы прилегла отдохнуть. И сказала: «Я ещё не спала, <...> и, говорит, в это время звонок. Открываю, – её бывший зять, что как выручи». Говорит, дала она ему там деньги, не дала, но закрыла дверь и говорит: «Черт его ещё принёс! <...> Я ведь легла, и это среди бела дня, говорит. И только вот начала засыпать, и, говорит, как мне тяжесть, вот я чувствую, на меня навалился и начал душить. И когда вот отошло, и только, говорит, типа, вот как он был похожий вот как на большущую чёрную собаку». <...> И говорят, когда вот так домовый <...> душит, ты спроси – к добру или к худу. И, говорит, он только: «К ху-у...», говорит, сказал и тут же потерялся. Мы все не верили, смеялись, что, может, это не правда. А она сказала: «Вы знаете, это правда». И недолго после этого было, вот дедушка умер. Вот, это её отец умер.

Ремец А.М. Варнья, 2006.

431. [*А дочь покойная к вам не приходит?*]

Есть. Вы знаете, такой у меня был сон, вот как вещей. <...> Приснилось мне, что я в городе, иду и <...> ищу, где она живет. <...> Мне сказали: «А, Ира вот там живет». Как будто вот дом тоже пятиэтажный, но верхний этаж стеклянный, из стекла. И как я туда вот захожу, и какой-то вот... не ступни, как я цепляюсь, чтобы туда войти. И захожу, и вот один... вот тоже у нас он умер, как будто вот его комната. Типа вот, как общежитие, понимаете, вот, коридор и комнаты. <...> «А, Ира? А Ира вот здесь напротив». И я захожу, типа, вот такая комнатка, но вся вот как... как вагонкой обшита. Вот, лампочка Ильича горит, и диванчик – она сидит на диванчике, и вот, синее платье. Я и говорю: «Ирушка, ну как ты живешь?» Она так пожала плечами и сказала: «Ничего...» Я говорю: «А кто тебе в магазин ходит?» Она вот сказала: «Наташа

Фролова». А Наташа-то Фролова – это моей невестки подруга. <...> И вот, я как выхожу в другую дверь, там какая-то старушка ходит <...>. Она сказала, что <...> это всё сухомытка, что она ест, ей бы супу. И я на этом проснулась. Вы знаете, мне было не по себе это. Я вот наварила борща. У нас такой вот здесь Петя есть, <...> вот налила большой кувшин вот этого борща и принесла и говорю: «Петя, ешь, я тебе супу принесла». Вот, говорят, обязательно надо подать [беднякам или нищим]. <...> Говорят, что по покойникам, если кто умирает, обязательно надо как бы молиться, не только свечу, подавай нищим, не... как можно сказать, не жадничай, подай нищему, и говорят, это всё идет в помощь вот твоим. <...>

[А ангел-хранитель помогает людям?]

Да-да, это говорят, что ангел-хранитель... <...> Так вот говорят, когда идешь, и как говорят, плюнь через левое плечо. Так говорят, у человека... вот за тобою всегда хранит тебя ангел-хранитель с правой стороны, а кто тебя соблазняет на неверные дела, это обязательно с левой стороны чёрт. Вот и говорят, сплунь только влево, через левое плечо, но не через правое. <...> Кто крещеный, у каждого человека есть свой ангел-хранитель, который его охраняет. <...> А ещё вот я давно слышала, что вот например, вот как мы с дочерью жили очень... Я её как... за ней ухаживала, очень её берегла, и если вот она, ну, как всегда вот меня очень любила и жалела, то вот после смерти вот её ангел-хранитель как бы вот хранит меня, помогает он мне. Вот когда мне очень тяжело, что как бы вот её ангел-хранитель вот как бы вот мне помогает. <...> Если кто мой... как бы меня любящий человек он еще вот в этом помогает. <...> И я если вот в чем-то мне очень тяжело, я всегда говорю, доченька, помоги ты мне ради Бога.

Ремец А.М. Варнья, 2006.

432. Были мужики на войны. Жёны их дожидают, двери заложены, хотят в аккурат самовар ставить. Вдруг кто-то стучит; одна спрашивает: «Кто там?». – «Да мы, мужья ваши!» Да называли все имена свои. Им и любо, что их мужья пришли, впустили их. Посадили за стол и стали угощаться. Вдруг одна заглянула под стол и видит – там ноги не человеческие, а скотские. Побежала она спужавши под крыльцо и петуна в руки взяла. Петух прокричал, пошла она в избу, а другая уже заедена чертям.

Сулина В. Зап. О. Громов в Муствез в 1938 г. ERA Vene 12, с. 597, № 7.

433. Вот здесь рассказывали, сейчас этот дом сгорел. Это рассказывала свекровь и мой муж рассказывал. <...> Так вот, он говорит, что сдавали дом; новый дом построили, а этот дом пустой и сдавали. Учителям сдавали, полицейским сдавали вот разным. Никто не мог жить там. Ляжет спать, и вот грызёт как свинья в кровати ногу. Раньше деревянные кровати-то были. И, говорит, грызёт и грызёт, и всё какое-то причудье – и опять уйдут. Потом обратно пошел Оберпаль. Он был учителем, он здесь учил, ещё и меня учил в сороковом году. <...> Так и он пошёл туда жить: «Ну, я, говорит, буду... не боюсь!» И вот тоже, говорит, в его был револьвер, стрелял: как начнёт грызть, стрелял. Весь пол перестрелянный, никого не убивал. Продолжал жить, и всё равно грызёт и грызёт. Спокою не давал. Все уходили. А потом дочка их вышла замуж, жениху большая семья, некуда было. Отец её и говорит: «Идите в наш дом, живите». – «Да вот, там так страшно, что никто не живёт». – «Ничего, отстойте молебень, отслужите и живите». Ну и вот, снесли иконы, отстояли, отмолились – и жили до какого времени, до смерти отжили. Вот такое было в старину. <...>

Было такое, мне вот свекровь сказала. Говорит, хотела идти в моленну как раз на Рождество, ну так устала, говорит. <...> Ну, так говорит, не попала в моленну, доченька, и вот лежу – и целая компания входит, прямо целая компания входит и пляшут мне, говорит, в доме. А я, говорит, прям вижу – и пляшут, и пляшут. Я тогда лежу и стала молитву творить. Стала молитву творить, «Отче наш» прочитала, и

потерялись. И тогда вот встала, говорит, пошла в Божий угол да стала Богу молиться. Вот это яна рассказывала привидение такое.

Курилова-Быстрова З.В. Большие Колькья, 2006.

434. В одной деревне жили дед с бабой, и у них был сын. Однажды родители уходят на сенокос и приказывают, чтобы мальчик принес им к 12 часам обед, а сами ушли. Настал обед, и мальчик понес есть. Идет он все, идет, и пришел наконец в лес, а из лесу выходит много мужиков, и все страшные, с рожками и хвостами, а ноги оканчиваются копытами. Этого мальчика схватили и понесли далеко-далеко. И ходили они в избу к людям только ночью. Там у кого ночью столы не убраны, тогда они садились за стол и ели остатки пищи, а кто не закрывает ночью ведра с водой, то они тоже там купаются. Вот этого мальчика они и таскали везде по ночам, и продержали они двенадцать дней и двенадцать ночей и потом принесли его в одну пуню и говорят: «Мы ляжем спать, а ты карауль. Когда пойдет дождь и молния, тогда нас разбуди». Пошел гром и молния, а мальчик пошел по тропинке и пришел на большую дорогу, а там ехали знакомые мальчику мужики. Соседи спросили: «Где ты был? Родители тебя ищут везде и уже молебны по тебе служили». Мальчик рассказал, что с ним было несколько мужиков и что его водили по ночам везде, и что теперь принесли его в пуню и заставили караулить, когда пойдет гром и молния, тогда их разбудить. Мужики поняли, где мальчик был и у кого. Они просили, чтобы мальчик показал им эту пуню. Мальчик свел их туда к этой пуни, и они увидели только одни щепки от этой пуни. Значит, когда был гром и молния, эта пуня загорелась, и все худые тоже сгорели. Мальчика свели домой к родителям, родители очень обрадовались, что мальчик остался жив.

Зап. Л. Масианова в Муствеэ в 1930 г. ERA Vene 1, с. 529, № 1

435. Ехал один пастор, а на груди в его крест висит [m]. Ехал ён мимо могил, а там начальник похоронен был. Доехал он к могилам и видит – на одной могилы гроб вытянут и черти стебают [m] мертвого. Пастор велел остановиться, взял книгу – Евангелие и пошёл читать к той могиле, и всё читал и читал. А черти говоря [m]: «Он очень многих казнил, а мы его в свои часы казним». А пастор всё читает [m] да читает [m], и до тех пор читал, пока все яны не провалились.

Болтова О. Зап. О. Громов в Муствеэ в 1938 г. ERA Vene 12, с. 609, № 4.

436. В Казапели жил кузнец один. Раз ночью приезжает на тройке барин один. Было около двенадцати часов ночи. Барин стучит. Вышла хозяйка: «Кузнец дома?» – «Дома.» – «Разбуди кузнеца, мне надо лошадей подковать.» Разбудила она кузнеца, а кузнецу не хотца подковывать, а она говори [m], что барин, видать, богатый. Ну, встал кузнец, пошел подковывать. Одную лошадь подковал, другую подковал и у третьей уж две ноги подковал. Стал подковывать третью ногу, вдруг видит след человеческий. Затрясся кузнец весь и не знает, что ему делать. А барин-то черт был, подходит к нему и говорит: «Вот этот первый, – назвал покойника, – удавившись, вот этот утонувши, а этот опивши». Доковал кузнец до конца, а черт ему в руку денгу сунул. Приходи [m] кузнец в комнату, бледный, спужавши, а жонка и спрашивает: «Что с тобой?». – «Да вот, знаешь, чертей сейчас подковывал». А в руке вместо денег говяшки одни.

Сулина В. Зап. О. Громов в Муствеэ в 1938 г. ERA Vene 12, с. 596, № 6.

437. Был кузнец в старые годы, что поздно вечером кузнец работал в кузнице. Вдруг появилась карета, на карете сидел богатый и красивый мужчина. Он попросил лошадь подковать. Кузнец был согласен. Он подковал одну ногу чёрной лошади, а красивый мужчина попросил подковать и заднюю ногу. Кузнец наклонился и увидел,

что вместо лошадиной ноги была нога человеческая. Кузнец страшно испугался и остолбенел. Незнакомец просил подковать и обещал заплатить, но испуганный кузнец всё стоял и стоял. Мужчина протянул руку и подал кузнецу серебро. После этого красавец и его чёрные лошади пропали. Кузнец побежал домой, часы показывали двенадцать. Он сунул руку в карман, чтобы сосчитать деньги, которые ему дал незнакомец, но вместо серебра кузнец вытянул из кармана высохшие листья.

Йоханнес К. Зап. Л. Хэрик и А. Томсон в д. Тихеда в 1964 г. TRÜ VKK 19, с. 98, № 40.

438. И привидения были раньше, а теперь и приведений нету. <...> Один тут у нас сосед пьяненький ишёл с Мустве, с ярманки. Ишёл, ишёл пьяненький; и вдруг попадается встречу человек. «О, здравствуй, друг!» – «Здрасьте!» – «Ну, где ж ты был?» Идёт и говорит с этим. <...> «Где я был? Был на ярманке в Мустве, вот иду домой». А среди Раюши на дороге колодец был. «Пойдём, говорит, друг, в ресторан, выпьем!» – «Пойдём, выпьем.» А колодец – только обруб был, а сверху не было такой... ну, крышки. «Ну, давай, поднимай ногу, говорит, поднимай, поднимай ногу!» Домой пришёдцы (кто его вытащил там с колодца), пришёл домой и рассказывает: «Ириньюшка ты моя дорогая! Вот, ишёл! Попал человек навстречу. Иду, с ним разговариваю. Вдруг стоит посерёд дороги красивый ресторан. И он мне и говорит: “Пойдём, выпьем! Пойдём, пойдём!.. Ну, поднимай ногу-то.” Я, говорит, ногу-то как поднял... Ириньюшка моя дорогая, ка-а-ак ухнул в колодец!» Тогда очухался, что ён в колодце. Вот так... Ну, так как же не привидение?

Улексина Г.Г. Кикита 2006.

439. А раньше-то и старухи говорили, что кто-то утром рано, ещё по росы, пошёл в лес по канаве. И идёт вперёд женщина, в платке в чёрном, в сарафане в чёрном, и знай голосит, и знай голосит. Просто голосом голосит. Эта женщина всё шла сзади ей, а так эта женщина в чёрном и ушла в лес. Тоже, говорят, было такое привидение.

Улексина Г.Г. Кикита 2006.

440. Бабушка была с Раюши, здесь деревня, пять километров. <...> И всегда они с дедом туда уходили на праздник. И вот, она рассказывала, что когда они обратно шли уже поздно, конечно, ночью. А вот здесь, за Мустве, был большущий камень. Этот камень и я помню; сейчас я не знаю, куда он делся. <...> И вот, этот камень пропал. И бабушка говорила, что около этого камня всегда чудилось. Она говорила: «Доченька, нельзя было пройти мимо. Вот идём, говорит, с дедом, а дед-то выпивши...». А баба всегда держала младенца к груди, тогда ничего не случалось. «И вот, говорит, идём, и вдруг, говорит, от этого камня выходит какая-то нарядная, красивая, вот, как царица, женщина, идёт встречу. Мы, говорит, молимся, крестимся; уже в деда пропало и вино, потому что было так страшно. И через маленько время, говорит, вдруг лошадь. Говорит, так и стоит на дубах, так ржёт эта лошадь. И мы всё идём – молимся и идём. Я, говорит, прижимаю крепко ребёнка к груди». <...>

Жулина-Тарелкина А.С. Муствеэ, 2006.

441. Это было однажды весной. Один мужчина ночью мылся в байне. Байня стояла на берегу озера. Когда он оделся и собрался идти домой, он увидел – какой-то движущий предмет сидел на лодке. Он подумал, что это человек, подошел ближе и увидел, что это совсем не человек был, а кто-то вроде козла. Тогда он понял, что это нечистый дух или чёрт. Он перекрестился, схватил острогу (ей колют шук). И когда замахнулся этой острогой, чёрт спрыгнул в воду и потерялся.

Матросова Е.А. Зап. О. Брандт в д. Березье в 1940 г. ERA Vene 15, с. 45, № 11.

442. Одному продайщику (*продавцу*) мохров (*кистей*) нужно было ещё идти домой девять километров у Красных гор, и он стал думать, что как бы его кто подвез. Когда он это подумал, услышал, что едут на лошади с колокольчиками. И с саней ему крикнули: «Эй, товарищ, садись, подвезём!» Когда он сел, то они ехали так быстро, что огненные языки выскакивали из-под полозьев. Он уже замечает, что они должны были бы уже приехать, и спрашивает: «Скоро ли сходить?». Они сказали, что нет ещё, и поехали дальше. Он спросил опять, но был такой же ответ. Тогда в третий раз он спросил и сотворил молитву, и очутился в Пскове.

Козлов И. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1948 г. RKM Vene 3, с. 141, № 11.

443. Один мужик шел из кабака пьяный домой. Навстречу ему попадает сосед. Они поздоровались и стали разговаривать. Сосед позвал мужика к себе на квартиру, говоря, что у него приготовлено для него выпить. Мужик согласился и пошел. Пришли в комнату, зажгли лампу, и сосед стал угощать мужика. Мужик пьет и ест, но все ему невкусно – и вино ему не такое, и закуска не такая. Вдруг ему пришла мысль домой идти, и он сказал: «Господи, как я долго!». И вдруг он увидел, что все потерялось: нет и соседа, и вместо вина человечья кость в руке, а вместо закуски земля. Мужик испугался и побежал скорей домой что есть духу.

Зап. О. Рутин в Муствез в 1930 г. ERA Vene 1, с. 535, № 1.

444. Один мужчина рассказывал: «Сижу я, пью чай. И вдруг заходит ко мне нечистый – копыта раздвоенные, хвост с такой кистью... А я, говорит, сидел – у меня язык колом был».

Кивиорг М.И. Калласте, 2006.

445. Один мужик ехал из уезда домой ночью мимо леса. Навстречу ему попался мужик с большой бородой, и глаза сверкали как огни, с длинным хвостом до земли, сидел на одном тележном колесе и ехал.

Зап. О. Рутин в Муствез в 1930 г. ERA Vene 1, с. 535, № 2.

446. [*А что Ваша мама рассказывала, как чудится там?*]

Она говорила, про папу рассказывала, как его, говорит, где-то целую ночь кто-то... Говорит, ушёл в кабак, <...> а потом на другой день явился домой и сказал: «Меня, говорит, черти где-то водили. К колодцу привели и сказали: “Пей!”. Добре, что я пить не стал. А как стал бы пить, так они меня, наверно, в колодце утопили». Мама и говорит: «Пальто было вывернутое, шапка была тоже, ну там, на другую [*сторону вывернута*]. И, говорит, не то правду, не то с пьяных глаз мне наговорил. <...> И, говорит, куда-то ещё привели и мне в голову что-то: “Делай, делай!”. А я, говорит, не стал делать. У меня и хмель в сторону, я, говорит, уже отрезвел и чувствую, что что-то не то». И она всегда говорила: «Вот, это его... – она не говорила, что черти, – беси его водили, наверно».

Богданова А.Н. Калласте, 2006.

447. Однажды дед мой шел из управы в 12 часов домой. Около кладбища он увидел, что из-за забора упал большой мешок. Он не обратил внимания и пошел домой, но не тут-то было: из мешка вывернула большая свинья с красными глазами и с белым ремнем на животе. Свинья догнала деда и стала его сбивать с ног. Дед испугался и стал кричать, но у него и голоса не было, и силы – убежать. Свинья уже совсем стала его с ног валить. Вдалеке он увидел человекадвигающего. И дед стал изо всех сил кричать. Мужик стал подходить ближе, и свинья стала отставать. Тогда они выломали из

изгороди палки и побежали сзади свиньи. Свинья забежала в глухой переулок и там исчезла. Мужики искали, но нигде не могли найти.

Зап. О. Рутиня в Муствез в 1930 г. ERA Vene 1, с. 537, № 1.

448. А потом еще она рассказывала нам, ну, как чудилось здесь, в Мустве, в старину. <...> Привидения были разные. <...> Мой дед, он был строитель, а мы жили около реки. Был большой мост вот здесь, а тут был большой закол. <...> Осенью его убирали. Вот этот закол убирался. <...> Дед боялся идти на работу, потому что возле большого моста там был такой дом и был такой двор большой. И в этом дворе там была кузница. И мама рассказывала, бабушка рассказывала, что мимо этой кузницы пройти было нельзя. Там черти так работали... в общем, полным ходом работа шла. И они боялись мимо вот этой кузницы проходить. <...>

[Кузница там раньше была?]

Она была всегда; она даже при мне была. <...> Когда я была девочкой, там уже не работала эта кузница: эти старики уже умерли, и они уже не держали её. <...> И мама рассказывала: «Пройти туда было невозможно. Вот, идёшь, говорит, и там так работают, колотят молотом и всё... Горит там железо...»

[А не говорили, что они там мастерили?]

Нет, нет. Вот это я не знаю, что они делали. По-моему, там ничего не делалось, там просто казалось им...

Жулина-Тарелкина А.С. Муствез, 2006.

449. В Красных горах есть норы, в которых, по народному поверию, живут русалки.

Орлова Е. Зап. Ф. Коняев в Калласте. ERA Vene 2, с. 314, № 24.

450. Несколько лет назад видели в Чудском озере русалку, сидела на камне, там есть камень около Вороньи. Один купец хотел поймать ее (наверное, купцу понравилась), ну и с сетям ее окружили с мужичкам. Все хвалят, что они (русалки) красивые. Хошь бы самим увидеть! Когда окружили, то она всё-таки прорвала сеть и ушла от них.

Булкина А. Зап. в д. Межа (о. Пийрисаар) в 1941 г. ERA Vene 14, с. 316, № 25.

451. В русалках есть ноги и хвост тоже есть, а в сыренах только хвосты, тоже вроде русалок. Русалки белые, волоса, говорят, зелёные; они расчесывают свои волоса, сидят на камнях.

Булкина А. Зап. в д. Межа (о. Пийрисаар) в 1941 г. ERA Vene 14, с. 316, № 26.

452. Девушки купались в России в одном озёрке. Там была написана надпись, что дальше идти нельзя (в воду), граница какая-то, там камень был какой-то. Одна девушка сказала, что глупости, и поплыла. Потом слышат крики. Когда поплыли на помощь, взяли лодку и увидели к камню приросшего водяного, с зелёными волосами, страшного. Девушка была у него в руках. Когда отбили, то она была уже мертвая.

Булкина А. Зап. в д. Межа (о. Пийрисаар) в 1941 г. ERA Vene 14, с. 317, № 27.

453. Русалку сама видала в озере, в воды была... и было это [в] самые полдни, в самы солнцепёк. Была я в ты поры ещё девчонка, семнадцати, поди, не было. Раз, это, летом, я со своими подругами пошли купаться. Было нас всего четверо. Вошли, это, в воду; вдруг глядим, немного поглыбже нас женщина купается... Волосы чёрные таки, и сама собой полна така да приятна. Размахнё[м], это, раз рукам, да опять в воду... И так всё опять и опять... А сама всё улыбается, на нас глядит. Мы за ней, а яна всё от нас –

заманивае[*m*], значит, поглыбже в воду. Вот Ириша, как помоложе других, поплыла к ней поближе. Вдруг слышим: «Ай, девушки, страшно, помогите!» Мы все скорее ей на помощь – схватили за руки и тащим... Оказывается, русалка яну за ногу схватила и к себе стала тянуть... Да так сильно, что еле выслобонили Иришу. И яна как захохоче[*m*] – и спряталась сама под воду. Только и видели яну!

Лавягина А.Д. Зап. В. Егоров в д. Колькья в 1936 г. ERA Vene 8, с. 413, № 373.

454. [*Не говорили, что в озере русалки водятся?*]

Нет, в озере нет. На Тихотки-реки есть. Это я сама лично слышала. Мне было лет, наверное, пятнадцать... Нет, больше – семнадцать; я уже с парнем гуляла. Читала по дяде двоюродному. Позвали меня читать; мама говорит: «Иди, читай, привыкай. Родственник. Иди, читай». А мои часы были как раз одиннадцать, двенадцатый. Кончаю, и надо было с Тихотки домой идти. А меня парень там ждёт на мосту. Подхожу к мосту. <...> Там тётя Риша ходила да тётя Феня и говорит: «Девка, ты не ходи домой. Ночуй там». А я говорю: «Нет, я молодая; зачем ночевать?» – «В Тихотке в реки русалки есть.» – «Неправда, какие там русалки!» <...> Вот, я иду, это... отчитавши, в двенадцать, а меня Зотик встречал. «У-у-у-у! У-у-у!» – «Ой, господи, правда!» А я стою и думаю: «Это неправда, где-нибудь, може[*m*], жену кто-нибудь... Или собака воет». Нет. Я прихожу утром: «Тётя Феня! Правда, было.» – «Вот, ты не верила, что русалки. Есть русалки!» Вот так; в Тихотки-реки. А никто не видел <...>; как женщины голосят так, таким голосом. <...>

Кривоногова С.Ф. Рая, 2006.

455. Некоторые говоря[*m*], что русалки – это утопленники... а только это не так! Русалки – это фараоново отродье. А фараоны эти были вот какие: слышали, наверно, как Моисей свой народ из Египту выводил? Вот ему нужно было свой народ через одно море вести, как быдто. А враг (это фараон со своим войском) гонится, скоро уже догон[*ит*]! Вот Моисей помолился хорошенько и получил вразуменье, как спастись. Образовалась в море как бы сухая дорога, и народ пошёл по ней, а фараоны погнались сзади... Да только как зашли, часть из них на середину моря, вода и залила их. Так яны вси и утонули... А только яны не погибли вовсе, а стали русалкам! Но только яны не остались <...> в одном море, а расселились повсюду, потому русалки умеют и по суше ходить.

Лавягина А.Д. Зап. В. Егоров в д. Колькья в 1936 г. ERA Vene 8, с. 415, № 375.

456. [*Около берега там как пещеры вырыты. Что там такое?*]

Р.А.: Это от воды, вода пещеры сама сделала, работала.

[*А там никто не живёт?*]

М.И.: Нет, нет, не слышали. Мы маленькие бегали по этим горам, так помню, зайцы ещё оттуда выскакивали. <...> Другой раз сумку спрячем школьную. Тоже хулиганы такие были... Другой раз не хочется в школу, урок не выучил: «Ой, пойдём, в эту нору сумку спрячем!». <...>

Р.А.: Вперёд меня, когда мама моя... они рассказывали. Говорили, что в платки, головные платки книжки завёрнут и пойдут. А хотим, идём в школу, хотим – нет. <...> А у нас тут гора... И вот на этом на платке, на книжках, прокатаемся. Дети идут домой, и мы, говорит, идём домой. Зато отец спрашивает: «Девка, что-то вам задано сегодня?» – «А “Нива”». Какое-то стихотворение «Нива» было. И говорит, что по три года ходили в школу и эту «Ниву» всё учили, никак не было выучить...

Варунина Р.А., Кивиорг М.И. Калласте, 2006.

457. Мой свекор говорил, что был в их в деревни один дом спорченный. Никто там спать не мог. Пришли раз в деревню ночлежники, пошли в тот дом. И набралась леших полна комната. Начинают ночью выживать лешие все. А в каждом доме, говоря[m], есть «хозяин». Пришел раз колдун и взялся очистить этот дом. Вошёл ён в дом и поговорил с невидимым «хозяином», чтобы выжить леших. Домовой говорит, что в него сил нет их выгнать, а колдун сказал: «Ничего, я помогу». Лёг колдун на кровати, а домовый на пороге. И вместях яны весь дом очистили. С тех пор ни одного лешего не было.

Болтова О. Зап. О. Громов в Муствеэ в 1938 г. ERA Vene 12, с. 608, № 3.

458. И еще вы знаете, вот я вам такую басню расскажу. <...> У нас там вот, где мамыны родители, вот бабушка живет, там рядом построили вот домик. Ну, и этот домик не святили. Там жили... <...> И вот эта Зинаида <...> рассказывала, у нее глаза из орбиты вон выходили: «Ко мне ходит домовый. Он каждую ночь мне не дает покоя. Говорит, как только вот одиннадцать часов, проходит двенадцатый, начинают стучать двери. <...> А я начинаю вот читать молитву. Ну, говорят, вот надо читать обязательно “Верую во единого Бога Отца”. А я эту молитву-то до конца не знала. И, говорит, как только вот перед двенадцатью – и открывается дверь, он, говорит, как мужик, только вот копыты. И он на меня навалится и душит, и я, говорит, когда вот говорю: “Верую во единого...”, а он ещё скажет: “Верую во единого” да и рассмеётся», что она молитвы-то этой не знает». <...>

[Так может, это уже не домовый, а черт?]

Вот не знаю. Но вы знаете, <...> с ней случился несчастный случай. Ну, как, у нее были сырые дрова, вот, топила она. И она никак не могла вот разжечь эту печь. Она лучину-то положит, лучина обгорит и опять погаснет. И ей вошла мысль, что надо <...> керосином туда бросить. Она керосину вот так как плескнула!.. (А там уже, где погорит немножечко, обуглилось, и вот это газы-то там собрались.) Она как плескнула вот туда, и только обратно пламя-то и её... Вот, она обгорела. <...> И её отвезли в больницу, и она, по-моему, или на пятый или на шестой день умерла. <...> А может, вот это предвестник был...

Ремец А.М. Варнья, 2006.

459. В одном селе жила вдова с сыном. Сына взяли в солдаты. Там он перед концом своей службы заболел. Вдова рассказала свое горе в деревне. Там ее научили на Новый год в трубу прокричать его имя три раза. Она так и сделала: пошла домой, открыла шибир и прокричала три раза его имя. Наутро проснулась и слышит – кто-то стучит. Пошла к окну и видит – ее сын стоит. Сын вошел в комнату и рассказал, как он шел по улице, подхватило его ветром и принесло домой.

Зап. В. Семенов в Муствеэ в 1930 г. ERA Vene 1, с. 541, № 1.

460. Недалёко это было, вёрст двенадцать, говорили; <...> в деревню прибегли девять волков и под крыльцами стали, как собаки. Говорят, что люди были оборочены со свадьбы. Их разыскивали, и нашли, и уложили в сани, и повезли домой. А когда за ними приехали [родственники], сказали, что вы их не трогайте; как заснут, мы их возьмём. Обороченные волки бегали, как овцы, стадом. Ребята выгонют, тычкам бьют, так яны за кустам прячутся...

Матросова Е.А. Зап. О. Брандт в. Березье в 1940 г. ERA Vene 15, с. 44, № 9.

461. Вот, тоже ещё рассказывали. Ехали на какой-то праздник – это бабушка рассказывала – на лошади. И вот, что вот конь видел, что он ржал и на дубы становился? Вот, что в глазах скотинина видела? И было никак не переехать, вот. <...>

[Человек не увидел...]

...а скотинина увидела, да, чувствует, что вот это будет.

[А про свадьбы не рассказывали, что портили молодых или останавливали?]

Ну, свадьбы как же... Ездили по деревне, ворота делали, останавливали, зерном осыпали, конфетами осыпали – это в раннее время. И сватов засыпали в дом; не так, как теперь – погуляют, и в загс, и всё.

[А такого слова не было – «клетник» или «клятник», со стороны жениха?]

Это «сват». У нас, как в деревне, назывался «сват». <...> А свадьбы, да, по деревне с шарками, бывало, едут. <...>

[А не говорили, что «портят» свадьбы?]

Ну, в раннее время что-то всё-таки было. Что если не во время свадьбы, то потом. Мало ли, вот, я любила, а вот меня не взял, а взял другую, то делали порчи, разные делали. То, бывало, на ручки навязывали пепел да уголья, да вот такое в тряпках. На ручки дверей. Это делали; как это – с зависти или с-за ревности. <...> Худобу-то делали. <...>

Кузнецова А.А. Варнья, 2006.

462. На хуторе жила когда [*замужем за эстонцем*], у меня скотина была: коровы, телятки, поросятки, петушки; овцы были. И вот они сталидохнуть. Сначала одна овца подохла, другая; потом три поросёночка подряд сдохли. Ни с того, ни с сего. Росла-росла скотина – и сдохла. И я как-то пошла туда, в зад – у нас курятник был в заду, за ахлевом – и я запуталась ногам в чёрной нитке. Катушечная такая, на чём шьют. И взяла я эту нитку, хотела с ног-то снять, а она и тянется, и тянется... Я стала за ниткой идти. А она, оказывается, вокруг курятника и ахлева три раза обведена. Тогда я думаю: «Чё это такое? Дети или нет?» Я спросила у детей: «Вы это делали?» – «Нет, не мы.» Тогда я как-то с братом стала говорить. (Кто это сделал, я не знаю; грешить ни на кого не буду, потому что я не видела. Но это не просто так эти нитки там очутились.) И вот, приехал брат ко мне на хутор и я стала ему рассказывать. А он говорит: «Сестра, ты разве не слышала, что от всего злого и от порчи забивают осиноый клин перед дверью в ахлев?». Я говорю: «Я такие дела не делала, я боюсь». А он говорит: «А я сделаю, давай!» Я тогда скотину и теляток вон, в поле; святой водой их попрыскала и все эти четыре угла [*в хлеву*]. Я думала, что на скотину это нельзя, а мама сказала: «Ты, доченька, на всякий случай попрыскай». И над дверью, и над курятником я навешала осиновых веточек с листьями, в самом ахлеве. Нечистая сила осины боится, это поверье идёт такое. А брат перед входом вбил осиноый кол: заточил его остриё и вбил в землю. И вот после этого как рукой сняло. Скотинка перестала болеть, и куры стали нестись. А то возьмёшь яйцо – оно в руке лопаётся...

Кивнорг М.И. Калласте, 2006.

463. Это было в Посаде Чёрном. У одной вдовы украли сети. Зимой, когда она повесила сушить, их украл один молодой человек. Вдова хотела узнать, кто это сделал, и она пошла к гадалке. Когда она пришла к ней, у ней был один человек. После ухода его гадалка сказала, что я знаю, зачем ты пришла, что у тебя украли. Вдова попросила помочь ей, и она согласилась. Она положила бумажку на стол, поставила стакан с водой и положила туда венчальное кольцо. Обернув кольцо в воде, она позвала узнавать того молодого человека. Вдова же сразу узнала его и попросила отомстить. Гадалка спросила: «Что ты хочешь сделать? Если набросить петлю на стакан, он может удавиться». Она это и сделала. Когда вор пошёл в лес за спусками (*кольшки, к которым привязывают сети*), взяв свой ремень, он удавился.

Козлов И. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 134, № 7.

464. В одного сапожника товар много крали, и этот сапожник вздумал в Чудиново к колдуну ехать. Приехал тудечкося и спрашивает: «Где тут колдун живе[m]?». Там ему указали. Приехал ён к этому человеку и стал рассказывать. Взял колдун ножик и поставил на стол стакан с водою, стал ножиком по столу побрякивать и о стакан с водою и сказал: «Смотри теперя в стакан и увидишь, кто крал». Посмотрел ён и види[m]: сапожник один знакомый. Колдун и говори[m]: «Что хошь таперя, то с ним и сделай, хошь – глаз выколи, хошь – рот разорви». Ён взял и выколол глаз. Приехал ён домой и види[m] там – в сапожника глаза нет. Шил сапоги, говорит, и шилом ткнул в глаз.

Сулина В. Зап. О. Громов в Муствеэ в 1938 г. ERA Vene 12, с. 590, № 1.

WWW.STAROVER.EU

Приметы, поверья, бытовая магия

465. Если на Благовещение нет сосуллек (утренника-мороза), так летом не будет огурцов.

Иванова Е. Зап. О. Гильдебранд в Муствез в 1949 г. RKM Vene 3, с. 197, № 4.

466. Когда до Егорья гром загремит, то будет холодное лето, а если после Егорья – тогда жаркое. Егорьев день – когда коров выгоняют.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 41, № 84.

467. На озере замечали – Егорий придёт (26 ноября) – так с мостом, а Никола (6 декабря) – с гвоздём. Егорий заморозит, а Никола все дырочки еще загвоздит.

Сахаров В. Зап. О. Гильдебранд в Муствез в 1949 г. RKM Vene 3, с. 178, № 14.

468. Если «яблочные» тучи маленькие, белые – погода долгое время будет хорошей. Пёстрые тучи – сильный ветер, к дождю.

Венгиров Т.В. Зап. М. Феклистов и И. Венчикова на о. Пийрисаар в 1969 г. TRÜ VKK 72, с. 18, № 18.

469. Курицы щиплются – к дождю либо к снегу.

Булкина А. Зап. в д. Межа (о. Пийрисаар) в 1941 г. ERA Vene 14, с. 323, № 54.

470. Самовар вует – к плохой погоде, ветру.

Булкина А. Зап. в д. Межа (о. Пийрисаар) в 1941 г. ERA Vene 14, с. 323, № 55.

471. Когда мокрик [*западный ветер*] задует, хоть какой мороз – всё равно нагонит тепло. До дождя доходит.

Клявин И.Л. Калласте, 2006.

472. Когда дождь и солнце одновременно, говорят, что праведники радуются, а грешники плачут.

Зап. О. Колпакова в Муствез в 1930 г. ERA Vene 3, с. 357, № 2.

473. Когда солнце светит и дождь идёт, говорят, что все утопленники плачут.

Зап. В. Алешкин в Муствез в 1930 г. ERA Vene 3, с. 325, № 2.

474. Когда солнце светит и в это время дождь идёт, то говорят, что праздник утопших.

Зап. П. Башкиров в Муствез в 1930 г. ERA Vene 3, с. 331, № 2.

475. Когда солнце и дождь летит, говорят, что [*ме*], которые умершие слепые, в тот день видят.

Зап. В. Горюшкина в Муствез в 1930 г. ERA Vene 3, с. 337, № 2.

476. Когда дождь и солнце идёт вместе, то говорят, что русалки купаются.

Зап. О. Рутин в Муствез в 1930 г. ERA Vene 3, с. 150, № 7.

477. Когда дождь и солнце одновременно, то говорят, что волк в лесу хлеб с маслом ест.

Зап. Т. Демидов в Муствеэ в 1930 г. ERA Vene 3, с. 341, № 2.

478. Если дождь льётся, когда к венцу едешь – слезливая жизнь, а ясно – жизнь счастливая.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 40, № 82.

479. [*В дом к А.Н. Богдановой заглянула еще одна соседка, имени которой мы не успели зафиксировать. От неё записано следующее поверье:*]

Говорят, что самое хорошее – услышать в первый раз кукушку, когда рано утром встанешь. А вечерняя кукушка не приносит пользы.

Калласте, 2006.

480. Ежели в понедельник в бабы рубашные (*менструация*) приду[*m*] – к подарку; во вторник приду[*m*] – полюби[*m*] парень; в среду – к стыду; в четверг – к сватовству; в пятницу – к горю; в субботу – любовно объяснение буде[*m*]; в воскресенье – к знакомству новому.

Березина Е. Зап. О. Громов в Муствеэ в 1938 г. ERA Vene 12, с. 572, № 5.

481. А вот перед смертью моего брата – царство небесное Ивану... – мама говорит: «Доченька, беда будет... Прямо, говорит, иду – и на кастрюле крышки вот так и прыгают. Не топится, и воды нет, и не кипит, а крышки, говорит. Это домовой уже даёт мне знать, вот так крышки... Это, говорит, к извещению к какому-то». Так вот, всё это крышки стучали перед смертью брата. <...>

Кивиорг М.И. Калласте, 2006.

482. Цветник (*горшок с цветком*) опрокинешь, когда замуж идёшь – муж помрёт.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 67, № 164.

483. Когда крыса обвалится на человека – в тюрьму попадёт.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 39, № 77.

484. Ворон летит, кричит – с какой стороны летит, с той стороны несчастье.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 42, № 90.

485. Горбом кот в какую сторону сидит – с той стороны будет гость.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 42, № 89.

486. Чтобы кто-нибудь крепко заснул, нужно мертвецкой костью обнести.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 65, № 160.

487. ...А вот что насчет пожара, то да. Вот, вербная суббота..., когда с вербушкам ходили, так вот эту вербу надо положить на чердак от пожара.

Курилова-Быстрова З.В. Большие Колькья, 2006.

488. Часто, в прежнее время, когда что-то страшное является во сне, то верили, что это дворовик приходил. Последнего спрашивали: «К чему бывал – к добру или к худу?» Каков ответ, таков обыкновенно бывал и результат.

489. Как-то в нас тож говорили, что дворовой ходил, <...> давил, да... Я тоже как-то – перед тем как моя племянница в Мустве умерла, за день её смерти, – вижу во сне ейных две дочки; ну, не во сне, даже не сплю. <...> Открыли дверь да: «Бабушка...», как говорят что-то. <...> На другой день так же само вошли этих две дочки ейных: «Мама умерла!» Так же само, как я за день этой смерти видела. <...> Мы так дружили; племянница была такая примчистая. Идёшь, бывало, на рынок, так уж не пройди мимо. <...>

[А Вы начали про дворового рассказывать...]

Ну, не знаю, у меня не было такого... «На меня, говорит, навалился дворовой. Меня сегодня дворовой давил». Или по дому ходил. Вот, ходит, ходит человек по дому; так вот, как будто кто ходит. А не видишь, кто ходит. <...>

[Он пользу приносит или вредит?]

Не знаю, не знаю... Больше в таки речи не входивши. А так вот только слышишь, что: «В меня сегодня дворовой был!» Или хломается там, наверху. Другой раз слышишь: никого в доме нет, а хломается. Я тоже это бывши... [слышала] в другой раз, что кто-то хломается наверху. Знаю, что здесь никого этот раз нету дома, а кто-то наверху хломается.

[А что такое «хломается»?]

Стучит, ходит. Ходит кто-то...

Зарина Е.К. Кикита, 2006.

490. Приходят утром в хлев и видят, что все сено у коровы раскидано, а корова сама голодная. До сих пор верят, что корова не в понраву дворовику-хозяину, масть не подходит. И корову обыкновенно меняют, ища масть в понраву дворовику.

Березина А. Зап. Ф. Коняев в Муствеэ. ERA Vene 2, с. 324, № 41.

491. Чтобы избавиться от дворовика, то кладут отказ-траву в хлев.

Козлов И.С. Зап. Ф. Коняев в д. Колькья. ERA Vene 2, с. 419, № 174.

492. Раньше говорили, что домовой мог, в доме жил.

[В каждом доме?]

Не у всякого; они узнавали по скотине. Если лошадь была (где рыбаки, там и лошадь была), и если она придёт утром вся взмыленная такая, значит, домовому она не подходит. А если у неё грива заплетена, значит, по двору приходилась.

[А почему она взмыленная?]

Ну, значит, её кто-то загонял за ночь. Домовой. Что-то ему не понравилось...

[А Вы «ласка» ещё сказали...]

А ласка тоже... Так вот, думали, что ласка, может, косы заплетала; такие зверьки, в доме живут; они, как мыши, таки длинные.

[Так ласка и домовой – это разные?]

Да, это разные. Так вот, я не знаю; если ласка заплетала косы, уж не домовой тогда.

[А «дворовой» не говорили?]

Нет, у нас только домовые были.

Повилайтис М.В. Калласте, 2006.

493. [А в доме есть какой-то хозяин?]

Да, домовой. Домовой, сказали, бывает. А Бог знает...

[А домовой полезный?]

А есть добрый, а бывает, что и плохой. Мама вот раз тоже говорила. «Как так, я легла и не перекрестилась. И, говорит, мне так давит на грудь; я не могу уже дышать. А он

и шепчет мне: “Не перекрестилась, легла спать!” Подсказывает. Кто, говорит, шептал мне? Вот, я скорей встала, перекрестилась и потом всегда и постель крестила, и сама... Больше, говорит, не забывала никогда». Вот так, придёт домовая и задушит, если не будешь молиться.

Ушакова Г.И. Кикита, 2006.

494. Домовой за печкой или под печкой. На ночь надо оставлять блюдечко с молоком и кусочек хлеба, чтобы удобрить этого домового.

Кивиорг М.И. Калласте, 2006.

495. На Иван-день приносят *дедовник колючий*, только с одной головкой. Выкопать с корнем и несть на скотный двор, в угол положить – тогда не испугает скотину дворовой.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 76, № 180.

496. Свёкор говорил, не понравится дворовому – у нас говорили «дворовой», который скот охраняет, – какая скотина не понравится, он будет каждую ночь щекотать, будет она худеть, так и концы отдаёт. А понравится – то косички заплетает и расчёсывает. И тогда такой ухоженный будет конь. И он живёт в согласии с дворовым; он может и сена добавить, если хозяин мало даёт.

Кивиорг М.И. Калласте, 2006. Записано от руки.

497. [*А в бане какого-то банника не было?*]

А кто знает, вот это правда аль неправда. В меня была сестра-покойница, сестра, которая померши, и мы были в войну акуированы [*эвакуированы*] вон с Пийрисара, жили в эстонцах. <...> Крестьяны пустили нас туды жить. <...> Так вот сестра говорила, что яна вот видела, как вот в печку побежал черный, говорит, только лапы красные смигнули.

Фокина Д.Я. Варнья, 2006.

498. [*А не рассказывали, что в озере какой-то хозяин есть?*]

Как-то называли его, я уже и забыла теперь. Как-то детей нас пугали: «Не ходите рано купаться. Вот, вас возьмёт этот..., водяной, водяной, водяной!» А мы что ж, боялись, конечно, но никого не видели. <...> Это они нас, наверно, пугали, что мы в холодную воду лезли...

Ушакова Г.И. Кикита, 2006.

499. Говорили, что под печкой черти какие-то водятся.

Жулина-Тарелкина А.С. Муствез 2006.

500. Чтобы выгнать забравшегося под печку чиркуна, то хозяйка дома, по большей части старуха-мать, брала сковородник, садилась на него верхом и бегала по горнице кругом три раза, приговаривая: «На войну, на войну, на войну!».

Юденкова А. Зап. Ф. Коняев в д. Варнья. ERA Vene 2, с. 360, № 88.

501. [*Рассказывали нам, как выгнать из-под печки «чиркуна». А что это такое?*]

«Чиркун» естя такой... Я не знаю, чиркун у нас называли этот... Вот, на языке крутится, и... По-эстонски «*gittik*» называли его... Кузнечик! <...> Откуль ён попадёт туды-ка – или в плиту, или под плиту; где-нибудь щель, туды попадёт и всё время он там трещит, поёт. <...> Это я в эстонцах тоже был, тоже выгоняли. И кипятком туды кидали – никак! Ён так далёко... Кирпич-то клали, а сега... (Ну, «сега» называли. Это раствор, а мы называли «сегу».) А ён, наверно, такой слабый, что ён всё время дальше и дальше там это

пробивается. И вот ён всё время поёт там, кузнечик. Так иной раз хозяину уже надоест, так кирпичину возьме[m], вот всё-таки убьёт его. Всё время трещит он тама, надоедает. Може[m], зимой-то и заснёт...

Поляков С.Ф. Варня, 2006.

502. Илья-пророк, гром... Говорят, бросит камень в воду холодный – купаться нельзя. Это раньше говорили. И счас всё говорят, которые постарше.

Аганичева А.Д. Муствез, 2006.

503. Несколько лет обратно, когда я первый раз [в году] услышала – дятел стучал, я говорю: «Ой, дятел стучит!» А сосед Пётр говорит: «Молчи! Это он настукивает деньги». И вправду: через несколько дней пришёл перевод от дяди – пятьдесят рублей, в рублях. И правду дятел настучал – деньги пришли, откуда не ждёшь.

Богданова А.Н. Калласте, 2006.

504. На Иван-день сядь на крышу и надень узду. Тогда увидешь, где огонёчек горит, там клад и е[сть].

Булкина А. Зап. в д. Межа (о. Пийрисаар) в 1941 г. ERA Vene 14, с. 320, № 37.

505. А вот ещё примета такая – загадай желание. Бабушка мне говорила. И это от зуб хорошо. <...> Она говорит: «Вот, зубы если болят, когда новая луна, новолуние, гляди на луну и не моргай. И «Отче наш» прочитай, не моргая. И «Аминь» сказать. И тогда зубы хорошие, и желание сбывается».

Ушакова Г.И. Кикита, 2006.

506. ...Мне в памяти осталось, как бабушка, как мы приезжали, что она говорила, ну здоровалась-от с лесом. А когда последний раз были, как она кланялась, как она простилась; ну это: «Простите и...» как... Уже слова все забыла, но помню, как сейчас, перекрестится и всё кланяется...

Топкина Е.Е. Муствез, 2006.

507. Мама моя говорила: «Когда первый раз идёшь в лес, ступи одной ногой, поклонись лесу в пояс и прочитай заговор: “Спаси меня, Господи, от зверя бегучего, от змея ползучего, от лихого человека! Спаси, сохрани и помилуй!” Три раза, и тогда можно обеими ногами в лес...».

Полякова Р.А. Варня, 2006.

508. М.И.: Это мама меня учила; говорит: «Доченька, когда пойдёшь в лес за ягодами или за грибом, обязательно, как в лес, говорит, зайдёшь, перекрестись три раза и поклонись на все три стороны и скажи: “Здравствуйте, звери лесные, птицы небесные и пресмыкающиеся!” И тогда, говорит, ты не одного гада не увидишь, даже лягушка тебя, говорит, не потревожит». И я точно, я помню, что я вот ходила и всегда вот так, зайду в сторонку там от людей и тихонько, сама про себя на три стороны в лесу поклонюсь, скажу эти слова. И правда, я никогда никого не видела. Когда я вот ходила без этих слов, и я пришла, – чернику мы собирали, – и такая кучка, как кочка, и ягода такая крупная. И смотрю – этак палка лежит. Думаю: «Я счас эту палку откину и ягоды эти соберу». Ой, змей... Да я как закричала; я после этого и в лес не стала ходить. И вот, пришла без ягод, без всего, бледная, меня всю трясло. <...> Мама говорит: «Что с тобой, доченька?» Я говорю: «Да вот, мама, змею чуть рукой не взяла. Я больше в лес не пойду!» После этого

она меня научила вот такому. Я говорю: «А чё ты раньше мне не говорила?» – «Да вот? как-то не случилось...»

[*А змеи куда-то уходят или просто их не видно?*]

Не видно вообще, ну, не видела даже. Они есть, но я их приветствовала, зашла в лес; слова-то приветствия. И они, как «Мы с тобой одной крови!» в «Маугли», да... <...>

[*А если всё-таки укусит гад, что тогда делать?*]

Ну, говорят, если ран на губах нету, и во рту там зубы здоровые, то надо сразу высосать и выплёвывать. Первая помощь. Сразу это место, где укусили.

Р.А.: Потом, говорят, лягушку надо привязывать к этому месту. Живую лягушку, да. Держать её просто на этом месте, лягушку.

Варунина Р.А., Кивиорг М.И. Калласте, 2006.

509. [*А что делали, чтобы змеи в лесу не трогали?*]

Надо сказать, что: «Бог в помощь!», «Здравствуйте там, все змеи и всё... Бог в помощь вам!» Когда в лес в первый разходишь, с йим поздоровался, и всё. Сказать это. И клещи тоже так же, что: «Мир вашему дому!» Разговаривать надо с лесом, когда первый раз. <...>

Тихомирова Х.И. Калласте, 2006.

510. Первый раз весной в лес идёшь, надо говорить: «Спереду огонь и сзаду огонь». Три раза сказать – змей огня боится. Скажешь, тогда все лето ни одного не увидишь.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 66, № 161.

511. [*В тетради, которую Р.Д. получила «из эстонского дома», есть такое заклинание:]*

«Федор и Самсон, разберите мой приятный сон в радости и корысти, а мне, рабы Фёклы, на доброе здоровье. Аминь.»

Полякова Р.А. Варнья, 2006.

512. Мне скарался [*приснился*] про мово мальчика сон, что я шла с деревни, и вдруг серый волк. И схватил меня за персток, мизинец, значит. Кусил, и больно было. Я скатилась прямо наземь. Лежу и гляжу, что крови нет, а волк кусил. Через год умер мой мальчик, пришёл сон в руки, теперь и в сердце больно зато.

Матросова Е.А. Зап. О. Брандт в д. Березье в 1940 г. ERA Vene 15, с. 43, № 8.

513. Который правильный сон, так его долго помнишь, а коли скоро забудешь, то это путля, кровь волнуется просто.

Матросова Е.А. Зап. О. Брандт в д. Березье в 1940 г. ERA Vene 15, с. 43, № 6.

514. Половики расстилаешь (*во сне*) – дальний путь.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 50, № 112.

515. Платки видишь (*во сне*) – письмо будет.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 51, № 113.

516. Змей укусит за ногу (*во сне*) – забеременеешь, мальчик будет.

Пахурина А. Зап. О. Гильдебранд в Калласте в 1949 г. RKM Vene 3, с. 65, № 158.

517. На Иван-день иди, когда папоротник цветёт, ищи. <...> Там не папоротник, а там эти, как огоньки, маленькие-маленькие вот такие червяки; они отражаются, как

огонёк. Где там папоротник цветёт? А это молодые, парень с девушкой: «Пойдите, найдите; папоротник цветёт!» Они найдут, найдут... Так найдут, что через девять месяцев светлячок появится...

Улексина Г.Г. Кикита, 2006.

WWW.STAROVER.EU

Народная медицина, лечение заговариванием

518. Батюшка лечил бесплатно, <...> травам лечил, вылечивал разную болезнь и говорил, что только до Ивана-дня травы помогают... Травы надо собирать только до Ивана-дня.

Курилова-Быстрова З.В. Большие Колькья, 2006.

519. И вот у нас ещё, вот, святую воду в Крещенье. Бывало, был у нас старый истопщик в моленной, он топил. Он пойдёт, обязательно сделает вот так, как крест; вот так проруб. <...> И батюшка ночью, когда с утрени, ходил туда с крестом, и вот в озеро крест опускал, там и кадил, и с этого проруба брали воду. Это считалась святая вода. И вот, дорогие мои, эта вода стоит в бутылке – ни пузырька, ничего; прозрачная, вот, как будто она только из колодца. <...> Ещё люди в своё время пили, когда желудки болели. <...> И вроде эта святая вода помогала людям.

Кузнецова А.А. Варнья, 2006.

520. [*А у вас святили воду?*]

Раньше – да; раньше батька ходил на эту... на озеро и там вырубал крест, и оттуда брали воду и тогда всем раздавали. Ну, и народ ходил сам туда на озеро. А теперь – не, теперь с колодца берут, теперь не ходят ночью на озеро.

[*А вырубали восьмиконечный крест?*]

Не, вот так, просто крест. <...>

[*А это место Иорданью не называли?*]

Называют, а как же. Батька с кадилой и крестит, кадилой кадит этот крест, и крестит и «Во Иордани крестившегося...», да. Он молитву читает, когда кадит. <...>

[*А не говорили, что в Крещение везде вода святая?*]

Нет, наверно только там, где покадит.

Кузнецова А.Ф. Варнья, 2006.

521. Бывало, в Благовещенье приду с моленной, так в мамы уже приготовлено – на тарелке два яйца сырых и серебряное что-нибудь. <...> И посылает на озеро; хотя ещё и лёд стоит: «Иди, мойся на озеро!».

Зарина Е.К. Кижита, 2006.

522. <...> Молния, ударяя в песок, часто расплавляет его, образуя каменный комок. Народ старается отыскать подобные комки, которые употребляют в качестве лечебного средства. Так, при зубной боли его кусают или натирают им больное место.

Козлов И.С. Зап. И. Коняев в д. Колькья. ERA Vene 2, с. 314, № 26.

523. Вот, в меня невестка... <...> Я говорю: «Что у тебя на кресту какая-то тряпка, какой-то клочок тряпочки?» Она говорит: «Вот, мама сказала, что надо купить ртуть и в тряпочку, и носить, тогда никакое колдовство не пристанет...»

Жулина-Тарелкина А.С. Муствез, 2006.

524. Живое серебро [*ртуть*] носят при себе, что ему не сколдовали бы или чего не повредили. Это молодые во время свадьбы прежде себя оберегали. Кусок рыбной сетки запасены – обвязывались ещё, что не разлучили их, не сворожили б, не сколдовали.

Булкина А. Зап. в д. Межа (о. Пийрисаар) в 1941 г. ERA Vene 14, с. 321, № 43.

525. Чтобы избавиться от красавы, кладут под подушку зарю-траву.

Козлов И.С. Зап. И. Коняев в д. Колькья. ERA Vene 2, с. 419, № 175.

526. Также под подушку кладут от красавы свиное рыло.

Козлов И.С. Зап. И. Коняев в д. Колькья. ERA Vene 2, с. 419, № 176.

527. ...Если змей укусит, так надо в землю <...> зарыть ногу сразу, или там за руку – в землю. Вот это присказки такие были.

Курилова-Быстрова З.В. Большие Колькья, 2006.

528. **А.С.:** Веники [*банные*] с берёзы. Они «ивановские».

И.П.: И там веники ещё выбирать надо было. Была «настка»...

А.С.: «Настка» и «полунастка». <...> Вот эта берёза, в ей лист, он какой-то простой. А в настке он такой лист, широкий и такой мягкий. И как блестит даже так, вот этот маленький листок. <...> А я так до сих пор так и не научилась эту настку понять. <...> Она такая – широкий лист и сама такая блестящая, а под низом такое, как шёлковое. Такой приятный этот самый; она как-то и бьёт по телу мягко, не так.

Жулины-Тарелкины А.С. и И.П. Муствез, 2006.

529. ...В Мустве съездим, там натопим [*баню*], напаримся. Там веники есть, сюда принесла двенадцать пар. К Ивану-дни, иванские, да; насточки... Берёза есть три сорта. Вот у нас берёза здесь, она – «плачущая берёза», у неё вот так веточки [*свисают вниз*]. Другая берёза тёмно-зелёная, ветки так; «глушина» называем. А «насточка», или «весёлка», она, знаете, веточки – как синевой отражается листочек, так она и шевелится, как живая. Когда сделаешь веничек, пойдёшь париться, его не надо мочить; и она к телу не пристаёт. Когда паришься, так такое чувство, что ещё хочется.

[*Эти веники до Ивана-дня делали?*]

Ну, сказать честно, я раньше к Ивану-дни не собирала: веники ещё, всё говорили, немножко свежееватые. Ну, на Иван-день, он как вроде <...> лечебный. Всякие травы собирают... Крапиву кладут в веник в середину, <...> ещё она жгучая. А с чистой крапивы, так её в кипяток кладут, чтобы она не жгла бы тело. И в веник кладут тоже и верес. <...> А кругом берёзку.

[*А верес для запаха?*]

Ну, там тоже свои свойства лечебные. Вот, вересовые ванны; ноги болят, так вересовые ванны. Моя свекровь делала своему мужу, отцу. Сажала его в это... квашоночка была, и вот, нагреет воду, и вот это вересу туды. И тогда она остынет, что можно ноги ставить, и парила.

Улексина Г.Г. Кикита, 2006.

530. ...А так иногда говорили, что, вот, дескать, ребёнку надо лоб облизать языком... Вот, если, например, плохой человек побывал в доме, то надо ребёнку языком лобик облизать, чтоб не было никакого сглаза. Вот эту примету я слышала.

[*А кто?..*]

Мать, мать... Мать всё-таки...

[*А к эстонцам лечиться не ходили?*]

Не, к эстонцам лечиться не ходили. У нас в Калласте были свои бабки; сначала была бабка Настасья, она хорошо лечила... Она лечила вывихи, потом, когда рука развихляется, она там ниточку привязывала, что-то шептала; и разные другие болезни. Потом вот Феофания Анушова была; рожу лечила и разные воспаления. Вот, говорили,

что помогает. <...> Она что-то говорила, у ней там какие-то тряпочки были, ещё что-то такое. А сейчас вот нет никого такого.

[А эстонцы не приходили к вашим лечиться?]

Нет, нет; не слышала. У них было своя... В общем, дело в том, что старoverы жили довольно изолированно; они в свою общину чужих не хотели пускать...

Керекеткина О.Ф. Калласте, 2006.

531. Это раньше были тут бабки... Как же их называли-то? «Ворожихи!» Я помню, я девчоночкой была, и мне так обкидало губы, и всё пузыри такие были, что я не могла и кушать, и рот открыть. Простыла сильно, наверно. И вот, бабушка там была одна в Рая (там деревня, вот туда, в сторону Мустве), она говорит: «Ой, сейчас, доченька! Утром встанешь, будут губки чистые в тебя». Я только помню одно, что мне что-то шептала, чем-то тискала. А что она шептала? Мне было лет шесть-семь, я и не запоминала. И над печкой. В воскресный день и над печкой: пламя такое большое, дрова горят в русской печке... Вот, она мне это всё тискала-тискала, молилась, потом что-то кинула в печку и говорит: «Иди! Утром, говорит, будут здоровые губки». И правда, я утром встала – ни одного волдыря!» <...> Вот, ранние люди знали эти все заговоры и умели делать. <...>

[А про земляных змей не рассказывали?]

Не слышала...

Кивнорг М.И. Калласте, 2006.

532. ...В моего мужа родного дяди жена, старуха, была. Она всё-всё умела заговорить. <...> Эта бабка, если принимаете ребёнка, она всё отразу заговорит, всё. И вот, если ребёнок там ночью бывает, что плохо спит или там что. <...> На зари как-то к окну поставит да что-то всё... Ну, говорила молитвы. Ничего такого, только слышала молитвы. Я вот сама, у кого свих там в руки или в ноги, идут ко мне. А у меня свекрова была. Она знала от свиха, да там кой-какие... Бывало, в лесу корова какая, на поле – бегут: «Тётя Васта, иди корову!» Она всё бросит и пойдёт. А теперь умирает, уже больная была горазд, умирает. А я пришла к ей и говорю: «Что ж ты, теперь, наверно, больше не станешь... Ты скажи, что как-то свих-то лечишь? У меня же тоже дети, так я хоть своих детей...» Она мне ничего не сказала, никакого дела. <...> «Ничего не скажу... Только пришёл кто, попросил – не отказывай. Иди всё с чистым сердцем. И вот такую-то молитву читай, три [больное место], больше ничего не надо. И никаких приговоров таких никаких...» А вот эта, про которую старушку говорю, она всего много знала заговаривать разные дела. И в ей тож внучка была. И сказано было: «Рима, я как заболела, ты тогда бери сразу тетрадку и всё списывай, я тебе всё перепишу». Говорят, раньше нельзя было сказать. А заболела, сразу на огороде паралич, и не стала ни говорить, ничего. И ничего не сказала внучке. А, бывало, как что: «Бегите к бабы Евгеньи! Бегите к бабы Евгеньи!» Эта знала всё заговорить...

Зарина Е.К. Кикита, 2006.

533. Да, вот ещё вам расскажу. <...> Это у бабушки была сестра Татьяна. И они рано остались маленькие без матери. <...> Приехали [сваты из Муствеэ] сюда, сосватались. Свадьба была не в нашем доме, а рядом вот, в Казепе, у бабушки Марфы, у сестры тоже их. <...> Зима была, цветов не было, и нарядили ёлочку [красу], невесте поставили. И загорелась эта ёлочка; ну, на ёлочке, наверно, были свечи. И <...> сгорела дотла эта ёлочка, не могли погасить. И тогда вот люди, бабки там собрались и сказали, что не выдавайте замуж, что её жизнь сгорит так же, как вот эта ёлка сгорела. Ну, а кто же там: раз свадьба – значит, свадьба. И она, вот я не помню теперь, сколько она прожила, но троих детей она родила. А он умер, муж. И вот этому младшему было три

месяца, когда он умер. А сестры как бы позавидовали тому, что ей достанется вот это... магазин, и дом, и всё. И вот, это было колдовство. Они пригласили ее в гости, она пошла в гости, вечером пришла. Всё ничего. А утром свекровь говорит: «Сходи за вареньем в подвал». Она пошла в подвал за вареньем и заблудилась в подвале. Ну, она уже как бы помешалась. И вот она ведь семнадцать лет была и как буйно помешанная <...>

[*Так это получается, испортили?*]

Да, это испортили, что вот в то время <...> были такие колдуны <...>.

[*А это колдовство можно отделать?*]

Так вот, они везде её возили; даже возили зимой через озеро, дедушка возил её к колдунам. И там сказали, что можете не ездить никуда, что сделано ей как бы на всю оставшуюся жизнь и очень у сильного колдуна. Что сделать [*нейтрализовать*] может только тот, что сильнее, а что он не может сделать ничего.

Калбина Т.М. Варнья, 2006.

534. Бабки здесь были у нас, рожу вылечивали. <...> [У] моего дяди жена была; она вылечивала рожу. И сколько к ей даже приезжали из городов, которые уже обращались к врачам и врачи лечили – и ничего не могли помочь. А она помогала. <...> У неё какой-то был заговор. Она брала красную тряпку такую, <...> и потом у неё был мел, и тогда был нож у неё и ложка. И вот она сначала что-то ножом и потом ложкой, а тогда на эту тряпку мелом что-то так чертила. И эту тряпочку надо было привязать к этому месту, где болело. И вот, только привяжешь – и уже боль проходила. У меня было точно так на руке: ни с того, ни с чего – сразу рука стала болеть. И так болеть стала, что сходу пошло покраснение; вот в этом месте [*А.Н. показала чуть выше локтевого сустава*] покраснение, и так блеснуть она стала – она очень блестит, когда это... И я пошла туда к ней. Пришла к ней, она посмотрела и сказала: «Это у тебя рожа». <...> Она мне как раз пошептала, привязала; я домой уже шла – у меня уже боли не было на руке. И здесь у нас старушка одна жила; она умела рожу заговаривать. Но в той опять какой-то другой метод был. Обязательно ей надо было... Тогда были тетради (в школу-то мы ходили) – крышка такая была тёмно-синяя. Обязательно надо было тёмно-синий лист; ну, такую тёмную. <...> И тогда она что-то шептала, карандашом водила опять. <...> У меня мамы стала рожа на руке, и мама меня послала, говорит: «Иди скорей к бабушке к Розе и скажи, что у меня, наверно, рожа». И я когда пришла – она тут соседка была – и говорю: «Бабушка Розе, мама прислала, у неё нога заболела, у неё рожа, наверно». Она взяла у меня ету... А я потихоньку между дверью стала глядеть: думаю, что она будет делать? Смотрю, она что-то шепчет и так вот просто... как ширкает на эту... И сказала: «Пусть она привяжет эту бумажку прямо к ноги». И мама привязала – и всё у неё прошло. А вот к тёти Зины туда приезжали даже с запущенной такой болезнью, что врачи не могли вылечить. И она помогала. <...> И ничего за это никогда не брала. <...> Она даже коробку конфет-то не хотела никогда брать. <...>

[*А заговаривали у вас на хлеб, на воду?*]

Не, в нас такого не было.

Богданова А.Н. Калласте, 2006.

535. Заговор силён только тем, что он передаётся из уст в уста. Записывать его бесполезно.

Полякова Р.А. Варнья, 2006.

536. [*А не было какого-нибудь заговора, если суставы трещат?*]

Не было. Но когда вот у нас... Опять за свекрову возьмусь. Это называли у нас «скрып». Когда развивалась рука, они называли «скрып». И у нас был такой сундук. Ну, куда клали муку, тогда клали зерно туда. И этот сундук должен быть без единого гвоздя сделанный вот, на деревянных пятниках. И всё ходили: «Анна Ивановна, полечи там вот плечо, вот, локоть». И она вот закладывала туда, вот этой крышкой крепко, вот так постепенно, постепенно прижимала. Ну, говорила, что: «Скрып, скрып! Ты уйди, откуда ты пришёл!» И людям помогало. Бывало, и мы... торопишься, вот что-то делаешь, вот тут развивалась рука, колено, плечо. Вот, бабушка наша вот это... Назывался «скрып», да, что «скрып пристал». Мазаньям он не поддавался. А вот должен вот помять, и чтобы в сундуке ни одного гвоздя не было бы. Раньше же делали всё на пятниках, всё ж из дерева. А он, когда крышка вот... бывало, поднимаете, она зажимает, и крышка скрипит на этих на пятниках-то на деревянных. И не так – «раз» да «раз!» Она так частенько; и больно, так даже кричали. Больно; ну, она же опухнет, рука, потом. Ну, а когда здесь вот на руки бывает, можно шерстяной ниточкой, завязывали. Обязательно красной почему-то, не знаю... Вот тут, как сустав здесь.

Кузнецова А.А. Варнья, 2006.

537. Если корова плохо доится, скинуть обручальные кольца и доить сквозь кольца – не будет крови. «Птичка летела сквозь ноги», от этого молоко красное. Кольцо поправит; сама [так] лечила корову.

Долгова М. Зап. О. Йогенер в Калласте в 1952 г. RKM Vene 4, с. 105, № 15.

Заговоры

538. Сон Пресвятой Богородицы, девы Марии

Препочивая еси пресвятая владычица наша Богородица в святом граде Вифлиеме в марте месяце. **И** прииде к ней во град Иисус Христос и рече ей: «**О**, мати моя возлюбленная, пресвятая Богородица!» Дева Мария рече со слезами: «**О**, возлюбленное мое чадо, видела тебя в Риме с двенадцатью апостолами, и один продал тебя за тридцать серебрянников. И жидове тебя позбив и связав и быв и приведен понтийскому Пилату и гемону столбу привязан и биша по главе тростию. **В** святое лице твое плеваша и терновый венец на главу твою возложиша и на кресте руки и нозе твои гвоздями пригвоздиша и распяша. **Между** двумя разбойниками на горе Голгофе и ребра твои копием прободоша. И изыдя кровь и вода на исцеления христиан и на спасение душ наших. **Тогда** и солнце замрачилось и луна в кровь обратилась и потрясесе и камни раздробишася надвое. **И** тогда бысть страх и ужас от шестого и до девятого часа. И некоем старцем пречистое тело твое с креста сняша. **И** благообразный Иосиф плащаницею чистою обвив. **И** в гроб новый положив и камень привален бысть. **И** в третий день воскресе и к мертвым во аду сниде. **И** двери железныя и врата адовы сокрушил еси и всему миру живот вечной даровал. **И** вознесся на небо и седе одесную Бога-отца.» **И** рече к ней Господь наш Иисус Христос: «**О**, мати моя возлюбленная, Пресвятая Богородице деве! Не ложен сон твой и справедлив. **Который** человек сон твой в чистоте его хранит, тому дому ни огонь, ни вода, ни разбойник, ни чародей и злой дух не прикоснётся. **Ангел** господень неотступно хранит его от всякого дьявольского мечтания и напасти избавлен будет и тому дому и людям спасение. **В** путь пойдешь и сон твой при себе будет иметь – никакой зверь, ни птица лютая, ни злой человек к тебе не прикоснётся. **От** всякой напрасной смерти избавлен будет. **Михаил** архангел ему путь укажет и спасение. **Во** имя отца и сына и святого духа.

Аминь.

Зап. в 2006 г. в д. Рая по рукописи, принадлежащей **Ф.М. Филимоновой**. Выделенные полужирным шрифтом буквы написаны киноварью.

539. Святое письмо

Господь Иисус Христос говорит: «Проводите праздничные дни со смирением и с молитвой, чтоб вы попали в царствие небесное.

Господь сказал, говорю вам старым и малым.

Если вы до сих пор не молились и не каялись о своих грехах. Идите в храм Господен и раскайтесь о грехах своих – от всего сердца и просите бога, за ближних своих и за врагов ваших и помогайте нуждающим в милостыне. **Кто** это письмо при себе носит, или другим прочитает, велика будет тому награда и грехов отпущение господом богом. **И** в том доме будет спасение. **А** говорю вам старым и малым: исполняйте заповеди божи, так как господь приказал. **Во** имя отца и сына. Аминь.

Кто это письмо при себе носит, к тому человеку никакой злой человек, враг, вор, грабитель [*не прикоснется?*] и от всякой злой пули, сабли и меча и от всякой напрасной смерти избавлен и помилован будет.

Это письмо содержится в виде духа Иисуса Христа, который за них пострадал на кресте. **Так** не оставь и меня во имя отца и сына и святого духа. Аминь.

Кто этому письму не верит, тогда испробуйте: привяжите все равно к какому зверю на шею и в него стреляйте – то вы в него не попадете. **Во** имя Иисуса Христа – от всякой раны и смерти избавлен будет. Аминь.

А. Б. У. П. П. Т. А. И. С. Д. Г. Ш. Н. С. И. М. М. Аминь.

Если у кого с носа идет кровь, то это письмо положите на нос, и кровь перестанет идти. **Б. А. Д. К. Ц. С. Ф. И. А.**

Во имя бога нашего Иисуса Христа. **Мария Иосиф** то для всех милость Великая Господа нашего Иисуса Христа, который за нас грешных был на кресте распят. **Аминь.**

Б. Ш. Щ. Е. В. С. В. С. У. И. Ш. Н. Аминь.

Святое письмо было собственной рукой Иисуса Христа золотыми буквами [*написано?*] и найдено было за иконой **Михаила Архангела** в монастыре. Ну кто неверующий в бога и в мать Божию, тому человеку пользы никакой нет. И также тому, который занимает это письмо и пойдёт на преступления – на грабёж, убийство – этому пользы нет от этого письма. **Во имя отца и сына и святого духа. Аминь.**

Зап. в д. Рая по рукописи, принадлежащей **Ф.М. Филимоновой**. Заглавие и выделенные полужирным шрифтом буквы написаны киноварью

- 540.** Ложуся я, грешная, со всей силой святой. Поклон.
Одеваюсь я, грешная, животворящим крестом. П.
Ангел мой, хранитель ночной, спаси и помилуй. П.
Рабу Божию Февронию – во сию ночь господню. П.

Зап. в 2006 г. в д. Рая по рукописи, принадлежащей **Ф.М. Филимоновой**. Эту молитву Ф.М. читает каждый вечер, отходя ко сну.

541. Молитва

О, пресвятая госпоже, владычице моя, Богородице, царица небесная! Спаси и избавь мя, грешную рабу твою, от напрасных клевет, от всякия беды и напасти и внезапных смерти. Помилуй мя в дневных часах, и во утренних, и вечерних, и во всякое время сохрани мя. Стояща и сидяща соблюди и на всяком пути ходящу. И в ночных часах спящу, снабди, покрой и соблюди. Защити мя, владычице Богородице, от всяких врагов моих, видимых и невидимых, и от всякого злого обстояния. На всяком месте и на всякое время буди ми, Мати преблагая, неборимая стена и крепкая заступница.

Всегда, ныне и присно и вовеки веком. Аминь.

Зап. в 2006 г. в Калласте по рукописи, принадлежащей **М.И. Кивиорг**. Хозяйка рукописи убеждена, что если прочитать эту молитву двенадцать раз подряд, она будет *«оберегать человека на всем жизненном пути»*.

542. Стану благословясь и пойду перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, в чистое поле. В чистом поле стоит стул, а на этом стуле стоит пресвятая Богородица и смахивает золотой пеленой и животворящим крестом с раба Божия П-а от пьянки, от брода, от драки, от злобы, от приски, от доспиши, от шуму, от лому, от ветрянного перелому, от колотья, от грыжи, от нечистого духа, от чёрного глаза, от плохих друзей, от ненависти, от свар, от лихого человека. Смахивает золотой пеленой и животворящим крестом. Во имя отца и сына и святого духа. Аминь.

Налево плюнуть три раза. Воду делать надо три раза и каждый раз снести на перекресток дороги к 12 ч. дня или н. **Вылить** за левое плечо и сказать: «Откуда эта боли пришла – туда и уйди». 3 р. аминь.

Зап. в 2006 г. в д. Рая по рукописи, принадлежащей **Ф.М. Филимоновой**. Подчеркнутые слова и буквы в оригинале выделены красным цветом.

- 543.** бир, ике, ишь, дурт, бишь, алте, жиде, сигос, тугос, ун

Зап. в 2006 г. в д. Рая. Текст написан полуставом и еще раз продублирован карандашом на оборотной стороне первого листа обложки книги «Два великих канона святому Паисию и Онуфрию», принадлежащей **Ф.М. Филимоновой**. По ее словам, этот заговор *«покойник отец писал»* (Максим Иванович).

544. Заговор от простуды

Если на теле человека от простуды появляются нарывы, надо их заговорить. Для этого берут из байни с каменки (лучше около подпечка) уголёк. Крутят этим угольком над простудой. И где-то в брёвнах своего дома находят сучок. Не отрывая взгляда от сучка, надо крутить угольком вокруг простуды и говорить три раза: «Прыщок, прыщок, ссохни, как этот сучок». Затем надо плюнуть через левое плечо, забросить уголь и сказать «Аминь».

Лепалева Н.Т. Зап. М. Феклистов и И. Венчикова на о. Пийрисаар в 1969 г. TRÜ VKK 72, с. 21.

545. На кашель: «Хрипота, хрипота, уйди на Федота, с Федота на Якова, а с Якова на всякого.»

Лепалева Н.Т. Зап. М. Феклистов и И. Венчикова на о. Пийрисаар в 1969 г. TRÜ VKK 72, с. 20, № 1.

546. Заговор от песьяков (ячменя)

Водят в стене вокруг липова сука безыманным пальцем три раза и говоря[m]: «Господи, благослови, Христос. Как сук в липы сохне[m], так и ты, песьяк, засохни. Аминь». Так надо говорить три разы.

Сулина В. Зап. О. Громов в Муствеэ в 1938 г. ERA Vene 12, с. 592, № 2.

547. Огонь Филипп, возьми свой прилип, отдай рабу Божьему доброе здоровье. (Заклинание от прыщей. На пепел капают водой, пепел бросают в огонь и три раза плюют.)

Лепалева Н.Т. Зап. М. Феклистов и И. Венчикова на о. Пийрисаар в 1969 г. TRÜ VKK 72, с. 6, № 6.

548. Если ребёнок ушибётся, то говорят: «У мышки боли, у кошки боли, а у раба Божьего заживи».

Зап. А. Прачкина в Муствеэ в 1930 г. ERA Vene 3, с. 371, № 5.

549. Когда выпадет зуб, то его вертят над головой и говорят три раза: «Мышка, мышка, дай мне железный зуб, возьми себе деревянный». Тогда бросают зуб за печку.

Зап. Ф. Аганичев в Муствеэ в 1930 г. ERA Vene 3, с. 322, № 3.

550. Когда зуб выйдет, то говорят: «Мышка, мышка, возьми репный, дай железный». Обнесут три раза вокруг головы и бросают за печку.

Зап. В. Алешкин в Муствеэ в 1930 г. ERA Vene 3, с. 325, № 3.

551. Зуб бросают на печь и говорят: «Мышка, мышка, возьми костяной зуб, а дай железный».

Зап. Е. Зыбина в Муствеэ в 1930 г. ERA Vene 3, с. 353, № 3.

552. Зуб бросают на печку и говорят: «Мышка, мышка, возьми свой костяной зуб, принеси мне железный зуб, чтобы не болел бы никогда».

Зап. И. Антропов в Муствеэ в 1930 г. ERA Vene 3, с. 329, № 3.

553. Когда зуб выпадает, бросают на печь и приговаривают: «Мышка, мышка, возьми свой костяной, отдай мой золотой».

Зап. П. Башкиров в Муствеэ в 1930 г. ERA Vene 3, с. 331, № 3.

554. Когда зуб тащат вон, то говорят: «Мышка, мышка, возьми себе серебряной, а мне дай золотой».

Зап. П. Борисов в Муствез в 1930 г. ERA Vene 3, с. 335, № 3.

555. Когда вылетит зуб, то покрутят вокруг головы и говорят: «Мышка, мышка, дай водицы пастуховой молодежи, пусть тебе репка, а мне золотой зуб».

Зап. Д. Жулина в Муствез в 1930 г. ERA Vene 3, с. 347, № 3.

556. Мышка, дай водицы пастуховой молодежи, пусть тебе репка, а мне железный зуб.

Зап. С. Жулин в Муствез в 1930 г. ERA Vene 3, с. 351, № 3.

557. Говорят: «Мышка, мышка, возьми костяной зуб, дай железный». Это говорят три раза и бросают через голову на печь.

Зап. А. Фишман в Муствез в 1930 г. ERA Vene 3, с. 411, № 3.

558. Бросают через плечо на печку и при этом говорят: «Мышь, мышь, возьми репяной, а мне дай костяной».

Зап. А. Уринг в Муствез в 1930 г. ERA Vene 3, с. 492, № 1.

559. Когда у ребенка выпадает первый зуб, то берут его, обносят три раза вокруг головы, говоря: «Мышка, мышка, возьми свой зуб костяной, а дай мой репный», и бросают испорченный зуб за печку.

Березина А. Зап. Ф. Коняев в Муствез. ERA Vene 2, с. 323, № 39.

560. Когда хлеб в печь ставят, говорят: «Печка-матка, сделай гладко; хлебы не коли, избу не студи!»

Лепашева Н.Т. Зап. М. Феклистов и И. Венчикова на о. Пийрисаар в 1969 г. TRÜ VKK 72, с. 87.

561. Говорят, когда хлеба в печь пихают: «Печка-матка, крась своих деток!»

Лепашева Н.Т. Зап. М. Феклистов и И. Венчикова на о. Пийрисаар в 1969 г. TRÜ VKK 72, с. 87

562. На пчёл: «Ты – оса, ты – огонь; я – вода, я залью тебя!»

Лепашева Н.Т. Зап. М. Феклистов и И. Венчикова на о. Пийрисаар в 1969 г. TRÜ VKK 72, с. 20, № 2.

563. ...Бабушка учила, не насчёт змеёв, а насчёт клещей. Вот, что заходишь в лес, бабушка всегда говорила: «Девочки, вот так говорите:

“Клещи, клещи,

Сидите в чащи.

А я, раба Божия (там, Антонина),

Пойду в лес и буду там ягодки брать”».

Кузнецова А.А. Варнья, 2006.

564. [От клещей]

Бог в помощь, клещи, сидеть вам в чащи; ваша чаша сладкая, как мёд, моё тело горькое, как осина.

Лепасва Н.Т. Зап. М. Феклистов и И. Венчикова на о. Пийрисаар в 1969 г. TRÜ VKK 72, с. 6, № 7.

565. Заговор корове, чтоб не болела

Пригода, пригода, старого года, в леса густые, в места пустые, где петухи не поют, где собаки не лают.

Лепасва Н.Т. Зап. М. Феклистов и И. Венчикова на о. Пийрисаар в 1969 г. TRÜ VKK 72, с. 6, № 8.

566. Заговор грызи

(Переписала) 10го декабря 1990 г.
Помолиться и проч. Богородицу

Могла мать тебя носить,
могла мать тебя родить,
а я могу все болезни и недуги заговорить.

- 1) Грызъ загавариваю, грызъ закусываю
и грызъ загавариваю раба божия (... имя)
на доброе здоровье
- 2) Грызъ закушу, грызъ загавариваю
и грызъ закушу щучьим зубом раба божия (... имя)
на доброе здоровье
- 3) Грызъ загавариваю, грызъ закусываю
и грызъ загавариваю раба божия
(... имя) на добр. здоровье

567. Ночница

Помолиться и проч. Богородицу

Могла мать тебя носить,
могла мать тебя родить,
а я могу все болезни и недуги заговорить.

повтор. 3^й раза:

Заря зарница, заря красная девица
возьми свою ночницу,
поди в темный лес,
под белую березу,
под горькую осину
там твое гнездище,
там твои дети твое попелище,
ходи по лесу гулять,
а дай рабу божию
младенцу (... имя) спать.

568. Заговор грызи

(Помолиться и проч. Богородицу)

Могла мать тебя носить,
могла мать тебя родить,
а я могу все недуги заговорить.
(от гада, от резоты, от всяких болезней).

569. I заговор течения крови

3 раза: кобыла белая беги и остановись,
а ты у (раба-рабы) Божия (... имя) кровь остановись.

570. II заговор от гада (когда идешь в лес)

Гады и жабы живите со мною в любовь
у меня сорок зубов.

571. III Лихорадка

Сказать один раз.

Могла мать тебя носить,
могла мать тебя родить,
а я могу все недуги заговорить.

3 раза сказать молитву, взять свечу (свеча должна быть от гроба покойника), свечой обжигать красные пятнышки, обвести горячей свечой вокруг головы 3 раза поджечь немного волос дать больному понюхать, бросить в воду, водой sprysнуть три раза и вылить воду на ретники где мало ходят.

Тексты №№ 566–571 переписаны в 2006 г. из тетради, принадлежащей М.М. Пушкиной, д. Тихеда.

WWW.STAROVER.RU

587. Мужик идёт на рыбалку; ну, зимой. А ловили секушкой; ну, счас называют «блесна», а в то время – «секуша». <...> Идёт и думает: «Эх, поймать бы хорошую рыбину! Продад бы, говорит, и Илье на свещу, свечу поставил». Садится, начинает теперь ловить и поймал хорошую рыбину, чувствует, что идёт рыба. «Нет, говорит, Илья! Это уж мне на табак, а ты там можешь быть и так». И рыба оторвалась, всё... «Илья, говорит, я ж пошутил, а ты, говорит, и взаправду рыбину забрал...»

Будашов М.Б. Калласте, 2006.

588. Или опять, если по жизни взять, да... Там в центре стоял памятник Ленину. <...> Ленин так руку держал на Тарту, шапку снял: а шапка здесь [*за спиной*], и голову повернул туда. И вот там был, как раз на том месте, большой пожар – там сгорело четырнадцать домов. Первый дом загорелся здесь, вот на этой улице, за моленну туда. И оттуда перекинулось, и там загорелось. А я как раз пришёл из армии. Здесь с другом-то идём туда, <...> идёт и говорит: «Мишка, вот ведь пожар-то был!» Я говорю: «Так я не видел же». – «Мишка, говорит, Ленину так стало жарко – шапку снял и голову отвернул!»

Будашов М.Б. Калласте, 2006.

589. Жили старик со старухой. Ну, не так-то старый был он, а старуха слепая была. А он в пороге сидел, и такой был верстачок, <...> справлял обувь. А яна теперь пекла или хлеб, или что; какая-то лепёшка спечёна хлебная, и несёт это... И заспорили что-то они. А этот дядя Тимофей как дал ей по руки, так эта лепёшка прямо в икону влетела. А молодёжь, ребята были под окном, видели. <...> Вот так и остался до смерти – «Дядя Бога лепёшкой убил».

Зарина Е.К. Кикита, 2006.

590. Знаете, как я заблудила однажды? <...> У самой дороги, что из Тарту идёт на Калласте. И я никак не могла выйти. Вы знаете, как меня водило! Я уже плакать стала. Вот, слышу, идёт машина по дороге; я пошла на этот гул. Пройдёт какое-то время – машина уже в другой стороне. Я опять разворачиваюсь, опять иду. Ну, никак не могла выйти! И тут, я говорю, рядом, совсем рядом. Вот, меня водило, пока сын уже там набрал грибов и пришёл, стал кричать меня и вывел меня. <...> Один раз у меня так получилось. <...>

[*А на озере зимой не бывало так?*]

Был, был... мой муж. Ушли уже почти на тот берег. С двоюродным братом как пошли, и как они там закружились, как они заблудили! Тогда ещё границ не было. Где-то уже под тем берегом оказались и нашли газету, «Псковская правда» или что... Там на озере кто-то бросил. Тогда поняли, что они идут не туда. Бывало, и на озере блудили; бывало.

[*А не говорили, что это леший или водяной «водит»?*]

А кто его знает... Наверно, и скажут так, что чёрт попутал.

Печенкина А.И. Калласте, 2006.

591. [*А что надо делать, чтобы покойников не бояться?*]

Надо покойника потрогать. <...> Можно по голове погладить, <...> за ногу, просто так за руку потрогать – и не будешь бояться. <...> Ну вот, ещё дедушка мой рассказывал, Аверьян Трофимыч, что был случай, что вот так как-то покойника унесли; а читали же трое сутки, день и ночь... И вот, вдруг... Шутку такую сделали. Стал покойник подниматься; и вот, кто читал, не растерялся и этой божественной книгой,

Псалтырь, по голове ударил. И сразу было два покойника, сразу насмерть убил. Вот это была шутка! Это, может быть, его родители уже рассказывали... <...> Они хотели подшутить. Что как-то был у них разговор, что: «Я не боюсь!». А кто-то говорит: «А я боюсь покойника». <...> И вот подменили: ну, лёг живой человек. Вдруг, чтобы его испугнуть, и вот он среди ночи – раз! голову, руки распахнул и садится. <...> Это, может, сто или больше ста лет, потому что уже моим этим дедам сто с лишним лет всем.

Кузнецова А.А. Варнья, 2006.

592. Замесила мать Вани тесто в квашне, поставила на печь, а сама ушла к соседке. Пришёл Ваня домой, окликнул – никого в избе нет. Хотел Ваня вздуть огонёк, как слышит – кто-то на печи крикает. «Видно, домовой!» – подумал Ваня, затрясся от страху, бросил лучину да бежать! Впотымах Ваня наступил на квашню, а она его по лбу. «Ай-ай, батюшки, помогите!» На ту беду разулся у него лапоть, он прихлопнул дверью ногу да и растянулся, и стал кричать во всё горло. Прибежали соседи, подняли Ванюшу ни жива, ни мертва; а как узнали, в чем дело, стали над ним смеяться.

Зап. Л. Топкин в Калласте в 1930 г. ERA Vene 3, с. 410, № 11.

593. В одном местечке около дороги был небольшой пруд. Когда мужики шли из кабака пьяные, то все жажнули в пруд [*утонули*]. Однажды одному мужику пришлось ехать ночью мимо этого пруда. Когда он только доехал, и вдруг он вспомнил, что здесь каждую ночь «чудится». Только он вспомнил, как почувствовал, что кто-то ударил его по спине. Мужик испугался и давай лошадь гнать что есть духу. Но чем быстрее он ехал, тем чаще и сильнее его ударяли по спине. Мужик остановил лошадь, слез с телеги и увидел, что его бьет большая палка, которая застряла одним концом в колесе, и когда колесо оборачивается вокруг, то конец шлепает его по спине.

Зап. О. Рутин в Муствез в 1930 г. ERA Vene 1, с. 538, № 2.

594. ...Бывало, в баню собираешься: «Снимайте крестики!» В баню – не; это грех. А так, чтобы причудилось, я не знаю... Я сама однажды. Чистили лук. Муж приехал с озера, лёг отдыхать, а я думаю: «Пойду чистить лук в баню». Взяла ещё маленькое радиво и сижу, и сижу. Теперь вот пришёл в ум, что говорят, что в двенадцать часов беси под полком играют. И вы знаете, что? А в бане [*т.е. около бани*] в соседях посажена малина. А пошёл ветер. И это вот малина-то, видно, по бане колотила. Не было б радива, то бы я не знала, скоко время. И мне самой показалось, что беси играют под полком, так я оставила и радиво, оставила и свет, и баню открытую. Фока утром встал и говорит: «Мать, а что у нас байня-то открытая?» Я и говорю: «Вот, я тебе расскажу – я бесов спужалась...» Так это, знаете, предчувствие такое. А самой в голову; думаю: «Двенадцать часов; ведь говорят, беси под полком играют». <...> А так никогда в бане не было никаких таких приключений.

Кузнецова А.А. Варнья, 2006.

595. [*А в бане не пугал никто, если поздно пойти мыться?*]

Это я слышала, что это была как шутка. Что кто-то тоже боялся в баню-то идти, а там дома или муж, или кто там переоделся и рукавицы или что он там какие шубные одел и... Раньше ведь ходили-то, света-то не было, а там какая-то лампочка, ну, может, как пятилинейка была, ну, что там света-то... И у нас, я помню, баня была, а в предбаннике было окошечко, вот куда ставили эту лампу, да. И вот отражение этого света шло в баню, потому что там жарко, лампа не горела. <...> Ну так, конечно, там любой мог зайти, ты и не увидишь особо-то, если... И поэтому старались мыться засветло. <...> И он вошёл; то ли она раздевалась, то ли одевалась, и он ей сзади вот

этой шубной-то рукой. Так, говорит, как сумасшедшая бежала из бани, не одеваясь. А это он пошутил.

Ну, это всю жизнь были и шутники такие, что подкарауливали. Вот, кто больно, ну, как бы усердствует вот в этом всё – гаданьи, вот все эти ворожеи, вот все. Им, конечно, что-то подстраивали. Так я помню, ну это уже <...> мы взрослые были, уже вечерами гуляли. И у нас была напротив такая Таня Тяпина, и вот она <...> очень боялась сама колдовства. От нечего-то делать вот возьмём, накрутим там солому кружок; да вот посреди углей положим; и золой посыпем; и ей на крыльцо положим вот это гнёздышко там. Она ведь сама не возьмёт, она ходит и просит, чтоб кто-нибудь ей убрал. А мы ходим поглядываем, когда же <...> она снимать-то будет его <...>. Или, не дай Бог, там или золой посыпют на крыльцо, и вот она тоже тогда ходила сама не в себе. <...> Она боялась дотронуться, что это ее колдуют...

Ремец А.М. Варнья, 2006.

596. Какие-то видения были даже на кладбищах. <...> Один тоже крест прибывал впотьмах. Полы-то длинные такие были в пальто. И вместе с крестом и полу так прижал. Токо стал отходить – его держит. Вот поднял крик такой! <...> Такие бывают анекдоты....

Ушакова Г.И. Кикита, 2006.

597. И я стишок ещё говорила [*в детском саду, более 70 лет назад*]:

«Хавронья Петровна,
Как Ваше здоровье?»
«Одышка и малокровье...»
«В самом деле?»
А Вы б побольше ели.»
«Хрю-хрю, нет аппетита,
Еле доела шестое корыто,
Ведро помой,
Решето с шелухой [*картофельные очистки*],
Пуд варёной картошки,
Миску окрошки,
Горшок вчерашней каши
Да жбан простокваши.»
«Бедняжка!
Как Вам должно быть тяжко.
А Вы б обратились к доктору фон дер Флиту,
Чтоб прописал Вам капли для аппетита.»

Вот такие ещё у меня запомнены...

Вавилова И.А. Варнья, 2006.

598. Бабушка моя часто ездила в город за покупками на лошади. Но в то время было страшно ехать одной, потому что всякое могло по пути случиться. Она делала соломенного мужчину, чучелу, наряжала его, сажала рядом, и ехали... Вроде бы и поговорить есть с кем, <...> и повеселее. Вот, они едут; рассуждает она, что она купит в городе, какие покупки совершит... Машин в то время [*мало*] было, конечно, так что очень редко попадались навстречу. Откуда ни возьмись машина навстречу; конечно, лошадь испугалась, дёрнулась, и Никифор упал под телегу. И бабушка соскочила в испуге, лошадь останавливает, и как бы Никифора жалко; она причитает и всё... Шофёр тоже обратил внимание, что по его причине как бы это... лошадь испугалась и всё... Он выбежал из машины и видит – человек под телегой. И бабушка, там,

старушка, в суматохе бегаёт, причитает. Теперь, значит, человека он как бы порешил. Потом начал вытаскивать его из телеги, и рукав один оторвался. Он так испугался, что невероятно, как это так: рука оторвалась. И он как бы тоже в обморок. Бабушка говорит: «Ну вот, я так запричитала, что двух человек угробила!» Поэтому этот Никифор соломенный; мы решили увековечить, сделаем, посадим в музей; поэтому он сидит и даже в музей нам денежку зарабатывает.

Сосновская Т.Т. Варня, 2006.

599. А потом одну историю рассказывала мне мама. У них в деревне сосед был очень пьяница большой. И звали его «Троха». И этот Троха постоянно пил. Он был такой маленький, борода такая шупленькая, остренькая. И этот Троха вечно придёт пьяный, ещё дебоширил. А детишек... так жили в нищете, домик такой низенький, лежаночка там. И вечно на лежанке там стояла кадушка, замешивали тесто, хозяйка, чтобы семью накормить. И вот как-то одни раз Троха этот пришёл пьяный, завалился на лежанку спать и ногой эту кадушку скинул. Она, конечно, старенькая, разбилась, и это тесто расплылось везде по избёнке. И вот жена в сердцах брала это пригоршням тесто и всё в него кидала. И куда попало: и на лицо, и на... где только можно было. Ну, этот, Троха-то, конечно, пьяный отмахивался, отмахивался да так и заснул. Наутро он просыпается, и первым делом, что ослеп. Тесто-то позасохло на лежанке на тёплой. И ослеп, и эта бородёнка застыла от теста этим... как колом, весь в этом, в гипсе, в цементе. Бегаёт по избе и кричит, что: «Ослеп! Ослеп!» И ругается, кричит. А дети все с женой врассыпную, что нечистый, чёрт, что сатана к нам пришёл. И с избы вон. И с тех пор его называли «Троха цементированный», что при жизни памятник себе поставил.

Сосновская Т.Т. Варня, 2006.

Пословицы и поговорки

600. Бог выше беса... Я не верю ни во что, колдовству этому. Не верю и не верила.

601. Вер много, а Бог-то ведь один. [*По поводу «вселения» баптистов в старую православную церковь.*]

602. Ходили на исповедь – «грехи сдавать».

603. В Бога веруй, а сам не плошай.

604. Справедливого крестного знамени никто не умеет. Так лучше пусть [*не крестятся*], будет больше скорбящих, чем молящих. Пустому маханию враг [*т.е. черт*] радуется. [*О современной молодежи, которая забывает традиции.*]

605. Они Богу молились, а чёрту веровали. [*По поводу столкновения у ворот кладбища, когда старообрядцы не позволяли хоронить там перешедшую в православие женщину.*]

606. Кто поёт песни – у того лоб тресни.

607. Как месяц ни свети, а всё не солнышко.

608. Маткин берег, батькин край.

609. Своя хатка – родная matka.

610. Ничего, найду [*затерявшийся молоток*]; я домашняя крыса...

611. Спрашивает: «Не скучаешь? Всё-таки пятьдесят пять лет ...» [*прожила в Муствезе*]. А я говорю: «Чужое не греет...» [*Живет в чужом городе и в чужом доме.*]

612. Домашняя дума в пути не годится.

613. Век жить – не мех сшить, не поле перейти.

614. Человек нарождается, и судьба ему нарекается.

615. Она [*бабушка*] ещё говорила: «Жисть – коляска; туда ехать не тряско, а туда, доченька, приедешь – и всем делам развязка». Значит, жизнь – это тяжёлая, да, я понимаю так. Туда ехать не тряско – туда несут; а туда приедешь, значит, в могилу, – и всем делам развязка. Всё кончилось; тут осталось, по эту сторону...

616. Не живи так, как хочешь, а живи, как придётся.

617. Стрели в ворону и в сороку, попадёшь в ясного сокола (*Не делай большого выбора, когда замуж хочешь идти*).

618. У мельника свинью не купи, у вдовы дочку не возьми.

619. У богатой невесты и сарафан шире.
620. Замуж идёт – песни поёт, а вышла – слёзы льёт.
621. Муж жене – отец, жена мужу – венец.
622. Мать пазуху протрёт, да детям бережёт, а дети пазуху протрут, да от матери прячут.
623. Что год, то поп. (*Что год, то ребенок*).
624. Живёшь – не с кем покалякать, умрёшь – некому поплакать.
625. Хоть сзади, да в одном стаде.
626. Вот, старый! Перед праздником кто навстречу, тому и «Terre!», «Здравствуй!» [*Всех прохожих зазывает в гости.*]
627. Наша хата всегда людям богата. Рыбаки – битком набито, сесть некуда.
628. Одны вон, другие – в середину. [*О гостях, сменяющих друг друга.*]
629. В первый день гость золото, во второй – серебро, а в третий – медь, домой едь.
630. Счёт дружбы не теряет.
631. А врач ему объяснил, что волк волка не съест. [*О нежелании членов медицинской комиссии пересмотреть выводы своих коллег.*]
632. Ума не нальёшь.
633. Дураку наука – что ребёнку огонь.
634. Богату дураку и с казной не спится. Бедный гол, как сокол, поёт-веселится.
635. Не красна книга письмом, а красна умом.
636. Своей бедой всяк себе ума купит.
637. Молодой ум, что молодая брага.
638. Молодой умок, что вешний ледок.
639. Ланно [*ладно*], тётка Анна: жить будем и хлеб добудем.
640. Калач приедится (*приестся*), а хлеб-соль – никогда.
641. Вода найдёт, где вылиться... [*Угощая второй чашкой чая.*]
642. Если будет дождь да гром – не нужён и агроном.

643. И там огород, и здесь; ну, на два хутора живу. А годы не те, надо к одному берегу...
644. Удача – пиво, неудача – квас.
645. У чужого счастья не нагреешься.
646. Мы за реку, а горе на берегу.
647. Сам бы ел, да деньги надо.
648. А работа-то у нас – врагу подарить, и тот не будет благодарить!
649. Ни Богу свечка, ни бесу кочерга (*если человек не умеет что-то делать*).
650. Ворон каркает к несчастью, ворона – к ненастью.
651. Всякое лихо споро, не минует скоро.
652. Дела как дудки, только не играют.
653. Пейте чай – запьем всё горе!
654. Мельница сильна водой, а человек едой.
655. Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной.
656. Полно с нас – не дети у нас. А дети будут – сами добудут.
657. Семь поваров на кухне, а гости с голоду опухли.
658. Деньги – не рожь, и зимой растут; стары люди говорили.
659. Корова на дворе – еда на столе.
660. Не гони коня кнутом, а гони коня овсом.
661. Долго спишь – долг напишь.
662. Зацепившись за пень, простоял весь день.
663. Схватились сено косить, как начал дождь моросить.
664. Чай пить – не дрова рубить.
665. И готово, да бестолково.
666. Холодно, на ком одно, а и вдвое, да худое, также ровно холодно.
667. Скосорымился (*скривился*), как песья старость [*рахит*].
668. Глаза как ложки, не видят ни крошки.

669. Выпучила гляделки, как сова.
670. Заварил кашу – не жалей и масла.
671. Корова на дворе, а вода на столе (*о жадном человеке*).
672. Бог создал три зла: бабу, беса и козла.
673. Говорю, как Богу, так вам [*искренне, правдиво*].
674. Ни одно дерево до неба не выросло (*про гордого человека*).
675. Девушки – как фальшивые денежки.
676. Честное слово – врать готово.
677. Не дай, да и не лай.
678. Я шапку в охапку, Часовник подмышку – и пошла. [*О том, как ушла из старообрядческой школы при храме, где рассказчику обидел учитель.*]
679. Не суй нос в чужой овёс.
680. Кто-то ей сказал, что мы собираемся. Вести не стоят на месте.
681. Сулиха недахе родная сестра [*обещает и не исполняет*].
682. Кто как хочет, тот так и погочет. В старых людях так сказано. Каждый по-своему...
683. Собака лает, ветер носит, до нас не доносит.
684. Из сайки слона делать.
685. Не верь козлу в капусте, а волку в овчарне.
686. Тихое море – глубокое дно.
687. И тихие воды глубоки; и тихи, да лихи.
688. Тихая вода берег подмывает.
689. Не велика мышка, да зубок остёр.
690. Умному – на веселье, дураку – на погибель (*о водке*).
691. Море вино любит.
692. Пейте пиво, господа,
Пиво лучше, чем вода.
Водка – тоже,

Но дороже.

693. Вы пейте, пейте, братцы, тут – на том свете не дадут.
694. Где громко говорят, там пьяницы живут.
695. Ой, война во все орудия! [*О домашних скандалах.*]
696. Нас [*певчих в церковном хоре*] было много – крылоса ломились.
697. Иванов как грибов поганных. Их пятьдесят шесть раз в году. <...> Иванов можно целое громадное войско [*собрать*].
698. Вода – не сало, высохло – отстала.
699. Часы для красы, а время по солнцу.
700. Лёг, свернулся, встал, встряхнулся и пошёл.
701. Красны горы, где чистые вору. [*«Красные Горы» – русское название Калласте.*]
702. Пётр и Павел час убавил, Илья-пророк два уволок.
703. [*Чёрт приходит, когда его называют?*] Как свят Бог!
704. У мужчины спросили: «Как Вы приехали?» А он: «Две ляжки впристяжку, и сам в корню». [*Пришел пешком.*]
705. Попей чайку, разгони тоску.
706. Хороша дочка Аннушка – хвалят мать да бабушка.
707. Не тычь, я не Иван Кузьмич!
708. Ёж, ёж, уходи прочь, на тебе кафтан нехорош!

Загадки

709. День спит, ночь глядит, утром умирает, другой заменяет. (Луна)
710. Стоит широшка и рассыпает горсточку горошка. Рукам не собрать и крылом не опахать. (Звезды)
711. Заря-зоренка ключи потеряла, месяц пошёл – не нашёл, солнце пошло – и нашло. (Роса)
712. Мету, мету – не вымету, несу, несу – не вынесу; пора придёт – сама уйдёт. [Снег]
713. Без рук, без ног, под окном стучит, в избу просится. (Ветер)
714. Ноги многи, усы длинны, а хвостиком брык-брык. [Рак?]
715. Около кола золотая трава. (Хмель)
716. Летит зверёк через Божий домок, летит, говорит: «Вот моя силка горит!» (Пчела пролетает над церковью, где горят восковые свечи)
717. Не князь по породе, а ходит в короне. (Петух)
718. Четыре четвёрки, четыре растопырки, один мухтарь и два ухтыря. (Корова)
719. Четыре четвёрки, две растопырки, одно помело, два, как яхонты, горят. (Кот)
720. Сошлись три брата и говорят: один – «Мне зимой тяжело», второй – «Мне летом тяжело», третий – «Мне всегда тяжело». (Сани, телега, лошадь)
721. Двину я, двину по белому Трофиму; поёт мой Трофим и не пробудится. (Старинные форточки без крючков)
722. У нас в печурочке золотые чурочки. (Дрова)
723. В чистом поле красны кони; сивый скочит – всех разгонит. (Уголья в печи и помело)
724. Мать толста, дочь красна, сын храбр, в поднебесье ушёл. (Печь, огонь, дым)
725. Родился в печке и взвился в колечко, улетел под небеса. (Дым)
726. Между двух сосен висит кулик с носом. (Рукомойник)
727. Был я на топалище, был я на копалище, был я на кружале, был я на пожаре. (Горшок)

728. Был на копке, был на топке, был на пожаре, был на базаре, молод был – сто голов кормил, стар – пелениться [*пеленаться*] стал. (**Горшок**)

729. Без рук, без ног, на гору ползёт. (**Тесто**)

730. Не живой, а дышит. (**Тесто**)

731. Скручен, связан, на кол посажен, а по двору пляшет. (**Метла**)

732. Железная мышь, шерстяной хвост. (**Иголка с ниткой**)

733. Висит сито, не руками свито. (**Паука** [*паутина*])

734. Поутру в сажень, днём в пядень, а вечером через поле хватает. [**Тень**]

735. Живой бьёт, мёртвый голос издаёт, на крик его народ идёт. (**Колокол**)

736. Лежит – ниже кота, а станет – выше коня. (**Дуга**)

737. Согнута в дугу; летом на лугу, зимой на крюку. (**Коса**)

738. Три теленка по бокам, сколько будет животных? (**Да три его сколько хочешь, все один останется.**)

Детский фольклор

- 739.** У кота, у кота
Была мачеха лиха.
Она била кота
И приговаривала:
«Не ходи-ка, котенька,
И по чужим дворам,
И не качай-ка, котенька,
Чужих маленьких ребят,
И приди, котя, ночевать,
И будешь качать,
Прилюлюкивать».

Зап. Ф. Коняев в д. Варня. ERA Vene 2, с. 690, № 6.

- 740.** Ай люли, прилетели голубки,
И сели на дубки,
И стали думать и гадать,
Чем нам мальчишку забавлять.
И дудочками, и семечками.
Уж баю, баю,
Мальца сладко качаю.

Зап. Ф. Коняев в д. Варня. ERA Vene 2, с. 690, № 7.

- 741.** Баю-баюшки-баю,
Колотушек наклеплю,
Колотушек двадцать пять,
Чтобы Зине крепко спать.

Смирнова А.А. Зап. М. Феклистов и И. Венчикова на о. Пийрисаар в 1969 г. TRÜ VKK 72, с. 96, № 3.

- 742.** Баю-баюшки-бай-бай,
Спи, Зинулька, засыпай,
Придёт серенький волчок,
Схватит Зину за бочок
И утащит в кабачок,
Там продаст за пяточок.

Смирнова А.А. Зап. М. Феклистов и И. Венчикова на о. Пийрисаар в 1969 г. TRÜ VKK 72, с. 96, № 4.

- 743.** Люли-люли-люленьки,
Прилетели гуленьки,
Стали гули ворковать,
Чем бы Зиночку унять?
Они сели на песок,
Дали хлеба ломоток.

Смирнова А.А. Зап. М. Феклистов и И. Венчикова на о. Пийрисаар в 1969 г. TRÜ VKK 72, с. 96, № 5.

- 744.** Баю-баюшки-баю,

Пирогов напеку,
Гришу спать положу.
Пирогов напеку,
Попадью в гости приглашу,
И с большим рукавам,
И с широким кружевам.

Зап. М. Колпакова в Муствез в 1930 г. ERA Vene 3, с. 355, № 1.

745. Потешка

Ладушки-ладошки,
Пекли бабы лепёшки;
Лепёшки подгорели,
Гости подоспели.

Смирнова А.А. Зап. М. Феклистов и И. Венчикова на о. Пийрисаар в 1969 г. TRÜ VKK 72, с. 96, № 1.

Считалки

746. Кис, кас, кислый квас; налей воды и выйди ты!

Антропов П., д. Желачек (о. Пийрисаар). TRÜ VKK 11, с. 104, № 1.

747. Шла собака через мост,
Четыре лапы, пятый хвост.
А потом, потом, потом
Хвост отрубили топором.

Антропов П., д. Желачек (о. Пийрисаар). TRÜ VKK 11, с. 107, № 10.

748. – Заяц белый, куда бегал?
– В лес дубовый.
– Что там делал?
– Лыки драл.
– Куда клал?
– Под колоду.
– Кто украл?
– Вынь, положи, кого хошь – берёшь.
Ответ: Сам с собой, как небо с водой.

Антропов П., д. Желачек (о. Пийрисаар). TRÜ VKK 11, с. 104, № 3.

749. Ехал кара по дороге,
Своротил бабу с дороги.
Баба кланялась, перекланялась –
Кому пояс, кому два,
Кому денежна казна.

Зап. Н. Агапин в Муствез в 1930 г. ERA Vene 1, с. 391, № 1.

750. Ваня баенку топил,
Дым с окошка повалил;
Ваня думал, что пожар,
Схватил вёдры, побежал.

Зап. Н. Агапин в Муствез в 1930 г. ERA Vene 1, с. 391, № 5.

751. Шла кукушка с длинным носом,
Подошла ко мне с вопросом:
«Как избавить этот нос,
Чтобы больше он не рос?».
«Вы купите купоросу,
Приложите это к носу,
А потом, потом, потом
Отрубите топором.»

Зап. Н. Агапин в Муствез в 1930 г. ERA Vene 1, с. 392, № 6.

752. Чашечка, лимончик, чай, сахарёк, выйди вон, королёк.

Зап. И. Антропов в Муствез в 1930 г. ERA Vene 1, с. 393, № 8.

753. Раз, два, три, четыре, пять,
Шесть, семь, восемь, девять, десять;
Вышел белый месяц,
А за месяцем ступа,
Парень, девице слуга.
Ты, слуга, подай карету,
А я сяду и поеду;
Ты слуга, подай метлу,
Я карету подмету.

Зап. М. Бубнова в Муствез в 1930 г. ERA Vene 1, с. 401, № 1.

754. Раз, два – кружева,
Три, четыре – подцепили,
Пять, шесть – кашу есть,
Семь, восемь – сено косим,
Девять, десять – сено весить,
Одиннадцать, двенадцать –
На улице бранятся.
Тринадцать, четырнадцать –
Перо или чернильница?

Зап. М. Бубнова в Муствез в 1930 г. ERA Vene 1, с. 401, № 2.

755. Гу-гу, на углу
Потерял мужик дугу.
Плакал, плакал, не нашёл,
И заплакал, вон пошёл.

Зап. О. Гужова в Муствез в 1930 г. ERA Vene 1, с. 407, № 3.

756. Раз, два, три, четыре,
Меня грамоте учили.
Не читать, не писать,
Только по полу скакать.
Я скакала, я скакала,
Себе ноженьку сломала;
Побежала я домой,
Завязала я травой.
Меня маменька ругала
И за доктором послала;

Доктор едет на коне,
Балалаечка в руке.

Зап. Г. Калинин в Муствеэ в 1930 г. ERA Vene 1, с. 458, № 6.

WWW.STAROVER.EU